

В. В. С. С. С.
Путь на Восток
лесок

Константи́н Ки́слов

Скан: Creativesh

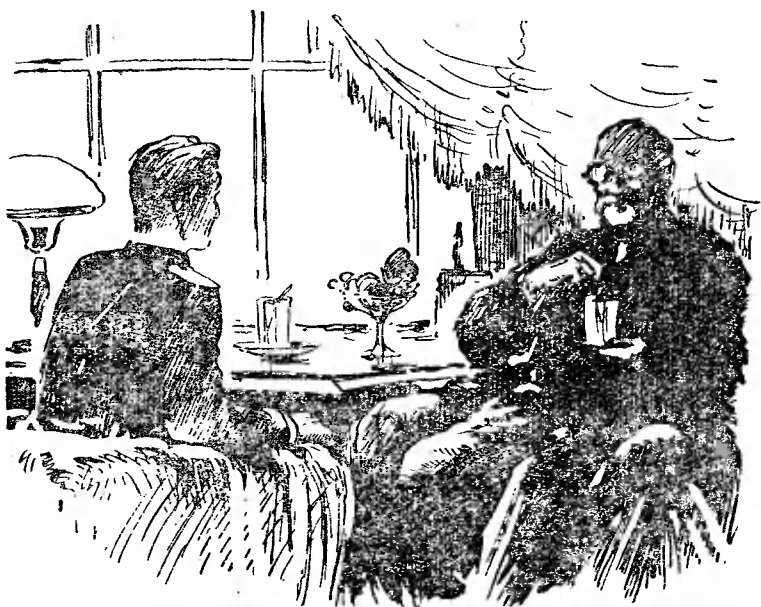
Путь на Олений лодок

ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗССР
ТАШКЕНТ — 1959

Художник
К. ЧЕПРАКОВ

1. КАПИТАН МИЛИЦИИ СДАЕТ ЭКЗАМЕН

Профессор Данилин грузно поднялся из-за стола, привычным движением руки снял очки и, устало щурясь, взглянул на вошедшего в кабинет человека. Глаза старого профессора, глубоко спрятанные под седыми пучками бровей, потеплели.

— Э-э, Николай Иванович!.. Товарищ Шатеркин!.. Да проходите же, батенька мой... Чего у порога топчетесь? Проходите...— неловко засуетился он, выходя навстречу молодому рослому офицеру в ладно подогнанной форме.

— Здравия желаю, Сергей Владимирович!— капитан козырнул.

— Садитесь, ради бога... Ах ты же какой! Непременно надо каблуками щелкнуть. Да что я, генерал, что ли? Садитесь сюда вот, в кресло, пожалуйста,— увлекая капитана за руку, радостно и дружелюбно ворчал старик.

— По-другому, товарищ профессор, нельзя, не полагается,— смущенно улыбнулся капитан.

Оба рассмеялись.

— Пожалуй, так... Правильно, товарищ капитан милиции.

Шатеркин положил на стол пузатую папку с двумя металлическими застёжками, снял фуражку, вытер платком слегка вспотевший лоб и сел за небольшой столик; против него в мягком глубоком кресле уселся профессор.

По радушному приему Данилина и непринужденности, с которой держался Шатеркин, было видно, что этих разных по возрасту и положению людей связывает нечто большее, чем служебные дела.

В кабинет вошла девушка с подносом и начала разливать чай. Профессор повернулся к ней.

— Спасибо, спасибо... Мы уж как-нибудь сами похозяйничаем.

Девушка вышла. Данилин пододвинул к Шатеркину стакан.

— Ну, а теперь рассказывайте. Что новенького?

— Да нет новостей, Сергей Владимирович. Все самое обыкновенное... Вот пришел к вам сдавать криминалистику. Старый должок.

— Что ж, хорошо,— профессор развел руками.— Ну, я думаю, вы ее и так знаете. Живете-то вы с ней дружно и неразлучно.

— И тем не менее,— в том же тоне возразил Шатеркин,— профессор Данилин за неудовлетворительный ответ все равно поставит двойку. Да он, по правде говоря, и не обязан выяснять, кто где работает. Для него все студенты, все учащиеся. И если какой-нибудь студент-заочник не знает учебного материала...

— Значит, двойка!— профессор хитро прищурил глаза, покачал внушительно головой и с нарочитой строгостью в голосе сказал:— А если это касается капитана милиции, ему за путаный и неясный ответ тем более будет двойка. Криминалистика для капитана милиции так же необходима, как ноты для музыканта. Без нее он не капитан милиции, а всего лишь регистратор происшествий, да, да... А впрочем, Николай Иванович, ну ее к богу, эту самую криминалистику, пейте, пожалуйста, берите свежее варенье, бисквиты...

— Благодарю.

Данилин вылез из тесного кресла, подошел к окну, которое выходило на солнечную сторону, и приподнял тяжелую, со множеством складок штору. За окном разноголосно звучала беспокойная жизнь города: то врывался и угрожающе нарастал железный гул проходивших мимо трамваев, то мелодично вспевали гудки легковых автомобилей, то доносились голоса прохожих. И среди этого неровного шума неестественно мягко и мирно звучал неугомонный спор воробьев и ласковое воркование голубей в карнизах.

— Денек-то какой чудесный,— с завистью сказал Данилин.— В такой день только бы где-нибудь на берегу под ракушкой сидеть да язей выуживать. Хороший денек!..

Шатеркин достал из кожаной папки толстую ученическую тетрадь, раскрыл ее. В верхней части листа прямым твердым почерком было написано: «Осмотр места происшествия и вещественных доказательств».

— А вы, кажется, и в самом деле зачет сдавать приготовились?

— Вполне серьезно, Сергей Владимирович,— покорно ответил Шатеркин.— Задумал в этом году поднатужиться и закончить институт. Осталось не так уж много... Надоел я вам, наверно, изрядно: то на консультацию, то на беседу, то с каким-нибудь милицейским делом иду... Отрываю вас от научной работы.

Профессор нахмурился; хохлатые седые брови, словно две маленькие мышки, недовольно задвигались.

— Полно вам, Николай Иванович, а то осержусь... осержусь не на шутку!

Он задумался, постоял возле этажерки, набитой книгами и журналами, передвинул с одного места на другое хрустальную вазу с поблекшими полевыми цветами и снова повернулся к Шатеркину.

— Для профессора юридического института милиция — клиника! Первоисточник нашей науки! А вы — «надоел»,— Данилин энергично вскинул голову, глаза его засветились.— Когда я иду по улице и встречаю рядового милиционера, я, старый профессор, снимаю перед ним шляпу и низко кланяюсь. Вот так-то, друг мой.

Сергей Владимирович, заложив за спину руки, ходил по кабинету тяжелыми размеренными шагами. Шатеркин молча поглядывал на своего учителя. Он вспомнил сейчас прошлогоднюю встречу с Данилиным на городошном поле. Профессор играл в городки с милиционером Калинин. Играл он тогда с таким азартом, с такой юной хваткой, что опытные городошники только восхищенно переглядывались.

Капитан Шатеркин хотя и не часто бывал у Данилина, но всегда шел к нему с удовольствием, как к хорошему и душевному другу. И беседы их были необыкновенно теплыми и дружескими. Иной раз они затягивались надолго и выходили далеко за пределы предмета криминалистики. Говорили они и о достижениях технической науки, и об охоте на дупелей, и о вкусовых преимуществах ухи из налима, и о русской плясовой музыке, в которой неплохо разбирался Сергей Владимирович. В хорошо оборудованной криминалистической лаборатории профессора Шатеркин решал немало сложных задач, связанных с работой милиции.

Сергей Владимирович медленно прошелся вдоль стены, где в больших, доверху застекленных шкафах были разложены всевозможные экспонаты орудий и средств преступлений. Тут были и подлинники, хранившие до сих пор невидимые простым глазом следы пальцев преступников, и модели орудий взлома, «балерины», «медвежьих лапы», специально изготовленные для института,— все это лежало здесь под номерами, а кое-что и под стеклянными колпаками, как в музее, и служило науке о раскрытии преступлений. Теперь это просто учебные пособия. Они больше никому не принесут несчастья.

— Новинку нашу заметили?— спросил профессор, задержавшись у шкафа.

— Не обратил внимания,— привстал Шатеркин.

— Прекрасная коллекция гильз и пуль автоматических пистолетов. Здесь более трехсот моделей!— постукивая полусогнутым пальцем по стеклу, сказал Данилин. — Нам удалось собрать все существующие образцы... Криминалистическая лаборатория нашего института богатеет с каждым днем, учтите это, товарищ капитан, в вашей практической работе.

Он постоял, любовно разглядывая через стекло эк-

спонаты, что-то помурлыкал под нос и вдруг, повернувшись к Шатеркину, спросил:

— А как ваше ювелирное дело подвинулось?

— Подвинулось хорошо. Раскрыли на днях.

— В таком случае, вас полагается поздравить с успехом. Мне кажется, что это было очень интересное дело.

Шатеркин вытянул под столом длинные ноги, вздохнул.

— Возражаю, Сергей Владимирович, — он задумчиво отхлебнул из стакана, пожевал бисквит, опять отхлебнул. Данилин забрался в кресло, приготовился слушать.

— А вообще в этом деле есть кое-что новое... Может быть и глупое, но нсвое.

— Не все новое бывает умным, батенька мой! — засмеялся Сергей Владимирович. — К сожалению, встречаются и глупости новые, самые новейшие...

— Вор вскрыл обычным приемом стекло и забрал с витрины несколько штук золотых часов. Но прежде чем уйти, он решил в некоторой мере компенсировать нанесенный магазину ущерб — оставил в витрине свои старые часы, тоже краденые, иностранной марки, вместе с замызганным ремешком. Вот этот ремешок и привел нас прямо к нему.

— Отчаянная самоуверенность! Может быть, второпях потерял?

— Нет, вполне сознательно оставил. В этом и заключается новое. И вы знаете, что сказал этот вор, когда я с ним беседовал?

— Расскажите, расскажите.

— Он говорит, что это последняя новинка Запада. Крик западной преступной моды! А он — вор-стиляга! За границей, говорит, вору — народ деликатный, образованный, и, бывая на деле, обязательно оставляют что-нибудь в память о себе, какой-нибудь сувенир, что ли. Ну вот и он решил с некоторых пор преклоняться перед воровским культом Запада.

— Вот оно что... Ну, все это уж не так ново и модно для воров, Николай Иванович. Важно другое: как к нему дошла эта мода?

— Ого! Он хотя и молод, но уже успел побывать в Австрии, во Франции. Восемилетним мальчишкой вместе с матерью был увезен немцами... Недавно вернулся на родину.

Сергей Владимирович задумчиво побарабанил по столу пальцами. Он, старый профессор-криминалист, много встречал за свою многолетнюю практику самых неожиданных способов преступлений: то дерзких, то до смешного наивных и глупых — он знал, что нет границ и пределов «изобретениям» в этом позорном деле. Воровской «почерк» всегда строго индивидуален. Сколько на свете преступников, столько и способов преступлений. Случай, о котором только что рассказал Шатеркин, заинтересовал его.

— Н-да... — в раздумье произнес профессор. — А ведь насчет сувениров он сказал правильно. Это вполне объяснимо, Николай Иванович: работают, подлецы, вместе с полицией! Чего проще? Вор с именем, какой-нибудь профессионал с этакой громкой романтической кличкой, ограбил ювелирный магазин, хапнул солидный куш. На место происшествия вызывается по всем правилам сыскная полиция. Приехали, посмотрели: в витрине или где-то на прилавке лежат старые часы с истертым ремешком — и все ясно. Соблюдаются необходимые в таких случаях формальности, хозяину магазина выдается официальный документ полицейского ведомства — он получает страховые, полиция и воры делят пополам украденное. Всем хорошо! А уж когда нет этого сувенира на месте происшествия, преступника надо искать. И его обязательно найдут...

Данилин опять вылез из своего тесного кресла, тяжело ступая, прошелся по большому мягкому ковру, сухо покашлял.

— Капиталистическое окружение дает нам не только шпионов и диверсантов, оно дает также дурной пример и вдохновение мелким преступникам. Об этом всегда надо помнить... А к этому случаю приглядитесь получше.

Наступила продолжительная пауза. Перед глазами Шатеркина стоял вчерашний преступник: с острой куриной грудью, долговязый, как чахлое растение. В лице — наглая самоуверенность и вызов, на безымянном пальце левой руки — золотой перстень с крупным дорогим камнем. Шатеркину кажется, что он и сейчас слышит его неприятный слюнявый голос: «Прошу прощения, капитан, я не Роман Онучин, я — Том Штюбер!»

Профессор подошел к письменному столу, открыл толстый учебный журнал.

— Так что же, студент, приступим к делу?

— Я готов, Сергей Владимирович.

— Вот и отлично. Сегодня, кажется, девятнадцатое июля?

Но только Данилин перевернул листок откидного календаря, сделал отметку в журнале и начал обдумывать вопрос для Шатеркина, на столе задребезжал телефон. Профессор, недовольно поморщившись, взял трубку.

— Да, я слушаю... Кто?.. Ах, вон что... — хохлатые брови нависли над глазами. — Но, батенька мой, он в настоящий момент не начальник отделения, а всего-навсего студент и сдает зачет... Неотложное дело?.. В таком случае подчиняюсь вашему указанию, товарищ старший лейтенант. Но учтите, ответственность за последствия ложится на вас, — пошутил Данилин и, передавая трубку, проворчал:

— Везде разыщет.

— Слушаю, Алексей Романович... Что? — отрывисто переспросил Шатеркин, дунув по привычке в решетчатый микрофон. — Обнаружен человек?.. Понятно. Доложите полковнику — выезжаю на место.

Шатеркин осторожно положил на рычаг трубку и виновато поглядел на профессора. Данилин пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, Николай Иванович. Зачет по криминалистике не состоится по вполне уважительной причине. Ступайте сдавать ее на живом деле, да не провалитесь, двойка на живом деле — непростительно!

Шатеркин торопливо застегнул папку и, простившись с Данилиным, быстро вышел из кабинета.

2. ТРУП ПОД ЧЕРЕМУХОЙ

Старший лейтенант милиции Котельников встретил Шатеркина у подъезда. Он был, как всегда, подобран и энергичен в движениях.

— Все готово, Николай Иванович, выезжать можно сию же минуту. Что касается этого дела, я тут...

— А где доктор? — нетерпеливо спросил капитан.

— Он уже выехал и будет ждать нас на месте.

Котельников торопливо, короткими затяжками, докурив сигарету и сильным ударом ладони выхлопнул из янтарного мундштучка окурок.

— Риф готов?

— Будьте покойны! У старшего лейтенанта милиции, как у хирурга, все в полном порядке.

Они забежали во двор, и едва дежурный милиционер успел растворить большие железные ворота, на улицу с оглушительным треском выкатил мотоцикл. Шатеркин сидел за рулем, Котельников — позади него, на втором сидении, а в прицепной пассажирской лодочке, беспокойно поводя носом, с надменной важностью поглядывала по сторонам большая остроухая овчарка Риф.

Машина шла с большой скоростью по широкой асфальтированной трассе. Теплый и цепкий ветер во весь голос распевал озорную неугомонную песенку, туго хлестал в лицо. По обочинам дороги в неудержимом галопе мелькали одинокие сосны, кусты шиповника, а дальше, словно в хмельном свадебном хороводе, кружились нарядные пригородные дачи, сады, затянутые розовой дымкой, стеклянные крыши оранжерей. Еще дальше возвышались горы, покрытые сплошным темным лесом.

На повороте, откуда шоссе почти под прямым углом уходило в сторону леса, стоял милиционер. Шатеркин затормозил машину.

— Вам направо, товарищ капитан. Вот по этой тропке.

Оставив мотоцикл милиционеру, Шатеркин и Котельников свернули с шоссе, прошли сотни три метров по мелким, цепляющимся за одежду кустарникам и оказались на берегу полноводной и широкой реки.

Риф рвался, беспокоился и так натягивал поводок, что он, соприкасаясь с кустами, звучал, как струна. Котельников еле сдерживал бег собаки.

Почти у самого берега их встретил судебно-медицинский эксперт — пожилой человек с острой седой бородкой. Он стоял под деревом и задумчиво раскачивал в руках объемистую медицинскую сумку.

— Здравия желаем, Афанасий Петрович! — крикнул на ходу Котельников, приветливо улыбнувшись. — Как добрались?

— Алексею Романовичу, мое почтение!— тем же тоном ответил доктор.— В полном порядке.

Они подошли поближе и остановились.

На берегу, в пяти шагах от воды, под коренастой ветвистой черемухой лежал человек. Лежал он спокойно и кротно на правом боку, лицом к дереву. Как будто утомленный путник забрел сюда в холодок, укрылся от изнуряющего зноя и крепко заснул.

— Мужчина... и не старый,— приглушенным голосом сказал доктор.

Все молчали.

Острый наметанный взгляд капитана Шатеркина быстро скользил с одного предмета на другой, задерживаясь на едва приметных деталях. Вот он остановился на неудобно откинутой руке, на слабо зажатом в непослушных пальцах «Вальтере», на взведенном курке, готовом снова повторить свой смертельный удар...

— Самострел?— спросил доктор, ожидающе взглянув сперва на Шатеркина, потом на Котельникова. Ему никто не ответил.

А придиричивый взгляд Шатеркина продолжал свой круговой путь — по берегу, по примятой траве...

Капитан приготовил фотоаппарат, несколько раз щелкнул с разных позиций, затем коротко приказал Котельникову:

— Пустите Рифа.

Старший лейтенант отстегнул сворку — Риф беспокойно метался. Он обежал человека, обнюхал его широкое монгольское лицо, ноги, руки, примятую возле него траву, золу потухшего костра в сторонке. Влажный чувствительный нос собаки напряженно работал.

— Ищи...— ласково ободрял Котельников.— Ищи лучше... Ищи, дорогой...

Все не сводили с собаки глаз.

Вдруг Риф отвернулся от человека и, тонко взвизгнув, помчался к воде. Котельников за ним.

— Апорт, апорт...

Риф забежал у самой кромки берега. Пробежал раз, другой, сердито заворчал, кинулся к воде, замочил лапы, брезгливо потряс ими и вернулся. Жалобно повизжал и сел, устремив злой взгляд на широкую гладь воды, покрытую темными полосами донных течений.

Котельников заботливо огладил пса и принялся обследовать берег. Там, где уселся Риф, на мощном вековом пласте красной глины, выступившем из-под воды, он обнаружил продолговатую глубокую полосу.

— Ага, след лодки! Похоже, что это она носовой частью так царапнула берег...

Как только Риф отбежал от того места, где лежал человек, Шатеркин и доктор приступили к осмотру трупа.

Капитан внимательно осмотрел одежду неизвестного: пиджак, брюки, рубашку, белье... Все карманы пусты — ни документов, ни денег. На одежде — никаких пометок о ее принадлежности, кроме фабричной марки, пришитой к внутренней части пиджачного кармана.

— Ничего. Никаких следов... — вслух подумал Шатеркин, продолжая осматривать труп и все его окружение. Папиросы, спички... Окурки, второй, третий... не слишком ли много?.. Он посмотрел на горку золы, обгоревший хворост, на умятый круг травы возле костра. Все это выглядело таким обычным, мирным, никак не вязалось с кровью. У костра тоже окурки, рыбы кости, бутылочные пробки.

— Кто-то был с ночевой, рыбачили. уху варили...

Капитан закрыл папиросную коробку, отложил в сторону спички — тут ничего нет. Опять посмотрел на поношенные ботинки, на серую кепку, лежавшую под кустом вербы, на вполне приличный городской костюм. Кто же все-таки он?..

Шатеркин осторожно разжал холодные, окостеневшие пальцы, взял пистолет. «Вальтер» как «Вальтер», малого размера; таких много видел он в последние дни войны в городах Германии, когда бежавшие в панике гитлеровцы бросали не только награбленное добро, но и личное оружие и свои ордена. Предохранитель — в

боевом положении, а ярко-красное пятнышко под ним горит, как зловещий глаз, и предупреждает: «Не шути, пистолет заряжен!» На обеих сторонах оружия заводские пометки, у спусковой скобы — шестизначный фабричный номер. Возле кнопки магазинодержателя — свежие, едва заметные царапины, в виде латинского креста...

Капитан разрядил пистолет. Увы — даже пальцы не отпечатались на холодном вороненом металле.

Котельников позвал Шатеркина.

— Какие-то следы... разные и много, весь берег утопан...

Они оба присели у берега. На глине отпечатались очень ясные следы: одни поменьше, другие — следы казенных сапог — крупнее, местами они были зализаны приплеском; особенно выделялся след левой ноги — глубокий, неровный и тяжелый. «Это, должно быть, инвалид топал, — подумал капитан. — Да, да, с удочкой ходил по берегу, рыбак.

— Смотрите, какой... — указал Котельников на глубокий и отчетливый отпечаток у самого берега. — Уж очень крупный и широкий... будто не человек, а слон шагнул с берега. А вот и заводское клеймо: вдавленный полумесяц.... Первый раз это клеймо вижу... Вы таких не встречали?

Шатеркин вгляделся в отпечаток, затем посмотрел на ботинки, в которых лежал человек.

— Это свежий, но... не они, не та нога,—в раздумье произнес он, тихо посвистел, глянул в лицо Котельникову.— Вы лучше пошлите Рифа поискать гильзу.

Котельников огладил овчарку, приказал:

— Ищи гильзу, ищи...

Шатеркин, не трогаясь с места, еще раз осмотрелся, задержал взгляд на следах, найденных Котельниковым: «Похоже на то, что и порывачили здесь в удовольствие и покутили на славу...» Он подошел ближе к берегу, поднял выдернутый с корнем таловый куст. «Надо же иметь силу, чтобы такое дерево выдернуть...» Задумчиво пожал плечами, опять нагнулся к Котельникову. Пока они, сидя на корточках, обмеряли следы, бережно фиксировали и фотографировали их, подбежал Риф и, помахивая хвостом, выплюнул Котельникову на ладонь стреляную гильзу.

— Калибр не вызывает сомнения,— заметил Шатеркин. Радостно фыркнув, Риф опять стал кружиться у берега, напряженно приносясь ко всему. Но вот он вдруг забеспокоился, заскулил. Шатеркин подошел к нему. Собака волновалась и всем своим видом показывала, что она что-то нашла.

— Спокойно, спокойно...— Капитан посмотрел под ноги — ничего не заметил, погладил сердитую собачью морду, но Риф не успокаивался. Следуя за собакой, он углубился по дугу в сторону от реки. Риф работал порывисто, энергично, но вперед шел медленно, часто возвращался назад. Видно было, что он взял какой-то запутанный след и теперь настойчиво «отрабатывает» его. Шатеркин неотступно следовал за собакой.

С каждым пройденным метром росла горячность Рифа. Он уже не возвращался больше назад, а шел стремительной «спиралью», часто делал короткие стойки, поднимал голову, весь замирал и напряженно тянул в себя душистый запах дуга.

— Что бы это могло быть?— озадаченно произнес Шатеркин, не спуская глаз с Рифа.— Он, кажется, в горячах сбился со следа и идет «верхом»... Кого-то чует, и, вероятно, совсем близко...

Вдруг собака круто повернула к реке, миновала заросли мелкого дубняка и, выскочив на бугор, злобно зарычала. Тотчас из-за бугра послышался крик и собачий лай. Шатеркин кинулся к Рифу. Каково же было

его удивление, когда он взбежал на бугор и увидел, что не более как в десяти шагах от Рифа в траве, не двигаясь от страха, стоял на коленях белообрый мальчишка; к нему прижалась небольшая кудлатая и вся взъерошенная собачонка. Она была невзрачна и пестра, но зато вся кипела от злобы, хотя и не решалась оторваться от своего хозяина.

— Ой, дядя милиционер!— не то от испуга, не то от радости, что за неумолимым и злобным псом, наконец, появился человек, закричал мальчик.— Не трогайте, дядя милиционер! И собаку уберите, а то она укусит.

— Не бойся, не тронет,— с плохо скрытой досадой сказал Шатеркин.— Это называется: выстрел по воробьям,— тихо добавил он.

Но Риф уже по-хозяйски обежал лощинку, подошел к мальчику, не обращая ни малейшего внимания на выходящую из себя и совсем осипшую дворнягу, обнюхал его голые грязные ноги, покружился, кинулся в кусты. И там закричал мальчишка. Этот был немного поменьше первого, лет десяти, а может быть, и того меньше. Отступая перед собакой и пятясь задом, он появился из кустов и поднял руки: «Сдаюсь». На его курносом смуглом лице от испуга совсем округлились черные, как сливы, глаза.

Шатеркин отозвал Рифа.

— Кто вы такие будете?— спросил он, подходя к первому мальчику.— И что вы здесь делаете?

— Ничего не делаем... Я—Парфенов!.. Это наш Шарик,— указал он на собаку.— А он—Толик Огурцов, знаете его?

— Не знаю.

— Ну как же? Мать у него первая работница на текстилке, поэтому и его все знают,— смелее и тверже ответил мальчик.

— Многостаночница она,— существенно уточнил Толик, начавший приходить в себя.

Шатеркин поглядел на грязные босые ноги ребят, на кривые мохнатые лапы Шарика, который все еще с великим усилием взлаивал и недружелюбно глядел на незваных гостей, особенно на своего огромного собрата, и невесело усмехнулся. Капитан понял: мальчишки раньше, чем он, успели побывать на месте происшествия, и поэтому-то Риф так горячо кинулся по их следу.

— Ну что же, ребята, подходите поближе... Познакомимся, что ли?

Мальчишки в смущении топтались на месте, с опаской поглядывая на большую собаку. Толик крутил вокруг пальца длинную сырую бечевку, на которой были привязаны два засохших ерша с большими остекленевшими глазами.

— Вы не знаете, как надо знакомиться?

— Знаем,— ответил Парфенов и, первым подойдя к Шатеркину, протянул ему короткую, пахнущую рыбой руку.

— Парфенов Эм Ве,— важно, с достоинством взрослого произнес он.

— Очень приятно. — Капитан пожал руку Парфенову, улыбнулся. — А точнее нельзя, товарищ Эм Ве?

— Можно и точнее: Парфенов Михаил Васильевич!

— Хорошее имя. А вы знаете, кого еще звали Михаил Васильевич?

Миша моргнул, согнал со щеки тяжелого напившегося комара.

— Конечно, знаем... Он тоже рыбалкой занимался, только не здесь, а на море. Там ого как спасно. Вот... А капитанам фамилия полагается или нет?— поглядев на серебристые погоны Шатеркина, неожиданно спросил он.

— Обязательно. Все капитаны имеют фамилию, имя и даже отчество.

— И у вас тоже...

— Ага, тоже: Шатеркин Эн И.

Миша озадаченно вздохнул, но тотчас ухмыльнулся и, склонив на плечо голову, лукаво спросил:

— А Эн И как правильно произносить?

— Произносить очень просто: дядя Коля.

— Так, ладно... Понимаем.

Шатеркин сел на бугорке и закурил папиросу. Риф расположился рядом. Ребята все еще стояли в сторонке и следили за своим новым знакомым пристально и настороженно.

— Подходите ближе, садитесь.

Мальчишки уселись на таком расстоянии, чтобы в случае каких-нибудь недобрых намерений капитана или его собаки можно было моментально сняться. От них

густо пахло рыбой и водорослями, будто они только что вылезли со дна стоялого озера.

— Удили, что ли? — взглянув на ершей, спросил Шатеркин.

— Немного рыбачили, — ответил Миша, — да клюет плохо: червяком играет, как маленькая, а не берет.

— На уху все ж добыли.

— Маловато, на уху не хватит. Кошке на жарену... — понимающе, как истый рыболов, ответил Миша. — Да и червяков больше нет. Копали вон там — не попадают.

— Зато вчера добыли много, — похвалился Толик. — Окуня большого подсекли, вот такого! — он показал руками. — Да двух крупных густерок, да ершей сколько...

— Значит, вы здесь и живете?

— Нет, — мотнул головой Миша. — Постоянное местожительство в городе. Это мы к дедушке Тимофею дня на три погостить пришли. Дедушка-то — пчеловод, ну и сидит все время на пасеке, не бросишь же пчел. Вон там он, за теми деревьями.

Наступило молчание. Мальчики смотрели на капитана.

— Вот что, ребята. Расскажите-ка мне, что вы сегодня за целый день видели.

Миша оттолкнул ногой пустую консервную банку, в которую они складывали червяков, царапнул рукой выгоревший белобрысый висок.

— Видели... Дяденьку этого видели. Вы про него знаете, да?

— Ничего не знаю.

— Как же так?! — воскликнул Миша, и лицо его вытянулось от удивления. Он облизнул сухие шершавые губы. — Мы же сразу об этом деле дедушке рассказали, а он милиционеру заявил...

— Значит, это вы обнаружили?

— Конечно, мы, — с гордостью сказал Миша. — Поэтому и собака-то ваша... Она поймала нас, наверное, потому, что мы там ходили немного, глядели... Вон Толик очень хотел поглядеть.

— Страшно как... — голос Толика дрогнул. — А зачем он застрелился?.. Пистолет у него заряжен, да, дядя?

— Не проверял, Толя.

— Ну да, заряжен.— подтвердил Миша.— Курок же взведен, не видал, что ли? Если бы он не был заряжен, красного глазка не было бы.

— А когда он стрелялся, не видели?

— Нет, этого не видели,— вздохнул Миша.— Мы даже выстрела и то не слышали. И дедушка Тимофей тоже не слышал, мы его спрашивали.

— Ах вон что! Вы уже приступили к расследованию? Ну и что получается?

— Ничего не получается. Интересно же, только очень страшно,— сказал Миша упавшим голосом.

— Да, ребята, страшно,— задумчиво произнес капитан.— А лодку не видели у берега?

— Нет.

— Как же «нет»!— воскликнул Толик.— А вчера-то, разве забыл? Помнишь, плыла?

— Ага, верно, вчера видели! — оживился Миша. — Она такая синяя, да?

— Не синяя, а зеленая,— возразил Толик, довольный своей памятью.— Это уж я хорошо запомнил: лодка зеленая, а весла красные.

— Молодец Толик! — похвалил капитан, отмечая про себя, что ребята становятся все смелее и доверчивей.— А вот кто на лодке был, ты не заметил?

— Дяденьки какие-то,— не задумываясь ответил Толик.— Двое.

— А тот, который теперь лежит на берегу... в лодке его не было? Не заметил?

Шатеркин вел разговор обдуманно, осторожно, все время не спуская глаз с мальчишек, чтобы вовремя заметить их переживания, тревогу, настороженность.

— Я одного хорошо видел, и сейчас бы узнал.— ответил Миша.— Он большой такой, лицо злое. А второй спиной сидел.

— Он японец, да? — спросил Толик.

— Не знаю.

— А тогда почему у него глаза такие узкие, а лицо широкое? Ведь такие только у японцев бывают? — продолжал уточнять Толик.

— Раньше вы когда-нибудь видели этого человека?

— Не замечали,— ответил Миша,

— Та-ак...

Шатеркин поднялся, отряхнул брюки. Повскакивали и мальчишки.

— Дядя Коля, а если мы...

— Никакого «мы», — поняв сразу Толин вопрос, ответил Шатеркин и, с улыбкой потрепав его черноволосую голову, повернул к реке. За ним поспешил Риф, бросив презрительный взгляд на зарывавшего Шарика.

— Желаю удачи, рыболовы!

3. ДОБРОВОЛЬНЫЕ СЫЩИКИ

Ребята задумчиво глядели вслед капитану Шатеркину и молчали.

— Бегом побежал... — произнес, наконец, Толик.

— Еще бы, торопится, видишь, какое дело-то... — неопределенно сказал Миша.

— Даже досказать не дал...

Толик взглянул на подбежавшего к нему Шарика, вспомнил про ершей, кинул ему их вместе с куканом, затем старательно обтер о трусы испачканные в чешуе руки.

Шарик брезгливо обнюхал ершей, раза два надсадно фыркнул и отошел в сторону.

— Зачем отдал? — недовольно спросил Миша. — Собаки же не едят рыбу. Это тебе не кошка. И потом он подавиться может, что тогда будешь делать?

— Ничего. Они, наверно, давно протухли, — поморщился Толик, понюхав руки. — На уху же все равно мало.

— Может, еще бы поймали, день долгий.

— А где же ты червей возьмешь?

Миша пробормотал что-то невнятное и отвернулся. Ему было жалко ершей, добытых с таким трудом. Шутка ли! Пришли они сюда раным-ранехонько: только что стало светать. Было прохладно. У берегов — серые облака липкого густого тумана. Даже трава казалась седой и тяжелой. Леску почти не видно, ребята следили за ней с напряжением, забыв обо всем окружающем, не замечали ни холода, ни сырости, ни комаров. И вдруг леска заколебалась. Вначале нерешительно, робко, потом смелее, настойчивее. Вот ее повело куда-то в сторону, вглубь. Толик крикнул, раскрыв в изумлении глаза:

— Тащи скорее! Уйдет.

— Тише галди!.. Никуда не денется,— сердито зашипел Миша и подхватил удочку. На крючке трепыхался маленький и скользкий ерш, величиною не больше мизинца Толика, злобно ошетилившийся всеми своими колючками.

— Ну и добыли судака!— посмеялся Миша.— Я думал, что-то крупное. Дергал, как сом...

А теперь и этих колючих ершей у них не было. Жалко. Толик поглядел по сторонам и, повернувшись лицом к другу, сказал полупшепотом:

— Знаешь что, Миша? Нам надо было взять этот пистолет. Мы бы уж постреляли из него.

— Как — «взять»? — спросил Миша, уставив на Толика серые, широко открытые глаза.

— Ну, очень просто... Такой хороший пистолет: черный, блестящий... Эх, дураки мы...

— Взять без разрешения, да?

Толик смутился. На смуглом лице его заиграл румянец.

— А мы бы только стрельнули раза два и опять незаметно на место положили. За это бы ничего не сказали.

— Вот бы и сказали! — Миша кинул на Толика строгий взгляд.— Если говорить честно и по-пионерски, нам бы и близко подходить к этому месту не надо. А как только заметили, бегом в милицию и все рассказать по порядку, а мы не так...

— Да-а,— вздохнул Толик. Он нахлобучил на глаза кепку с непомерно большим, помятым козырьком, которая до этого торчала у него за резинкой, поддерживавшей трусики.— А мы ведь неправду сказали ему, обманули...

Миша вытаращил глаза и весь взъерошился, ошетивился, как тот самый ерш, которого они утром вздернули на крючок.

— Неправду?!

— Ну да! Чего глаза вылупил? Помнишь, мы этого дядьку видели?

Миша с усмешкой поглядел на своего незадачливого дружка: «Опять что-то выдумал».

— Что? Думаешь нет?— правильно поняв насмешливый взгляд Миши, спросил Толик.

— Конечно, нет,— ответил тот.— Он, может, и в городе-то никогда не был. Может, он приезжий, командировочный. Ты же сам говоришь, что он сильно на японца похож. А японцев в нашем городе нет...

— Вот потому, что он похож на японца, я и приметил его,— торопливо и настойчиво доказывал Толик.— А потом на нем и брюки такие заметные: серые, а полоска синеватая, как настоящий пилотский кант.

— Сказал тоже! Таких брюк сколько хочешь.

— Ну и что же? Это неважно, пусть сколько хочешь, а все-таки эти брюки я видел на нем... Говорю тебе — это тот самый дяденька, которого мы недавно в детском парке видели.

— А чего он там делал?

— Наверно, гулял. Я ведь его не спрашивал,— начал сердиться Толик.— Он тогда был с девочкой. Помнишь? Она такая маленькая, в красных ботиночках, волосы у нее белые-белые, а бантик на голове тоже красный.

Миша задумался. Хотя Толик и доказывал так пылко, он все же не мог припомнить случая, когда они встречались с этим человеком. Маленькую беловолосую девочку он будто бы где-то видел. Но мало ли встречается в городе ребятшек!

— Вот тебе и фантик-бантик...— почесав затылок, произнес он. И почему-то вдруг на одну минуту ему представилась эта девочка с красным бантиком в белых, как лен, волосах. Она, наверно, еще ничего не знает... Может быть, сейчас где-нибудь на детской площадке играет... А вдруг это ее папа, которого она очень и очень любит? Каждый день встречает его с работы, кидается ему на шею, как котенок... И теперь ей скажут, что папа ее больше никогда-никогда не вернется... Миша глубоко и как можно незаметней для Толика передохнул. Кто-кто, а уж он-то слишком хорошо знал горечь такого несчастья. В 1945 году, когда Миша был совсем маленьким, в последних боях под Берлином погиб его отец, старший сержант Василий Парфенов. Он и сейчас помнит, как плакала мать, бабушка, бабушка и как тяжело было ему смириться с мыслью, что его папка никогда не вернется домой.

Миша вспомнил весь недавний разговор с капитаном

Шатеркиным. Милиция тоже пока не знает этого человека. Ведь если бы его знали, капитан не стал бы так допытываться. Значит, здесь большая тайна. «Вот как здорово получается, никто ничего не знает, и даже милиция...» Он сорвал одуванчик, дунул на него изо всей силы и полюбовался пушинками, медленно садившимися на землю. Потом бросил обдутый стебелек, кувыркнулся в мягкую сыроватую траву, вытянулся и закрыл глаза от горячего, слепящего солнца.

— Все равно я разыщу эту девчонку,— с твердым убеждением сказал Толик.— И тогда ты сам увидишь ее, я тебе обязательно покажу.

Миша подпрыгнул по-лягушечьи, присел на корточки, испытующе заглянул в глаза Толику.

— Дай мне слово, что никому и ни за что не скажешь.

— А что такое?

— Дай слово, тогда скажу.

— Ну, даю.

— Не так, а по-настоящему.

— Честное пионерское!— с чувством раздражения воскликнул Толик. Миша подобрал под себя ноги, уцепился обеими руками за крепкую густую траву, будто хотел выдернуть ее с корнем.

— Я такое дело придумал,— с таинственным воодушевлением начал он. Миша огляделся по сторонам, прислушался к скрипучей песне кузнечиков и, задышавшись от волнения, продолжал:— Давай найдем девчонку и у нее узнаем, кто этот дядя, потом придем в милицию и все-все расскажем. Они ведь тоже пока не узнали его... Знаешь, тут, наверно, важное дело скрывается, государственное, например. Согласен, да?

— Ну конечно, согласен,— без колебания ответил Толик.— Кто же может не согласиться на такое дело. Только вот я говорил, тебе, что мы промах дали насчет пистолета. Вот здорово, если бы пистолет был.

— Мы пока и без него обойдемся,— сказал Миша так, будто речь шла о суших пустяках.

— С пистолетом-то все-таки лучше, вернее.— Толик почесал голые ноги, изъеденные комарами, поправил козырек кепки, чтобы солнце не лезло в глаза.— При таком деле, знаешь, всякие происшествия могут случиться... Может, найдется такой человек и будет за нами

следить, подкараулит где-нибудь в темном месте и нападет. Как вот тут без оружия обойдешься?

— Можно обойтись! С оружием-то скорее попадешься, еще отнимут и избыют как следует.

— Ну да, отнимут,— все с той же настойчивостью возражал Толик, ехидно ухмыляясь. — Как же... Пусть только он попробует, подойдет — бац и готово, лапки кверху. Это же не палка, а пистолет, да еще какой...

— А может, в нем и патронов-то ни одного нет.

Толик нахмурился:

— Может нет, а может и есть...

— Вот что я хотел еще сказать,— заговорил Миша после небольшой паузы. — Проводить такое дело как попало нельзя, а то можно такое натворить... Мы все должны делать скрытно, как сыщики. Главное, чтобы никто ничего не знал, никому говорить об этом нельзя.

— Ты сам не проговоришься. А меня хоть ножом всего изрежь — не скажу! Характер у меня знаешь какой? — Толик показал большой палец правой руки. — Вот! Устойчивый, все даже удивляются.

Миша легко вздохнул и поглядел в ту сторону, где резвился Шарик. Пес играл на свободе. Он то напряженно работал кривыми короткими лапами, разгребая землю, то стремглав удирали куда-то в кусты, а через минуту с озорным лаем возвращался. Вдруг Шарик отчаянным образом завизжал. Ребята тотчас бросились к нему. «Наверно, змея укусила», — подумал Миша. Толик с докторским вниманием осмотрел Шарика, распутал на собачьей лапе кулан с истасканными ершами и поставил диагноз:

— Ершом во рту уколол... фыркает, тоже мне, пострадавший... Не будешь хватать зубами всякую гадость.

— Мы его с собой брать не будем,— сказал Миша. — Это потому, что ума в твоей собачьей голове совсем нет.

— Ага, без него обойдемся,— согласился Толик, закончив оказание неотложной помощи своему четвероногому другу. — Но только он может нахалом побегать, его не удержишь...

— Эх, только бы разыскать эту девчонку,— мечтательно произнес Миша. — Она бы все до капельки рассказала.

Далеко за курчавыми куполами низкорослых кустарников показался белый дымок, вскоре оттуда послышался чей-то едва уловимый протяжный голос. Ребята прислушались.

— Чу!..— насторожился Миша.— Слышишь? Дедушка Тимофей на обед зовет.— Он придержал за рукав Толика, который уже порывался бежать.— Быстренько пообедаем и подадимся в город... Дедушке про это дело говорить тоже нельзя, понял?

— Есть! — по-солдатски ответил Толик.

Они побросали в кусты свои удочки и вприпрыжку пустились бежать. За ними, забыв невзгоды, помчался со всех ног Шарик, распустив по ветру пестрый пушистый хвост.

4. ГИЛЬЗА ОТ «ВАЛЬТЕРА»

Капитан Шатеркин дал распоряжение Котельникову организовать доставку трупа в морг для вскрытия, а сам сейчас же выехал в город.

Через тридцать минут он уже сидел в просторном кабинете начальника отдела и докладывал ему обстоятельства происшествия. Полковник милиции Павлов — высокий сухощавый человек, с волевым открытым лицом и выющимися седыми волосами, ниспадающими на широкий в морщинах лоб, — внимательно слушал Шатеркина, изредка перебивая его короткими вопросами.

— ...Вот таковы обстоятельства нового дела, товарищ полковник, — закончил Шатеркин. — Сейчас проверю, не было ли заявлений на розыск пропавших и попробую установить, кому принадлежит пистолет.

— Это правильно, — одобрил полковник. — Возможно, самоубийца — один из тех рыбаков, которые ночевали на берегу?

Шатеркин пожал плечами. Он пока так же, как и полковник, мог только предполагать: доказательств в руках не было.

— Как только будут готовы фотоснимки места происшествия и вещественных доказательств, доложите.

— Будет исполнено.

Шатеркин прошел к себе.

Пока он просматривал почту и, обжигаясь, торопливо пил чай, ему принесли справки. За последнюю неде-

лю по всем отделениям милиции города никаких заявок на розыск пропавших не поступало. Человек с характерно обрисованными восточными чертами не разыскивался, и фамилия его неизвестна. Пистолет «Вальтер» за таким номером зарегистрирован в отделе разрешений. Он принадлежал некоему Денисову, работавшему начальником вооруженной охраны номерного завода, но вот уже около шести месяцев как этот «Вальтер» похищен или утерян Денисовым, владелец наказан за ротозейство в административном порядке, а пистолет разыскивается.

Шатеркин почесал затылок.

— Н-да, похищен или утерян?... Это все-таки противоположные полюса истины. А может быть, сам-убийца и есть тот самый вор, который украл пистолет у Денисова?..

Капитан решил начать с розыска лодки, хотя и знал о ней не больше того, что можно было почерпнуть из не совсем определенного рассказа ребят...

Выехал Шатеркин на мощном пропеллерном глассере. Рев мотора заглушал все. Лодка неслась с такой быстротой, что казалось, вот-вот она оторвется от воды и взвоьется высоко в небо. Капитан стоял в носовой части глассера, его с головы до ног осыпали мельчайшие холодные брызги, но он будто бы не замечал этого и внимательно рассматривал в бинокль берег реки, искал стоянки лодок. Вот глассер уже пронесся мимо того места, где был обнаружен труп, но поблизости не было ни одной лодочной станции. Встречались одинокие долбленки рыбаков, юркие дощаники бакенщиков — такой, какую искал Шатеркин, не попадалось. Выезжая на поиски лодки, капитан пока хотел очень немногое: найти рыбаков, ночевавших на берегу. Это были скорее всего городские любители, которым не столько нужна рыба, сколько свободный приятный отдых. При этом он ни на минуту не забывал, что лодка, которую ему описали ребята, видимо, принадлежит какой-нибудь общественной организации и должна быть приписана к одной из водных станций — значит, легче будет установить, кто пользовался ею.

Глиссер шёл вдоль крутого глинистого берега, заросшего шиповником и красноталом. На берегу — ни души. Высоко в небе парил коршун. Широкие заливные луга, тянувшиеся вдоль берега, густо пестрели цветами.

«Стоит ли дальше идти? — подумал Шатеркин, взглянув на часы. — Пожалуй, километров тридцать уже отмахали...» Но не успел он принять решения, как увидел в небольшом тихом заливе возле кустов ракитника, спускавшихся к самой воде, нечто похожее на лодку. Он подал водителю сигнал остановить мотор и подойти к берегу.

У кустов плавала лодка. Она была наполовину затоплена, над водой возвышался только сантиметров на десять борт лодки, окрашенный светло-зеленой краской.

— Посмотрим, что за суденышко, — крикнул Шатеркин, обернувшись к водителю.

Он проворно зацепил багром за носовую часть лодки, подтянул ее к берегу, а потом и сам ловко выпрыгнул из глиссера.

Вытащив лодку на пологий песчаный берег, Шатеркин приступил к ее осмотру. Лодка была окрашена так, как описали ее ребята. Весел не было, даже скамейки и те не уцелели — все это, видимо, было унесено водой.

Когда Шатеркин с помощью водителя наклонил лодку набок, чтобы слить из нее воду, на дне ее в песчано-илистой жиже что-то блеснуло.

— Что это может быть? — проговорил Шатеркин, придерживая руками стекавшую через край песочную кашу.

— Вроде как бы монета, товарищ капитан, — сказал водитель.

— Ага, вот она! — выловив блестящий предмет, воскликнул Шатеркин. — Гильза!.. Очень интересно... И калибр тот же... Но как все это могло случиться? Откуда могла попасть сюда гильза «Вальтера», когда она... — В глазах капитана появилось удивление. — Но ведь это как раз может быть очень неплохо... кажется, эта лодочка имеет прямое отношение к происшествию.

Шатеркин заметно повеселел, подмигнул водителю:

— Теперь нужно разыскать хозяина этой посудыны.

--- Хозяина найдем, не трудно.

— Ну-ка, подскажи, как его разыскать?

Водитель с хитрецей усмехнулся.

— Что же я вам подскажу, товарищ капитан? Тут дело обыкновенное. Ежели верить номеру — он вот тут, на корме, — хозяин этой непутевой ладьи — спасательная станция номер четыре.

— Так-так, это очень интересно. А где же находится эта четвертая станция?

— Станция-то? Да почти под самым городом.

— Под самым городом?!

— Так точно.

— М-да, из тебя бы вышел неплохой следователь. — пошутил капитан, продолжая осмотр лодки. — А раз уж мы разыскали хозяина, теперь остается немного: проверить, кого и как она спасала так далеко от города.

Закрепив на буксире лодку, водитель занял свое место. Глиссер вздрогнул и, отбрасывая в стороны гигантские седые усы, ринулся в обратный путь, заглушая все вокруг ревом многосильного мотора.

Однако веселое настроение Шатеркина было кратковременным. Спасательная станция не внесла никакой ясности в расследование. Найденная лодка действительно принадлежала ей. Как только глиссер подвел лодку к причалу, из конторки выкатился пожилой полнеющий человек с пышными казачьими усами на круглом лице — заведующий станцией. Он по-бабьи всплеснул руками и немужским тонким голосом воскликнул:

— Вот и нашлась восьмерочка! Нашлась, милая! Я говорил, что не пропадет, найдется, так по-моему и получилось.

— А как же она исчезла со станции? — нетерпеливо спросил Шатеркин, почувствовав, что его раздражает суетливая радость этого человека.

— Очень просто, товарищ капитан, — сделав неопределенный жест руками, начал заведующий. — Недели две тому назад, если мне память не изменяет, прихожу я утром на станцию и гляжу: боже мой! Восьмерочки нашей нет. Туда-сюда — нет. Как корова языком слизнула.

— Ну а дальше?

— Да ведь что дальше? Может, украл кто, а может, и волной с причала сорвало и унесло. Всяко бы-

вает, товарищ капитан, река капризная... Так что большое вам спасибо, товарищ капитан, от лица спасательной службы.

— Пожалуйста,— с иронией бросил Шатеркин.

Домой он пришел усталый, голодный. «Итак, значит, пока ничего особенного, если не считать гильзы... А возле Дома пионеров были, кажется, те самые мальчишки, с которыми я уже сегодня встречался. Что-то очень быстро они прикатили с рыбалки...» — подумал Шатеркин, прикрывая за собой дверь. Марфа Алексеевна, взглянув на сына, покачала головой и, не сказав ничего, ушла на кухню. Риф с радостью кинулся на грудь хозяина, торопливо обнюхал его, заглянул преданно в глаза и, облизав его горячую руку, отошел к дивану. Пока мать накрывала на стол, Шатеркин просматривал газеты.

— Что, Коля, двойку, что ли, поставили? — сочувственно спросила она, зная, что сын с утра должен был сдавать зачет в институте.

Шатеркин отложил газету, поглядел на мать.

— Зачет я сегодня не сдавал.

— Не сдавал, говоришь?

— Вызвали на происшествие. Прямо из кабинета профессора...

— Вон что... — Марфа Алексеевна будто хотела что-то еще спросить, но не спросила. Она знала, что Николай все равно ничего больше не скажет, и давно привыкла к этому.

Шатеркин принялся за еду. К столу подошел Риф. уселся поудобней против хозяина и положил на край стола свою большую красивую морду. На другом конце, ближе к Шатеркину, на самой столешнице воссел пестрый мохнатый кот Тишка. Так было всегда: и утром во время завтрака, и днем во время обеда, и глубокой ночью, когда Николай возвращался с работы и садился пить чай. Каждый из них по-своему ждал этого торжественного момента: Риф — с благородной радостью, что ему представляется возможность побыть так близко со своим учителем, Тишка — с намерением полакомиться, потому что каждый раз ему доставался сладкий и сытный кусочек.

Умными и строгими глазами Риф поглядел на Шатеркина и как будто понял его настроение, потом сердито покосился на Тишку, который, облизываясь, поглядывал хозяину то в рот, то в ложку. Если бы Риф мог говорить, он, наверно, сказал бы, с презрением глядя в хищные зеленые глаза кота: «Эх, Тишка, Тишка, не друг ты, а бессовестный и жадный лизоблюд. Разве тебе понять, почему наш хозяин так невесел сегодня. И знаешь ли ты, старый плут, что мы уже с ним сегодня побывали на деле? Тишка, Тишка, ты просто ленивый и бестолковый кот...»

— Только ты ушел, Катя звонила,— спокойно, но со скрытой грустью сказала Марфа Алексеевна. Шатеркин отодвинул тарелку, вытер бумажной салфеткой губы.— И она-то все насчет твоей учебы беспокоится, какую-то книгу для тебя купила, говорит, книжка эта очень стоящая и нужная.

Николай вспомнил, что должен был позвонить Кате еще из института и не смог сделать этого.

— Хорошая она, ласковая такая...— доносился из кухни голос матери.— А ведь, поди, тоже покою через тебя не знает.

— Что ты, мама.

— Скажи, будешь ли ты когда-нибудь свободным от работы?

— Ну конечно, буду.— Николай засмеялся, но в это время раздался продолжительный телефонный звонок. Марфа Алексеевна выглянула из кухни.

— Вот оказия,— сказала она, махнув рукой. Шатеркин подошел к телефону.

5. А ЧТО СКАЖУТ ЭКСПЕРТЫ?

Риф подбежал к кабинету своего хозяина, прыгнул на дверь, вытянулся на задних лапах и замер, повернув голову в ту сторону коридора, откуда слышались легкие торопливые шаги — там шел капитан Шатеркин. Так повторялось почти каждое утро. Если не было никакой тревоги и дела двигались хорошо, Риф тут же у двери получал из рук хозяина кусочек сахара или конфетку и, довольный, отправлялся в отведенное для него место. Но сегодня хозяин был чем-то озабочен, за всю

дорогу не сказал ни одного слова, не ободрил ни одним ласковым взглядом.

Шатеркин на ходу достал из кармана ключ, взглянул на Рифа и скомандовал:

— А ну, Котельникова ко мне!

Риф опрометью кинулся по коридору. Через две-три минуты и Котельников и Риф были в кабинете Шатеркина.

— Слушаю вас, Николай Иванович, — поздоровавшись с капитаном, сказал Котельников.

— Садитесь. Полковник меня не спрашивал?

— Пока нет.

В кабинете было еще сумрачно и прохладно. Тепло начавшегося дня не успело добраться сюда. Шатеркин по-хозяйски осмотрел стол, подошел к окну, раздвинул тяжелые шторы и опустил фрамугу.

— Нового ничего не поступало? — спросил он, сядя на свое место.

— Ничего решительно.

— Плохо, — задумчиво произнес Шатеркин. — Плохо... Что дало вскрытие?

— Ничего существенного. В организме не обнаружено никаких патологических изменений. Человек был вполне нормального развития, здоров. В желудке обнаружен незначительный запах спиртного. Вот и все.

— Пулю извлекли?

— Да, конечно. Она у меня. Разрешите принести?

— Пожалуйста... А ведь вся обстановка действительно очень неясная, — тихо постукивая по столу карандашом, проговорил капитан, как только скрылся за дверью Котельников. — Документов — никаких, следы оборвались... Кто он?.. — Шатеркин взглянул на календарь и откинул листочек с большой черной цифрой «20». — Скоро сутки, а личность убитого еще не опознана.

Вошел Котельников, положил на стол акт вскрытия и пакет с вещественными доказательствами. Но Шатеркин, прежде чем приступить к рассмотрению документов, спросил:

— А хорошо ли мы отработали место происшествия, Алексей Романович?

— Мне думается, хорошо, — без колебаний ответил Котельников и, чуть подумав, добавил с хитрецей: —

Если говорить языком криминалистики, при осмотре места происшествия были соблюдены оба периода — и статический и динамический.

— Но никакая наука не исключает элементов халатности и прямых ошибок работников. Все-таки никаких личных документов на месте происшествия мы не обнаружили.

— Не обнаружили, Николай Иванович.

— Вот то-то и оно...— Шатеркин склонился над столом. В акте сухими медицинскими терминами излагались объективные данные вскрытия. Капитан задерживался только на тех местах акта, которые для него имели какое-то оперативное значение.

— Н-да, формальная сторона, без чего никакого уголовного делопроизводство немислимо,— все в том же тоне неторопливого раздумья сказал Шатеркин, откладывая акт.— Это уж теперь можно отнести к истории.

Они помолчали.

— Пока нельзя еще сказать что-нибудь определенное, Николай Иванович. Доктор утверждает, что здесь самое обыкновенное самоубийство,— нарушив затянувшуюся паузу, сказал, наконец, Котельников.

— Но как вы увяжете факт самоубийства с тем, что карманы убитого пусты? Допустим, ограбление. Но тогда преступник взял бы только то, что имеет ценность. А ведь при трупе нет ровно ничего. Если мы хотим объективно разобраться в событиях, то сейчас лучше всего послушать, что скажут опытные криминалисты. Как вы думаете?

Шатеркин достал из ящика стола большой блокнот, еще раз внимательно осмотрел вещественные доказательства, взглянул в акт вскрытия.

— На разрешение экспертов мы поставим несколько главных вопросов,— сказал он, делая пометки в блокноте.— Первое: мог ли самоубийца выстрелить себе в голову таким образом? Экспертиза должна установить, в каком положении находилась правая рука погибшего в момент выстрела и соответствует ли этому положению направление полета пули. Стоит выяснить этот вопрос?

— Кажется, стоит,— ответил Котельников.

— Второе: поскольку в нашем распоряжении оказались две стреляные гильзы, следует проверить, при-

надлежат ли эти гильзы одному оружию и имеют ли они отношение к пистолету, найденному при трупe. Нужно это знать?

— Нужно!— опять подтвердил Котельников.

Шатеркин продолжал говорить и писать, склонив, словно школьник, голову на левое плечо.

— Третье: установить принадлежность пули, извлеченной из черепа пострадавшего. Имеет ли она отношение к пистолету «Вальтер».

Шатеркин откинулся на спинку кресла, легко провел по лицу тупым концом ручки.

— Вот, кажется, и все.— Он потянулся к массивному портсигару.— Передадим все эти вопросы в кабинет криминалистики профессора Данилина и попросим дать заключение.

Зажав в зубах папиросу и прищуривая один глаз от колючего дыма, Шатеркин вырвал из блокнота листочки со своими записями и передал их Котельникову.

— Возьмите. Оформите документы, опечатайте вещественные доказательства и все это как можно скорее отправьте Сергею Владимировичу.

— Слушаюсь, Николай Иванович.

Котельников быстро повернулся, но Шатеркин остановил его.

— Одну минуту. Сегодня нужно поднять из архива дело на Денисова.

— Но в этом деле ничего нет определенного, я уже знакомился с ним, один голый факт и все... Хозяин оружия точно и сам не знает, когда и откуда украли у него пистолет.

— Ничего, тем более надо нам еще раз вернуться к этому делу и как следует разобраться в нем.— строго ответил Шатеркин, поднимаясь с кресла.

— Я готов...

Котельников постоял еще минуту и вышел, пропустив впереди себя Рифа.

Капитан неторопливо собрал со стола бумаги, убрал их в сейф, снял трубку внутреннего телефона.

— Если меня будут спрашивать, скажите, что на месте буду поздно.

Он по привычке взглянул на часы и вышел из кабинета.

6. НА ПОИСКИ БЕЛОКУРОЙ ДЕВОЧКИ

Рано утром, когда на улицах города было еще пустынно и тихо, Миша Парфенов подкрался к окну, возле которого спал Толик, осторожно огляделся по сторонам, стукнул один раз в подоконник, обождал немного, прислушиваясь, а потом трижды раз за разом настойчиво и твердо повторил стук.

В окне, между ярко-пунцовых цветов герани, показалось заспанное лицо Толика. Он смешно поморщился, зевнул, растирая кулаком глаза, и покорно спросил:

— Вставать, да?

— Давно пора,— тихо ответил Миша, в лепешку расплюснув о стекло нос,— и так, наверно, опоздали.

Город еще спал. Только дворники наводили порядок на тротуарах. Впрочем, встречались и редкие прохожие: почтальоны с объемистыми тяжелыми сумками, молочницы в белых халатах.

Толику было холодно, смуглые загорелые ноги его покрылись пупырышками, он вздрагивал, ежился, но все же старался не отставать от Миши. На перекрестке ребята повернули за угол и чуть не попали под ледяную струю воды из шланга. Толик бы, наверно, в другое время поругался с дворником, но здесь только пискнул, скорготнул зубами от холода и отскочил. Зато дворник сердито заворчал, направляя серебристую струю воды в сторону.

Молча они дошли до Дома пионеров и остановились в нерешительности.

— Посидим немного?

— Лучше пойдем в сквер, оттуда виднее,— сказал Толик.— А то здесь опять просидим все на свете, как вчера...

Вчерашний день у ребят был полон событий. Утром, после неудачной рыбалки, наткнулись они на убитого человека. Потом встреча с капитаном. После обеда в очень приподнятом настроении они отправились в город. Но, увы, фортуна была к ним несправедлива. Как искусно ни устраивали они засады — сперва в детском парке и потом на улице, возле Дома пионеров, — девочка не появлялась.

— Наверно, мы ее не найдем,— утомленно сказал Толик.

— Но ты же сам сказал, что обязательно найдешь, а теперь на попятную, да?— с раздражением бросил Миша.

-- Почему на попятную? Если она в городе, то, конечно, найду... Ну а вдруг она уехала куда-нибудь, что тогда делать?

Этот вопрос поставил Мишу в затруднительное положение, он сразу умолк, недовольно насупившись.

— Все равно бросать теперь уж нельзя, искать будем. Может, и не уехала,— сказал он после долгого раздумья.

Домой они вернулись поздно. Их мучил голод и усталость, а еще больше неуверенность и сомнения. И все же они решили с утра начать поиски...

Мальчики пересекли улицу, прошли немного вдоль низкой чугунной ограды сквера и, выбрав место, откуда можно было бы видеть и улицу и парк, сели на скамейку.

— Рановато пришли... Закрыто все,— сказал Толик, глубоко и сладко зевнув.

— Ничего, обождем. Лучше уж обождать немного, чем опаздывать...

В парке с каждой минутой нарастал птичий щебет.

— Вон на той широкой аллее я их тогда и увидел,— показал Толик.— У девочки была маленькая корзиночка, и она еще ею махала, вот так. А у дяденьки портфель был в руках, такой большущий, а замочки светлые-светлые.

— Нам в разные стороны разойтись надс,— сказал Миша, все время о чем-то думавший.— Чего мы в кучу собрались? Так ничего и не увидим. Давай сегодня по всем правилам действовать. Я буду наблюдать за той стороной, где Дом пионеров, а ты смотри сюда, в парк.

— Он еще закрыт, чего же смотреть зря?

— Я пойду вон за то дерево,— поднялся Миша.— А ты здесь оставайся. Отсюда тоже хорошо видно. Только гляди как следует, чтобы не пропустить. Заметишь что-нибудь подозрительное, сигнал дай.

— А какой сигнал?

— Какой-нибудь дай, и ладно. Я все равно пойму.

— Свистнуть, да?

— Нет, — решительно отверг Миша, наморщив лоб. — Свистеть тут не полагается — центр города, люди везде, нельзя... — Он немного подумал. — Закукуешь, вот.

— Ладно, договорились.

Миша ушел. Толик встал за дуллистый ствол старой липы так, чтобы его не было видно со стороны парка, и стал наблюдать за воротами и центральной аллеей. Временами он отрывался от своего сектора наблюдения и поглядывал в сторону Миши, который тоже сидел у дерева и делал вид, будто что-то нашел и внимательно разглядывает.

А время шло. Город становился все шумней. На улицах начиналась сутолока: люди спешили на работу, взад-вперед неслись чистые, только что вымытые автомобили, но парк по-прежнему был закрыт. «Чего это дед не открывает так долго? — думал Толик, поглядывая из своего укрытия на дремавшего сторожа. — А если и сегодня не найдем?.. — неожиданно мелькнуло сомнение. — Завтра надо приходить или нет? Не надо. Что, целый месяц, что ли, сидеть здесь...» Он поглядел на Мишу. Тот теперь с удвоенной бдительностью следил за всеми подходами к Дому пионеров, и, казалось, ничто его не отвлекало. Не в пример Толику, он часто менял свои позиции: то приседал и таился за зеленой живой изгородью, внимательно глядя сквозь ее густую колючую заросль, то вставал во весь рост за стволом дерева и обзоревал площадь, примыкавшую к большому белому зданию. Однако никто из них — ни Миша, увлеченный слежкой за домом, ни Толик, которому начинало надоедать это занятие, — не заметили, что с другой стороны сквера, с той самой, которая совсем не интересовала ребят, давно к ним приглядывается постовой милиционер. Он, по-видимому, заметил ребят, едва они появились в сквере.

— Рановато поднялись ребята... — рассуждал сам с собой милиционер, неторопливо покуривая. — А впрочем, ничего нисобыкновенного в этом нет, находятся они на своей законной территории, возле своего детского учреждения, общественный порядок не нарушают, ну и пусть себе находятся...

Но вскоре постовой усомнился в благонамеренном поведении мальчишек, заметив, как Миша, меняя пози-

ции, внимательно и безотрывно за кем-то следил. Да и Толик вел себя странно: хотя он и не менял места наблюдения, но явно маскировался. Милиционер незаметно подошел к Мише, пригляделся, стараясь понять, что так заинтересовало мальчика. И только хотел окликнуть его, как где-то рядом и не совсем обыкновенно закуковала кукушка. Постовой увидел, как Миша вздрогнул и повернул голову в ту сторону, где стоял Толик.

— Здравствуйте, товарищ пионер!— подкинув к козырьку руку, сказал милиционер. Миша съежился от неожиданности и покраснел. Он не знал, что сказать.

— Чем же это, разрешите поинтересоваться, занимаетесь здесь?

— Ничем, так просто...

— А зачем же в кусты и за деревья прячетесь?

— В кусты?.. А мы тут так... в прятки играем.— уже смелее ответил Миша.

— В прятки? Ага...— Милиционер покрутил пшеничные усы, картинно выделявшиеся на смуглом художавом лице.

Заметив, как Толик, прячась за деревьями, стал уходить из сквера, он крикнул:

— Эй ты, кукушка серая, не торопись удирать, успеешь! Поде-ка сюда, бездомная пичуга, дело есть.

Толик подошел, упрямо закусил губу и смело взглянул на пышные усы постового.

Милиционер, взявшись обеими руками за наплечные ремни, прищуренным взглядом посверлил мальчишек и уже другим тоном сказал:

— Ну, дорогие товарищи пионеры, может быть, для пользы дела расскажете, по какой уважительной причине вы чуть свет прикатили сюда и в прятки по скверу играете?

— Не можем,— твердо ответил Миша.

— Как это так «не можем»?

— Вот так и не можем, дядя милиционер. И не просите, это военная тайна.

— Значит и мне, постовому милиционеру старшему сержанту Калинину, не полагается знать?— выгнув колесом грудь, украшенную орденами колодочками, полушутливо спросил постовой.

— Не полагается. Никому нельзя знать. Мы даже дома и то не сказали.

— Ну, теперь дело ясное, мне все понятно,— перебил милиционер.— Раз дома не сказали и тайком утекли, придется вас, дорогие друзья, задержать как безнадзорных детей и препоручить вашим родителям.

Только теперь Миша понял, что допустил ошибку. Он умоляюще посмотрел на постового.

— Не задерживайте, дядя! Мы ведь не озорничаем... Про нас хоть и в школе спросите...

И вдруг в то время, когда Миша, пускаясь на всякие хитрости, упрашивал постового не задерживать их, Толик отступил на два-три шага, надулся как-то неестественно и тихо закукувал.

И тут Миша увидел, что по тротуару шла маленькая белокурая девочка. Ее вела за руку высокая полная женщина, с такими же белыми и пышными волосами. Девочка весело подпрыгивала, встряхивала белыми кудряшками и помахивала маленькой сумочкой. Миша заволновался еще больше. Как же уйти от этого придирчивого милиционера? Рассказать ему тайну — нельзя! Сослаться на высокого капитана из милиции, что они помогают ему в одном очень важном деле,— тоже нельзя! Это будет обман — капитан не давал им никаких поручений. Между тем девочка удалялась. «Ведь сейчас уйдет, потеряем.— пронеслось в голове Миши.— Тогда начинай все сначала». Но как же еще можно просить этого усатого милиционера? Ну что же делать?

— Дядя милиционер!— чуть не сквозь слезы сказал Миша.— Отпустите, мы больше никогда не будем!

— Но только мне очень хочется разузнать эту самую вашу военную тайну.

— Да у нас и нет никакой тайны!— нетерпеливо крикнул Толик.— Мы так просто, дурака валяем... Воробьев подкарауливаем...

— Воробьев?..

Наступила напряженная пауза.

— Можно идти, товарищ старший сержант?— задышавшись от волнения и сдерживая голос, спросил Миша.

— Идите уж,— ответил милиционер и по привычке козырнул.

Ребята бросились бежать со всех ног. Постовой, покуривая усы, глядел им вслед.

7. ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА

Миша так быстро бежал по тротуару, что Толик не поспевал за ним. «Вот какой неповоротливый, чуть шевелится,— волновался Миша.— Наверно, уже потеряли ее, не найдем теперь...»

Так они пробежали целый квартал. Девочки не было. Куда же ее занесло? Ведь только сейчас она вместе с тетей прошла мимо ребят, когда те стояли в сквере, плененные постовым милиционером. Может быть, они зашли в какой-нибудь магазин или в подъезд дома.

— Все этот усатый,— возмущенно шептал Миша.— Такое дело испортил! Если бы узнал капитан, задал бы ему... На гауптвахту посадил бы...

Он остановился, дожидаясь Толика.

— Беги на другую сторону улицы, да живее,— коротко приказал он ему. А сам еще быстрее лустился вперед, чтобы до прихода очередного троллейбуса посмотреть на остановке. Но и там девочек не было. Строллейбусной остановки Миша бросился всквер, внимательно осмотрел очередь у газетного киоска, заглянул в павильон «Эскимо», который только что открыли, забежал в палатку с детскими игрушками. Нет девочки! Где же искать?

Он был весь мокрый от пота. Да и как не вспотеть, когда пробежали почти всю улицу! Подсчитал Толик. Лоб у него тоже влажный, дышит тяжело.

— Нет, да?

— Нет.

— Там тоже не видать.

Они повернули обратно и молча пошли по дорожке, посыпанной свежим зернистым песком. Миша, оглянувшись, остановил Толика.

— Туда не пойдем, а то опять милиционер задержит. Придиристый такой.

— Хорошо еще, Шарика с нами нет,— неожиданно проговорил Толя.

— А что?

— С ним бы милиционер ни за что не пропустил, забрал бы. Дворняжка...

— При чем тут милиционер? Собачники же их ловят, а не милиционеры.

— И он бы не пропустил такого. Заметил бы, что нет номера, и забрал бы... В центре города не разрешается ведь с такими дворнягами появляться, с овчаркой — другое дело, пожалуйста, а таких, как наш, ловят — и в собачий ящик. Вчера закрыл его в дровянике, скулит, наверно...

— Посидим немного, — предложил Миша. — Ты гляди в ту сторону, а я в эту.

На тротуарах народу теперь было меньше, зато в скверах и на бульварах становилось многолюдней. Ото всюду стекались сюда старики, домохозяйки, дети. Самых маленьких ребятишек везли в нарядных колясках, а те, что побольше, сами отчаянно носились по скверу на трехколесных велосипедах, бегали вперегоночки. Миша и Толик, хотя и не любили сидеть среди «слюнвячиков», но молча терпели, только посматривали на малышей свысока. Тоже, мол, нашли занятие: гонять на трехколесках и по-куриному в песке копать.

— Второй раз встречаем, — произнес Миша и, немного подумав, оживленно добавил: — Значит, в самую точку попадаем, она здесь где-то рядом живет... Тут и искать будем, да?

Толик рассеянно кивнул головой. Думал он о другом. С завистью глядел он на мальчика в сереньких трусиках, который сидел против него на скамейке, разглядывал картинки в каком-то большом журнале и с удовольствием уничтожал бутерброд с колбасой.

— А я есть хочу, — глотая слюну, признался Толик. — Придется обождать.

Однако Миша и сам не прочь был перекусить. Он тоже украдкой глянул на мальчика, и у него защекотало во рту, но Миша тотчас взял себя в руки и, чтобы не дразнить голодный желудок запахом копченой колбасы, отвернулся.

— Я ведь не завтракал сегодня... — захныкал Толик.

— А ты не гляди на этого мальчишку, — строго потребовал Миша.

— Все равно я хочу есть. Попробуй-ка целый день...

— Перестань хныкать! Ты хуже девчонки. Что, потвоему, бросить все?

— Не бросить... — хмуро сказал Толик.

— Тогда замолчи.

Вид у Толика был печальный. Он хотя и отворачивался от мальчика и делал вид, что не замечает его, но тонкий аромат копчености делал свое, и Толик опять украдкой косился на мальчика: «Доедает... Копченая... И, наверно, вкусная... Сидел бы со своей колбасой дома, а то людей только расстраивает и отрывает от дела...»

Миша дернул Толика за рукав.

— Гляди...

По скверу медленно шел тот самый милиционер. Он мимоходом, как строгий хозяин, поглядывал по сторонам: на клумбы цветов, на посыпанные песком дорожки, на скамейки, часто прикладывал к козырьку руку в белой перчатке и, улыбаясь, приветствовал знакомых — их было много.

— Здравия желаем, Татьяна Петровна!

— Здравствуйте, Егор Андреевич, — отвечала старая женщина, снимая чеховское пенсне. А милиционер, не останавливаясь, проходил дальше и опять уже кого-то приветствовал.

— Он тут как дома, — заметил Толик. — Его все старики знают, кланяются.

— Еще бы! Орденоносец, почетный человек. Это тебе не шуточное дело. Пойдем...

Миша, глядя на Толика, еще сильнее ощутил голод, у него неприятно засосало под ложечкой, но он твердо решил молчать и не показывать виду. «А как же во время войны разведчики терпели?.. Обед же никто не таскал за ними... Ну и я хныкать не буду, вытерплю! Мы ведь тоже на боевом задании...»

Толик, чуть не плача, простонал:

— Есть хочу!..

И тут Миша вспомнил, что у него в кармане трусов уже несколько дней лежит рубль, который ему дала мать на мороженое. Он даже подпрыгнул от радости. Толик уставил на него полные недоумения глаза.

— Потерпи, Толька, сейчас есть будем!

— Что есть?

— Лапу будешь сосать, как медведь косолапый.

— Тебе смешно, а мне нет.

Но Миша уже бежал, размахивая на бегу заветным рублем.

Буфет в Доме пионеров оказался закрытым. Миша помчался дальше, забежал в одну палатку, в другую, но там продавались пирожные, печенье, конфеты, пряники. Того, что искал Миша, не было. Ему надо не пряников, а настоящего ржаного хлеба, от которого исходит такой крепкий, хороший запах.

Первое, что бросилось ему в глаза, когда он влетел в булочную,— девочка. Она стояла у круглого детского столика и с наслаждением ела пирожное, сладко прищелкивая языком. Высокая тетя стояла рядом и ожидала, когда девочка доест. У Миши сразу пропал голод. Он на минуту задержался в дверях, потом подошел к прилавку, безразлично поглядел на сдобные булки, красиво уложенные под стеклом витрины, на пирамиды румяных баранок, на горы душистого хлеба...

Но что же теперь делать? Покупать хлеб или подойти к девочке и спросить ее? О чем? Ведь она может ничего не ответить или тетя обратит внимание и прогонит...

И пока он думал и гадал, как ему поступить, девочка вместе с женщиной вышла из булочной. Миша выскользнул следом. «Не буду пока подходить, пусть идут, куда хотят, а я за ними...»

Женщина и девочка подошли к воротам парка, постояли у доски реклам и объявлений, зашли в парк и повернули на центральную аллею.

Как только они подошли к скамейке, на которой сидел Толик, тот вскочил и, маскируясь за деревьями, стал пробираться за ними.

— Она, да?— шепотом спросил Миша, выглянув из-за дерева.

— Она самая,— ответил Толик.

— Подходить близко не будем. До дому дойдем, а там все разузнаем, согласен?

— Согласен... Хлеба купил?

— Не успел.

Толик сморщился, чуть не всхлипнул.

— Осталось немного, потерпим.

Ребята разошлись: Миша на одну сторону аллеи, Толик — на другую. Они двигались осторожно, таились за деревьями, пригибались к кустарникам, как следопыты, выслеживающие добычу. Не заметили, как прошли весь парк, вышли за ворота, пересекли неширо-

кую площадь, скверик с черным угрюмым памятником посредине и остановились у подъезда большого многоквартирного дома. Женщина и девочка вошли в подъезд.

— Вот и пришли,— сказал Миша, но в его дрогнувшем голосе чувствовалась неуверенность. Может быть, надо было сразу остановить девочку и спросить ее? А теперь неизвестно, сколько придется ждать здесь. Может быть, она и не выйдет больше сегодня.

Толик тоже думал об этом, но говорить не хотел. Ему казалось, что чем больше он говорит, тем сильнее и мучительнее ощущение голода.

— Опять будем ждать? — через силу спросил он.

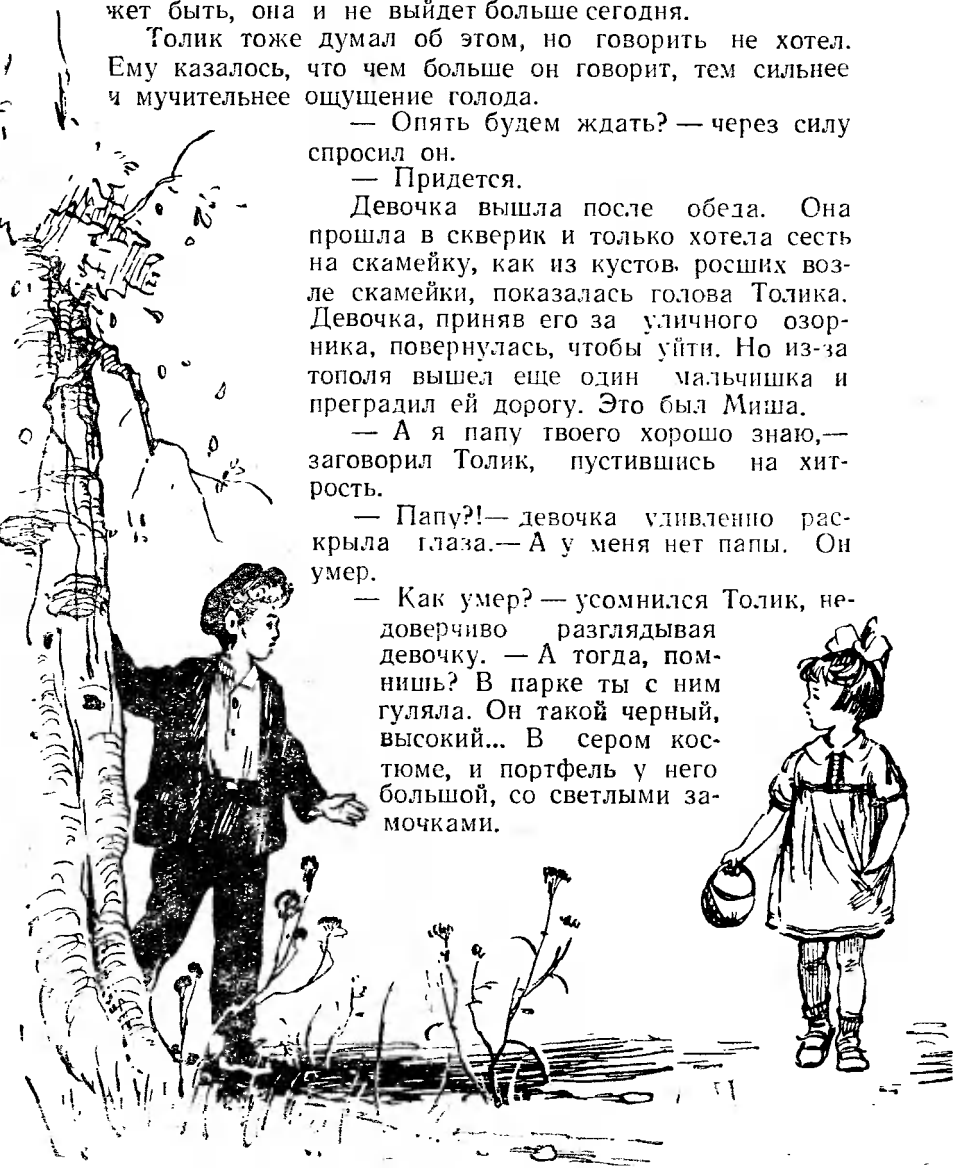
— Придется.

Девочка вышла после обеда. Она прошла в скверик и только хотела сесть на скамейку, как из кустов росших возле скамейки, показалась голова Толика. Девочка, приняв его за уличного озорника, повернулась, чтобы уйти. Но из-за тополя вышел еще один мальчишка и преградил ей дорогу. Это был Миша.

— А я папу твоего хорошо знаю,— заговорил Толик, пустившись на хитрость.

— Папу?!— девочка удивленно раскрыла глаза.— А у меня нет папы. Он умер.

— Как умер? — усомнился Толик, недоверчиво разглядывая девочку. — А тогда, помнишь? В парке ты с ним гуляла. Он такой черный, высокий... В сером костюме, и портфель у него большой, со светлыми замочками.

— А-а, это вовсе и не папа, а дядя Влас, но его сейчас нет дома, он на юг отдыхать уехал. Он живет не здесь, а на улице Белинского, тридцать два.

— О-о, тогда я знаю этого дядю Власа,— вмешался в разговор Миша.— Фамилия его Мурашкин, да? Девочка рассмеялась.

— Мурашкин!.. Вот смешно. Может быть, еще Букашкин?.. Вовсе и не Мурашкин, а Керженеков Влас Прокопьевич, вот!— с гордостью закончила она.

Ребята вдруг переглянулись и разом побежали из сквера, оставив в недоумении белокурую девочку.

8. АРХИВАРИУС КЕРЖЕНЕКОВ

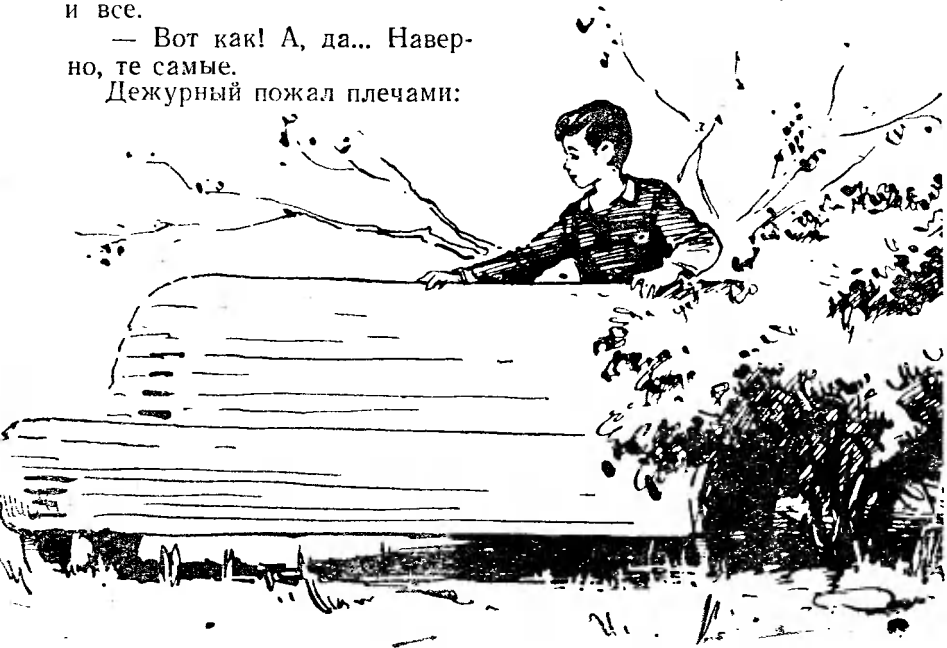
Шатеркин только что вернулся из города. Едва он сел за стол, как в кабинет вошел дежурный сотрудник и доложил, что его давно ждут два мальчика.

— Два мальчика?— переспросил капитан, с недоумением взглянув на дежурного.— Что же им нужно?

— Не могу знать, товарищ капитан. Говорят, что пришли по какому-то очень секретному делу.— Дежурный поправил спереди гимнастерку.— Мальчишки настоячивые, фамилий своих не называют, держатся строго и ни с кем не разговаривают. Проведите, говорят, нас к большому капитану, которого дядей Колей зовут, и все.

— Вот как! А, да... Наверно, те самые.

Дежурный пожал плечами:

— Мальчишки, товарищ капитан, вполне обыкновенные. Один побольше, белокрысый, другой черноголовый, поменьше. Я им говорю: «Капитан придет поздно, идите домой». Ни в какую. «Всю ночь, говорят, просидим, а дождемся».

— Так и есть, они. А ну-ка, зовите их сюда...

Миша и Толик неуверенно переступили порог.

— Ого, рыбаки! Ну, здорово, здорово!— идя навстречу мальчишкам, воскликнул капитан.— Как улов?

— Не рыбачим,— решительно и сухо ответил Миша.

— Почему же не рыбачите? Разве можно бросать такое приятное занятие?

— Просто так, надоело уж...

Шатеркин, внимательно приглядываясь к ребятам, усадил их к столу. Мальчишки держались настороженно и беспокойно... Поэтому капитан решил пока не спрашивать их о причине посещения, дать им оглядеться в непривычной обстановке, а потом перейти к делу.

— Значит, с рыбалкой покончено? Ай-яй-яй! А я-то собирался завтра на уху к вам подъехать. Как же быть?

— Не знаем,— ответил Толик с явным неудовольствием.— Все равно не клюет, чего там сидеть зря? Только комаров кормить.

— Не берет на удочку, сетью попробуйте.

— И сетью не поймается.— поспешно сказал Толик.— Вода очень большая — вот почему...

Миша с подозрением взглянул на капитана. «Чего это он все рыбой интересуется? Ухи захотел... Может быть, уже все знает?..»

— Мы насчет другого,— волнуясь и глядя ладонью полированный стол, начал он.— Мы по делу.. Мы насчет того дяденьки...

— Который из пистолета застрелился,— нетерпеливо досказал Толик.

— Ах вон что...— с притворным разочарованием сказал Шатеркин.— Ну что же, тогда будем говорить о дяденьке, начинайте, я слушаю.

Он взял папироску, постучал мундштуком по коробке и закурил. Добродушная улыбка исчезла с его лица, густые светлые брови сомкнулись, образовав у переносицы неглубокую морщинку. Миша торопливо

пригладил свои выгоревшие на солнце вихры, лизнул языком посеченные ветром губы.

— Знаем мы его, дядя Коля... того человека знаем.

— Знаете того человека?!— Шатеркин невольно подался вперед.

— Ага, знаем.

— Мы его один раз в детском парке видели,— пояснил Толик.

— Тогда уж все по порядку и кто-нибудь один.

— Есть!— Миша строго глянул на Толика.— Я буду рассказывать, а ты потом добавишь.

— Ну, рассказывай, мне не жалко...

— Керженеков его фамилия, дядя Коля, Влас Прокöpfeвич... Белинского, тридцать два. Вот и все.

Миша опять провел по столу ладонью, под ней тихо и тонко пискнуло, на скользкой блестящей поверхности отпечатались короткие пальцы. Он успокоенно вздохнул и еще раз повторил:

— Вот и все.

— Нет, это не все,— сказал Шатеркин, сбрасывая пепел в ракушку-пепельницу.— Теперь придется рассказывать подробно.

Миша удивленно поднял голову.

— Мы же все сказали, дядя Коля.

— Не сказали одного и самого главного: как вы это узнали.

Миша со всеми подробностями начал рассказывать о том, как встретили они в парке неизвестного мужчину, как следили за девочкой, как узнали у нее обо всем.

Толик хотя и слушал то, что говорил Миша, но больше приглядывался к окружающей обстановке. Его внимание привлекал и массивный письменный прибор с большим, готовым к прыжку бронзовым львом, и пучок разноцветных карандашей в самшитовой подставке. Но глаза мальчика искали оружие — это была его слабость. До прихода сюда, когда он сидел еще в комнате у дежурного, его пылкое мальчишеское воображение нарисовало на стенах капитанского кабинета кривые острые сабли, кинжалы в черной, сверкающей серебром оправе, тонкоствольные маузеры и много другого смертоносного оружия. Ведь у каждого военного человека обязательно должно быть оружие. Но здесь его почему-

то не было. Стены были пусты. Только портрет Феликса Дзержинского висел в простенке. Отсутствие оружия сильно разочаровало Толика. Он снова поглядел на капитана, подумал: «Наверно, куда-нибудь припрятал... Пистолет же у него должен быть... Наверно, вороненый, автоматический».

— Кто же вас научил так делать?— спросил Шатеркин с едва заметной досадой в голосе.

— А мы сами придумали,— смело ответил Толик. Шатеркин раскурил потухшую папироску.

— За помощь спасибо. Но почему вы сразу мне не сказали?— спросил капитан, вглядываясь в сосредоточенные и немного смущенные лица мальчиков.

— Вот не сказали...— неопределенно ответил Миша. Капитан с упреком покачал головой.

— Еще один вопрос, следопыты,— уже шутя заговорил он.— Как вы меня разыскали?

— Как разыскали?— удивился Миша.— Очень даже просто.

— Вас все знают,— сказал Толик.

— Так уж и все?

— Ага... Мы подошли к одному милиционеру и спросили его, как нам разыскать капитана дядю Колю, у которого большая собака Риф.

— Тогда все ясно,— засмеялся Шатеркин.— Вы знаете не только как меня зовут, но и мою собаку.

— Конечно, он же нас чуть не съел... Мы даже квартиру вашу знаем,— ответил Миша,— и бабушку тоже...

— Может быть, и кота?

— И кота... Тишкой его зовут, да?— Миша лукаво засмеялся, показав редкие широкие зубы.

— Верно.

Шатеркин с легкой улыбкой поглядел на ребят, на их загоревшие, облупившиеся от солнца и воды лица: «Вот еще Шерлок Холмсы, покорители тайн...» Он позвонил в гараж, вызвал дежурную машину. Когда он подвел их к темно-синей «Победе» и открыл дверцу, Миша проворно подскочил к нему:

— Дядя Коля, разрешите, я вперед сяду, а Толик там...

— А может быть, и Толику это место больше нравится?— Шатеркин с хитрецей глянул на Толю.

— Там же все равно двоим не полагается,— без во-

одушевления ответил Миша.— Шоферу за это может нагореть.

— К сожалению, да,— закрывая дверцу, сказал капитан.— Развезите-ка этих пассажиров по домам,— наказал он шоферу.

Проводив ребят, Шатеркин тотчас принялся за дело. Скоро на столе перед ним лежали довольно подробные сведения, из которых было видно, что по улице Белинского, в доме 32 действительно проживает Керженеков Влас Прокопьевич.

— Молодцы! Ничего другого не скажешь,— проговорил Шатеркин, убедившись в достоверности того, что сообщили ребята.— Рождения тысяча девятьсот девятого года... Уроженец улуса Малые Рыбаки, Красноярского края. Эх, куда его занесло! За Уральский хребет... Работает архивариусом Управления горно-промышленного округа...

Шатеркин провел по волосам пальцами как гребнем и откинулся на спинку кресла. В справке было указано, что В. П. Керженеков — участник Отечественной войны, побывал за границей: в Польше, Германии, Австрии. После войны вернулся на прежнюю работу. Работает честно и добросовестно, хорошо знает свое дело. Живет вдвоем с женой, детей не имеют.

Подколов справку к другим документам, Шатеркин закурил, подошел к окну.

Честный и скромный человек... Простой архивариус, ценностей на подотчете, видимо, не имел. Своих сбережений, вероятно, тоже больших не было. С преступным миром не знался, ни в чем дурном замечен не был... Может быть, он страдал каким-нибудь неизлечимым недугом? Может быть, неполадки в семье, на службе?.. А может быть, тут какие-нибудь политические мотивы?.. Может быть... Может быть... Да, все может быть...

Он снял трубку и набрал номер.

— Алексей Романович? Добрый вечер!.. У дежурного в отдельном пакете для вас будет оставлено срочное задание. Прошу с утра его выполнить. Да-да... Что?..— На лицо капитана наплыла тень, он побарабанил по столу пальцами.— Пока ничего существенного... Завтра, может быть, кое-что прояснится... До свидания.

Он задумчиво опустил в глубокое кресло.

9. ЧУЖОЙ СЛЕД ВЕДЕТ НА ПАСЕКУ

Миша и Толик утром возвращались на пасеку. На этот раз они были необыкновенно веселы и подвижны, смеялись, бегали вперегонки.

— Теперь-то уж в два счета разберутся, да?—сказал Толик и легко перелетел через куст дикой рябинки, усыпанной шапочками твердых желтых цветов.

Миша замедлил бег, передохнул.

— Может разберутся, а может и нет,—ответил он,—ведь мы с тобой ничего особенного не сделали. Мы только помогли узнать этого человека. А вот почему он застрелился, мы не узнали, и капитан не знает.

— Но все же и это не маленькое дело.

— Не маленькое, конечно, но интересно бы все разгадать... Раскрыть тайну...— У Миши вдруг перехватило дыхание.— Наверное, это очень страшно...

Толику тоже сделалось страшно и холодно, он пожегил и замолчал, потом поглядел на Мишу.

— А вот дядя Коля никогда ничего не боится,—тихо сказал он.

— Ему и нельзя бояться, он капитан... А капитан знаешь какой должен быть?

— Какой?

— Храбрый. Такой же, как капитан Гастелло, вот!..

— Да-а...—вздыхнул Толик.—Наверно, все капитаны бывают такие смелые.

На солнцепеке подсыхала роса. Над лугами витал дурманящий запах цветущего разнотравья. Всюду жужжали трудолюбивые пчелы, воинственно и грозно гудели шмели, радостно стрекотали мелкие птички.

Ребята шли по узкой, едва заметной в траве тропинке. Цепкие стебли кустов, метелки высоких трав приятно щекотали им голые руки, черные от загара плечи. А впереди, как колобок, катился Шарик. Миша сорвал вишнево-черную головку татарника и, размахнувшись, запустил ею в Шарика.

— Вот у дяди Коли действительно собака, настоящий сыщик, все понимает. А видал, какие глаза у нее умные?

— Если этого учить как следует, и он будет все понимать.

— Сказал тоже... Он будет хорошо понимать то, что можно слопать. Например, так: Шарик, это жареное мясо. Хап-хап, давай сюда, хап...

Шарик остановился на тропе, озорно свернул набок свою пеструю лопоухую голову, поглядел на мальчишек и, задорно твякнув, помчался вперед.

— Неправда,— возразил Толик.— Он тоже не глупый совсем. Он, например, дома всех наших куриц в лицо знает и никогда за ними не гоняется, зато как только чужая залетела во двор — все: сожрет прямо с перьями. А вообще-то, конечно, подзаборный житель...

Тропинка, извиваясь между кустов шиповника и краснотала, зигзагами спускалась с крутого глинистого берега протоки. Воды в протоке было мало, местами она пересохла, образовав небольшие озерца, густо заросшие зелеными водорослями.

Мальчишки, обгоняя друг друга, сбежали вниз. Толик, не сумев вовремя остановиться, вбежал по пояс в холодную воду озерка. За ним в азарте и Шарик ринулся в воду, но тотчас пришел в себя и, трусливо взвизгнув, повернул обратно к берегу.

Миша радостно прыгал на голой песчаной отмели и хохотал над неловким другом, вылезавшим из вязкой зеленой тины.

— Водола-а-аз!..

— А вода неплохая здесь, приятная, как молоко парное... И знаешь, рыба водится,— говорил Толик, обирая с ног мелкие нити водорослей.— Я как прыгнул — они в разные стороны, а какая-то очень большая рыбина, как да-аст мне в ногу: больно, я чуть не закричал.

— Лягушка, наверно.

Толик топнул по траве ногой, чтобы сбить серую массу грязи, охватившую плотным чулком босые ноги, и вдруг, громко крикнув, присел на корточки:

— Смотри, Мишка, что это такое?

— Обыкновенный след,— нагнулся Миша.— Человек прошел.

— Нет, ты погляди хорошенько, какой это след. Не наш же?

— Конечно, не наш, мы босиком.

— Какой ты чудак, Мишка, по-моему, это тот самый след и есть...

Прибрежная глина хранила глубокий и отчетливый отпечаток подошвы. Обувь была крупная, с широким подбором, возле которого фабричная марка — тонко обрисованный полумесяц.

— Ну да, правильно, он и есть... Этот след мы видели там, на берегу, где лежал убитый...

— Об этом я и говорю. Тут знаешь что может быть?..—легкая дрожь пробежала по спинам ребят.

Толик подманил Шарика, сгреб его за лохматую шерсть, потыкал носом в отпечаток следа. Пес упирался, скулил.

— Ищи... тут ищи... Ну, кому говорят?..

Но Шарик и не думал искать. Он игриво кинулся на Толика, притворно зарычал и норовил подsunуть свою глупую морду к лицу хозяина.

— С ним одна морока. Что это тебе, ищейка, что ли?—рассердился Миша.— Прогони его, чтобы следы не затоптал, и пойдем...

— А куда пойдем?

— А может быть, нам сейчас же вернуться в город и обо всем доложить дяде Коле?

— Чего же ты докладывать ему будешь? Сами еще ничего толком не знаем, а уж докладывать.

Миша стоял в замешательстве: что же делать? Вот здесь-то и нужны находчивость и смекалка. Кто знает, может быть, они сейчас держат в своих руках ключ великой тайны? Допусти тут неосторожный шаг — все полетит насмарку, уж тогда никто не разгадает ее. И, строго взглянув на Толика, он сказал:

— Тогда вот что... Давай. проследим, куда этот человек пошел...

Толик отогнал от себя разыгравшуюся собаку.

— Эх ты, лопух ветроголовый, проваливай...

С охотничьей осторожностью и вниманием мальчишки двинулись по следу. Шли они порознь: Миша по одну сторону следа, Толик — по другую. Вот они поднялись на крутой противоположный берег протоки, пробежали песчаную косу, преодолели заросли мать-мачехи, легко перепрыгивая серебристую зелень, и углубились в чащобу мелкого тальника. Здесь идти стало много труднее: мешала густая, высокая трава, кустарники, перевитые ежевикой. След затерялся в траве.

— Потеряли,—сокрушенно сказал Толик.

— Нет, еще не совсем потеряли. Ты смотри хорошенько на траву: там, где он прошел, вершинки склонились к земле, видишь?

— Немного вижу.

— Вот по этому следу и пойдем. И знаешь, будем идти до конца, пока не разыщем этого человека. Согласен?

— Согласен. Раз за дело взялись, не отступать же...

Вокруг так же весело и легко порхали птички, цвел шиповник и ежевика, ошалело носился Шарик, но ребята ничего этого не замечали. Они медленно брели по траве, угадывая путь таинственного человека, часто останавливались, припадали к земле. Только две головы — черная и русая — как два подводных камня время от времени показывались из-под зеленых волн луга. Увлеченные поисками, они не заметили, как подошли к пасеке деда Тимофея. Подошли и остолбенели.

— Что же такое получается?..—выдохнул Миша, устремив напряженный взор в сторону пасеки.— След идет прямо к дедушкиному шалашу, смотри...

— Может, другой?

— Очень странно,— Миша устало присел, оглядываясь вокруг.

— Тот след, наверно, еще у протоки потеряли.

— Не может этого быть...

Толик поискал глазами Шарика, с тоской сказал:

— Вот когда пригодилась бы нам собака... Она бы не утеряла, привела бы на место чика в чикю, без ошибокки...

— Чего об этом горевать? Нет у нас такой собаки, значит, самим надо разбираться.

— А может, дед тут шатался и наследил?

— Да нет же!— возражал Миша.— Ты смотри: след идет не от шалаша, а наоборот, к шалашу, и больше нет никаких следов... Дедушка ведь далеко от пчел не уходит.

— Тогда давай вернемся назад и будем все делать сначала.

— Зачем же? Мы лучше с дедом поговорим, раз узнаем у него.

Пока мальчишки горячо обсуждали создавшееся положение, их заметил пасечник Тимофей и с радостью вышел им навстречу.

— Ого-го! Ну, где же вы запропали, рыбаки-кормильцы?—крикнул он, помахивая соломенной шляпой.—Без ухи чуть не помер, ей-богу! Так и думал, что протяну ноги...

Миша придержал за рукав Толика и тихо сказал ему:

— Смотри, о деле пока ни слова.

Он попрыгал на одной ноге, помахал руками, подсекая головки цветов, потом кувыркнулся в траву.

— А мы домой ходили,— сказал он виновато и в то же время с озорным блеском в глазах.

— Зачем же без спросу уходить?.. Вот я вам ужо...— беззлобно ворчал дед.— Пропишу такую ижицу-сижицу — небу будет жарко.

— Прости нас, дедушка, больше не будем, даем торжественное обещание, что нарушения дисциплины не будет. Понимаешь, у нас было такое срочное и неотложное дело...

Старик добродушно засмеялся.

— Да уж ладно, так и быть, прощаю. Только уговор: вдругорядь так не делать, а то осержусь...

Миша терялся в догадках. Зачем бы мог идти сюда тот человек? Что ему здесь нужно? И почему дед не то-

ропится рассказать об этом интересном посетителе? В других случаях он бывает более разговорчивым. Подозрительно.

Ребята молчали и придирчиво осматривали все вокруг шалаша: глядели под ноги, на примятую траву.

— Да вы что? По гривеннику, что ли, потеряли? — спросил Тимофей.— Ежели потеряли, так не ищите. Получка будет — по целковому дам на конфеты.

— А мы ничего и не ищем,— сказал Толик.

Миша уселся на опрокинутый ящик из-под китайского чая и прямо спросил:

— Кто к тебе приходил без нас?

— Вот еще докладывать тебе стану: кто приходил да за чем — много требуешь, парень, — посмеивался старик.

— Нет, правда?

— Никого не было. Иван-экспедитор угорь приезжал чаю попить, меня проведать.

— И вовсе не экспедитор, а кто-то другой у тебя был, — настойчиво продолжал Миша.

— Да что ты пристал ко мне? Ты что, следователь или прокурор какой? — рассмеялся дед.

Но Мише было не до смеху. Он сразу понял свою ошибку: не с того начал. Тут неожиданно вмешался Толнк.

— Может быть, за тобой кто-нибудь следит?.. Может, тут преступники орудуют... — сказал он, и голос его дрогнул.

Улыбка с лица старика тотчас исчезла, он задумался, пощупывая седые усы.

— Конечно, может! — подхватил Миша. — Здесь вон какие дела бывают...

Тимофей вспомнил вчерашнего прохожего — высокого плечистого парня, который по пути забрел на пасеку и так негостеприимно был встречен пчелами.

— Живых людей убивают, — продолжал Миша.

— «Людей убивают...» Чего вы меня этим страшаете? — зашумел дед. — Ну приходил вчера какой-то чужак, по своей глупости забрел...

— Кто такой? — насторожился Миша.

— Говорю, чужак какой-то... Детина — достань воробушка, ростища агромадного. Ходил тут покосы осматривал, траву по логам глядел... Фамилию-то... как же... забыл, старая голова. Забыл... Я и сам думаю, кто такой? Дай, думаю, документ спрошу. Ничего, показал. «Смотри, говорит, дед, вот паспорт. Раз такое дело, правильно, говорит, проверь».

— А с которой стороны он пришел?

— Вот ты беда какая! Да отсюда же и пришел, откуда вы появились,— начал сердиться старик.— Посидел с полчаса, чайку испил кружечку, покалякали немного и опять подался покосы осматривать... На вас еще хотел поглядеть, да вы на берегу с удочками сидели.

— Он босиком был, да?

— Еще чего скажешь! Босиком только мальчишки бегают, а он человек взрослый, ему нельзя, стыдно... В обуви он был, вроде как бы в штиблетах.

Теперь уж ни Миша, ни Толик не сомневались в том, что у деда побывал тот человек, которому принадлежат эти таинственные следы с тонким полумесяцем на подошве.

Миша не мог спокойно сидеть: обо всем этом надо немедленно доложить капитану. Но как это сделать?..

Пока Тимофей ходил на протоку мыть посуду, Миша еще раз обошел вокруг шаташа, слезил во внутрь его, осмотрел весь немудреный скарб деда — все надо знать.

— Теперь понял, в чем тут дело?— спросил он Толика, вытирая рукавом измазанный медом подбородок.

— Конечно, понял.

— Никакой это не чужак, а тот, который ходил возле убитого, там ведь такой же след остался...

Вокруг было тепло и тихо, только нет-нет да загудит пчела, и снова тишина. Миша отшвырнул ногой пустую консервную банку, еще недавно служившую им на рыбалке.

— Придется возвращаться,— сказал он твердо.— Надо обязательно доложить дяде Коле... Знаешь, может, он до дедушки добирается...— В глазах мальчика застыл ужас.

10. «ЛЕД ТРОНУЛСЯ»

— Н-да-а...— тихо произнес Шатеркин, оторвав от бумаг утомленный взгляд.— Денисов, конечно, растяпа, законченный рас-тя-па... Но кто же украл его пистолет и каким образом он оказался в руках Керженекова?..— подумав немного, он опять стал читать тощее, плохо

проведенное дело, занося короткие пометки на лист бумаги.

Объяснение Денисова было многословно и довольно путанно: вначале он сказал, будто бы пистолет накануне пропажи находился дома, в письменном столе, но потом оговорился, что это не точно — он всего лишь два раза приносил его домой, и то как-то в ночное время, постоянно же пистолет лежал у него в железном шкафу на службе — и что пропал он не с квартиры, а, как он теперь припоминает, со службы в то время, когда он, возможно, уходил на обед и оставил в замочной скважине ключ, что иногда допускал по своей забывчивости.

Шатеркин обратил внимание не на последнюю часть объяснения Денисова, которая, видимо, больше всего заинтересовала следователя, проводившего расследование, а на первую, где Денисов указал, что пистолет все-таки находился дома.

Что-то очень быстро он изменил свои показания. И всего скорее для того, чтобы не вмешивать семью в такое неприятное дело, как расследование: объяснения, допросы, очные ставки — бог с ним и с «Вальтером», лишь бы жилось спокойно...

Шатеркин не считал нужным дальше задерживаться на показаниях сослуживцев, — он уже знал, что они ровным счетом ничего определенного не покажут, — а заглянул еще раз на первый лист протокольного бланка, на котором были занесены биографические данные обвиняемого. И вдруг на его лице появилось удивление. Рука его торопливо потянулась к портсигару, к коробке спичек.

Старозаводская, десять... Где же он встречался с этим адресом?.. И, кажется, совсем недавно. Шатеркин быстро поднялся, достал из сейфа еще одно дело в серой папке и, заглянув в него, присел к столу. Так и есть... В этом доме жил Онучин...

В кабинет вихрем ворвался Котельников.

— Николай Иванович! Поздравляю!.. Лед тронулся! — Он был красный и потный, словно его только сейчас вытолкнули из жаркой бани. — Ответственно заявляю: дело пошло на лад!

— Дай бог нашему рыжему теленку серого волка кусать, — поглядел Шатеркин на своего помощника.

— Николай Иванович, обязательно имейте в виду: рыжий — все счастье в его руках. Так уж он природой создан, ей-богу!.. Одно скажу, Николай Иванович, ваши мальчишки действуют, как прирожденные следопыты.

— Интересно,— Шатеркин кивком головы указал Котельникову на кресло. Рассказывайте.

— Я так бежал, до сих пор еще не могу собрать мысли.— Ну, в общем, так...— Котельников еще раз глубоко вздохнул, отодвинул от себя графин с водой, но, спохватившись, снова подвинул его к себе, налил полный стакан воды, залпом выпил.— В общем, так... Мальчишки сработали, как часы, координаты — что надо, любой летчик позавидовать может...— Он торопливо выдернул из розовой пачки тоненькую сигаретку, заправил ее в мундштук и начал рыться в карманах. Шатеркин зажег спичку.

— Благодарю, Николай Иванович...— Котельников глубоко затянулся, выпустил через нос дым.— Утром я пригласил Анну Степановну Керженекову и очень осторожно, так, знаете ли, в обход, издалека, повел с ней деловой разговор. Давно ли, мол, вы здесь проживаете? Откуда приехали в наш замечательный город? Где работаете? Кто ваш муж и так далее и тому подобное. На мое счастье, она оказалась разговорчивой женщиной. Рассказала, что живет в городе давно, в общем несколько лет безвыездно все на одной квартире... Работает лаборанткой на химическом заводе, председатель цехового комитета профсоюза химиков. Во время войны работала на этом же заводе, получила орден «Знак Почета». Одним словом, Николай Иванович, ничего плохого, ничего компрометирующего...

Шатеркин нетерпеливо поморщился.

— Да, потом начался разговор о муже — о Владе Прокопьевиче Керженекове.— Котельников замолчал, резко взмахнув головой, откинул со лба прядь волос, потом расстегнул планшетку и, порывшись в ней, подал Шатеркину фотографическую открытку.— Вот он, полюбуйтесь...

— Да, это он...— оживленно сказал Шатеркин. Широкие плоские скулы, туго обтянутые бронзовой кожей, небольшой нос, скошенные и широко расставленные глаза-миндалины, прямой зачес иссиня-черных волос и

даже своеобразное, очень резкое очертание губ — все с несомненной убедительностью говорило о восточном происхождении человека.

— Хакас, кажется?

— Так точно. Сибиряк, большой любитель охоты, рыбак,— ответил Котельников с заметным воодушевлением.— Неплохо бы с таким следопытом денечка два-три побродить по тайге. А? Как вы думаете, Николай Иванович?

— Так, и что же она рассказала?— спросил капитан, положив перед собой карточку.

— Говорит, что человек хороший... Живет здесь тоже давно, а в последнее время что-то вдруг затосковал по Сибири, по своей родине, только и ждал отпуска... С нетерпением ждал, и все, говорит, тайгу вспоминал, охоту на глухарей, на белок и даже про медведей не раз заговаривал.

— А почему же он тогда не в Сибирь, а на южный курорт поехал?

Котельников в недоумении развел руками:

— Вот этого-то она и не знает... Говорит, путевку профсоюз дал.

— Может быть, он и в самом деле тяжело болел и нуждался в серьезном лечении?

— Спрашивал, Николай Иванович, и по части здоровья интересовался... Все, говорит, в порядке, на уровне, так сказать. Ну, говорит, немного устал, как и всякий трудящийся, и я же, говорит, ему посоветовала съездить отдохнуть. Одно, говорит, меня смущает: перед отъездом дня два-три был он очень задумчив, больше все молчал, нервничал. Просил ее, чтобы она не ездила его провожать. Что ты, говорит, будешь себя беспокоить, уеду и один, не заблужусь.

— Значит, просил, чтобы не провожали?..

— Просил... Потом интересовался его товарищами, друзьями, сослуживцами. Она говорит, не было у него особенно близких друзей и товарищей, но вот совсем недавно, перед самым отпуском, появился у него какой-то знакомый, Иван Петрович. Кто он такой, откуда приехал, она не знает. Однако, как только появился этот знакомый, Керженеков будто изменился: стал суховат, раздражителен и постоянно чем-то озабочен. Несколько раз заговаривал о Сибири: то вдруг начинал собираться

в отпуск, на родину, в село Рыбаки, даже ружье и боеприпасы заранее приготовил, то снова все раскладывал по своим местам. Спрашивал я ее и насчет оружия, предъявил ей пистолет для опознания — говорит, что кроме охотничьего ружья, тульской двустволки, у мужа никакого другого оружия она не замечала... Ну... потом сказал я ей... — Котельников устало махнул рукой. — Обморок, конечно, врача пришлось вызвать... — он положил на стол перед Шатеркиным бумаги, сколотые скрепкой, и поднялся.

— Вот и все, Николай Иванович.

— Значит, архивариус? — спросил Шатеркин, тоже поднимаясь.

— Самый обыкновенный, с многолетним производственным стажем.

— Сколько он вез с собой денег? Какие при нем были ценные вещи?

— Путевку получил бесплатно, денег взял столько, сколько необходимо на дорогу. Ценных вещей при нем не было. Взял он с собой маленький чемоданчик, в котором кроме смены белья и предметов туалета ничего другого не было.

— Ясно. — глухо сказал капитан, что-то обдумывая. Затем он быстро взглянул в бумаги, положенные ему на стол Котельниковым — это был протокол опознания трупа, — небрежно сунул их в папку. — Были у Керженкова на подотчете ценности или их вовсе не было, но ревизию архива следует сделать.

Котельников швырнул в пепельницу потухший окурок.

— На сто процентов согласен.

— Вот и отлично.

Шатеркин полистал телефонный справочник, отыскал нужный номер и быстро набрал. Когда в трубке послышался глухой старческий бас, капитан назвал себя и спросил:

— Скажите, пожалуйста, сколько бы потребовалось времени для документальной ревизии архива Управления горного округа? Да, да, разумеется, как можно более полной... Так много?! А если ускорить? Хорошо, спасибо.

Положив трубку, он недовольно нахмурился. На пути возникло новое препятствие: ни обойти его, ни объ-

ехать. Однако как всегда в таких случаях удивительно и странно складывается обстановка. Кажется, что все идет против тебя: и время, и факты, и люди — все задалось одной целью: задержать, помешать тебе, спутать все твои планы. И стоит только впасть в уныние, как дело безнадежно гибнет. Шатеркин больше всего боялся не препятствий, преграждавших путь к цели, а пагубного настроения безнадежности. Он всегда настороженно и чутко приглядывался к своим помощникам и заботился, чтобы их ни на минуту не покидала бодрость.

— Семь дней... Это же слишком много, а?— сказал он, испытующе поглядев в лицо Котельникову.— Целая неделя!

— Но ведь, Николай Иванович, без ревизии мы все равно не обойдемся: много ли, мало ли уйдет на это времени, проводить надо.

— Совершенно верно, без этого обойтись нельзя.

— Тогда давайте поскорее займемся ревизией. Я, например, готов сию минуту закопаться в этот архив и если потребуется, перевернуть его вверх ногами,— горячо воскликнул Котельников.

Шатеркин засмеялся, довольный ответом помощника.

— Похвальное желание.

— А кто будут ревизоры?— после небольшой паузы спросил Котельников.

— Придется создать комиссию. Для этого нужны толковые и опытные специалисты, хорошо знакомые с технической документацией Горного управления. Я думаю, что такие специалисты найдутся в самом Управлении, а помощников им мы подберем.

Шатеркин заглянул в настольный календарь, подумал, потом решительно отодвинул его и поднял глаза на Котельникова.

— Вот что, Алексей Романович: оформляйте сейчас же документы на производство ревизии и езжайте в Управление.

— Сюда привезти этих спецов?

— Нет-нет. Сделайте все на месте. Соберите их там же, послушайте, что они скажут. Ну, а потом уж и сами поговорите с ними, попросите их, может быть, они ускорят... Нам дорог каждый час...

— Я договорюсь, Николай Иванович, будьте покойны,— ответил Котельников, и серые, всегда живые и

веселые глаза его лукаво заискрились. Действительно, кроме удивительной подвижности, он обладал какой-то покоряющей добротой. Люди невольно доверялись ему и видели в нем скорее не представителя власти, а друга, от которого просто неловко что-то скрывать. И все у Котельникова выходило просто, с шуткой, с добродушной, даже наивной улыбкой.

— Сделаю так, как надо,— еще раз повторил он.

— Это будет очень хорошо,— сказал капитан и, положив на плечо Котельникова руку, проводил его до двери.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТОВ

Профессор Данилин и капитан Шатеркин столкнулись в дверях.

— Вот и отыскал вас, уважаемый студент третьего курса... Дудки, не спрячете!— неловко поворачиваясь в тесных дверях, как всегда весело ворчал профессор.

Данилин поставил в угол старую суковатую трость из памирской арчи, небрежно кинул на вешалку шляпу и сел к столу. Он был бодр и в самом прекрасном расположении духа.

Удобно усевшись в кресле, профессор пытливо заглянул в лицо капитана — тот с нетерпением ждал от него ответа: что дала экспертиза? Лукаво усмехнувшись, Данилин мизинцем почесал кончик носа и сказал:

— Ох уж мне это движение городского транспорта... Понимаете, Николай Иванович...

— Сергей Владимирович!..

— Выдержка, дорогой, выдержка...— Данилин засмеялся и, поглядывая на капитана, раскрыл, наконец, портфель.

— Видимо, сделано все, что можно сделать.— Он немного похмурился, посверкал круглыми стеклышками очков и извлек, наконец, свои документы.— Вот первое... Итак, гильза, которая была найдена в лодке, принадлежит пистолету, обнаруженному при трупе. Вторая гильза, оказавшаяся на месте происшествия, никакого отношения к этому пистолету не имеет. Также не имеет отношения к оружию, найденному при трупе, и пуля, извлеченная из черепа...

Шатеркин на листе чистой бумаги короткими штрихами набрасывал кошачью голову с огромными пышными усами, потом он удлинил и заострил нос, посадил на него круглые очки — получился не то уродец, не то филин. Он слушал профессора, и мысль его сосредоточенно и напряженно работала вокруг выводов, о которых говорил Данилин. Заключение экспертов вполне удовлетворяли капитана. Они клали конец той неопределенности, которая связывала его действия. Теперь не нужно было бесцельно растрачивать свои силы на одновременную отработку нескольких версий, неясное становилось ясным. Перед ним было настоящее уголовное дело, преступление, которое требовалось раскрыть.

Данилин, отложив в сторону заключение, развернул другой документ.

— А вот и второе... Это заключение судебно-баллистической лаборатории по поводу самого выстрела. Эксперты на основании изучения конкретной обстановки и произведенных расчетов утверждают, что выстрел был сделан не потерпевшим, а другим лицом, с расстояния не более пятидесяти сантиметров. Выстрел произведен из оружия, калибр которого соответствовал пистолету, подобранному на месте происшествия...

— Значит, эксперты отрицают факт самоубийства?

— Отрицают решительным образом,— ответил Данилин, снимая очки.

Шатеркин положил на чернильный прибор карандаш, скомкал бумагу, на которой рисовал фантастического кота, бросил ее в корзинку.

— Вот, смотрите,— Данилин положил на ладонь две стреляные гильзы, которые Шатеркин отправил ему для экспертизы.— Обе гильзы кажутся одинаковыми и по калибру и по цвету металла?

— Безусловно.

— Но это не так, и далеко не так, уважаемый студент. Моя коллекция гильз помогла мне раскрыть разницу, которая есть между ними. Я могу сказать, что гильза, подобранная возле трупа, изготовлена не в Германии и не для пистолета «Вальтер», а в Америке. Она была выпущена в марте 1945 года широко известной американской фирмой «Колт» для бесшумно стреляющего аппарата последней модели «СК—4». Вот так...

На лице капитана отразилось удивление.

— Но ведь этот патрон может подойти к любому пистолету такого калибра,— заметил он.

— В том-то и дело, что может,— ответил Сергей Владимирович после некоторого раздумья.— Я не хочу вводить вас в заблуждение, Николай Иванович, и не делаю из этого факта пока никаких выводов... Патроны, батенька мой, как разменная монета, всякие попадают. Видимо, имеет значение война, демобилизация, возвращение из-за границы солдат и прочее. Все это только для сведения и только, разумеется, для вас. — Данилин стал собираться. — Вот и весь мой доклад. У вас работа, не буду задерживать.

— Вы все-таки, может быть, машиной воспользуетесь?

— Ни под каким видом! — решительно запротестовал профессор.— Если я так рано начну кататься в автомобиле, изнежусь, ноги ослабнут. А как на охоту? На рыбалку?.. Нет-нет, не соблазняйте младенцев!..

Они вышли на улицу. Горячее солнце на минуту ослепило глаза. В сквере против главного подъезда нежно шелестела листва тополей, шумно и весело играли дети. По тротуарам торопливо сновали люди. На перекрестке остановилась маленькая юркая машина. Она была разрисована, как раковая шейка: с огненной полосой через весь корпус, с двумя большими красными репродукторами на крыше кабины.

Шатеркин проводил профессора до перехода и едва попрощался с ним, как услышал властный предупреждающий голос: «Гражданин с тростью! Пройдите дальше, перебегать улицу опасно!» Капитан оглянулся. Профессор успел пересечь мостовую и теперь торопливо шагал, насмешливо поглядывая на сине-красную машину регулировщиков. Капитан покачал головой. «Все же озорной он старик...»

Когда Шатеркин снова вошел в кабинет, на столе звенел телефон. Он снял трубку.

— Капитан Шатеркин слушает вас,— сказал он вздохнув. И сразу же его лицо просветлело.— Здравствуй, Катюша, здравствуй... Что? Вполне нормальное, даже больше: отличное самочувствие... Где пропадаю?.. Да все еще готовлюсь.— Он по-мальчишески закусил губу.— Но, видимо, скоро буду сдавать... Не возражаю,

конечно. Сегодня я готов пойти не только в кино, хоть на край света!

Он закончил разговор, еще раз счастливо улыбнулся, прошелся по кабинету, поглядел на часы.

— Время завтракать...

Торопливо шагая по улице, капитан думал о Кате. Они давно не виделись. Девушка заканчивала в этом году юридический институт и готовилась к научной работе. В последнее время она стала чаще звонить Шатеркину, интересовалась его учебой, посылала ему на квартиру необходимые книги, записи пропущенных лекций. И Шатеркин стал чувствовать, что простая дружба между ним и Катей начинает перерастать в нечто большее. Поэтому-то сегодняшний звонок Кати подействовал на него успокоительно и вывел на некоторое время из состояния тревоги, которая не покидала его с тех пор, как он взялся за дело Керженекова.

Шатеркин привычно толкнул плечом калитку и шагнул во двор. Перед ним, у самой калитки, словно из-под земли, поднялся Риф. Капитан глянул во двор и немало был удивлен, когда на крыльце увидел Мишу и Толика.

— Ага, все понятно...— с усмешкой сказал он.— Друзья неожиданно-негаданно попали в западню? Пропустил их и держишь? — потрепал он Рифа по спине.— Дома, должно быть, никого нет. Молодец.

Мальчишки и в самом деле выглядели довольно грустно.

Толик сидел на крыльце, тремя ступеньками выше, чем Миша. Он первый увидел в калитке Шатеркина, вскочил на ноги и закричал от радости во весь голос:

— Здравствуйте, дядя Коля! Это мы здесь!

— Здорово живем, сыщики! Вижу, что вы, понимаю ваше положение и от души сочувствую.

— Вот это я понимаю, это настоящая, правильная собака, верный товарищ...— свободно вздохнул Миша, вытирая ладонью потный лоб.

— А какой хитрый! Когда мы зашли, он даже не тивкнул, а потом — ого...— восхищался Толик, на всякий случай, однако, сторонясь собаки.

— Как же вы попали сюда?— спросил, наконец, Шатеркин, с удовольствием разглядывая мальчишек.

— Очень просто.— ответил Миша.— Сели на грузовик, который приходил на пасеку, вот на нем и приехали...

— А дальше?

— Дальше?..— Миша потоптался с ноги на ногу, несмело взглянул в глаза капитану. — Дальше... Пришли сюда.

— Почему сюда, а не на службу?

— Нам туда нельзя...— решительно произнес Миша.

— Отчего же нельзя?

— Вот нельзя.— Миша огляделся вокруг и снова, но уже тихо, чуть не шепотом, повторил:— Конечно, нельзя. Может быть, за нами кто-нибудь следит, тогда что будет?.. Мы все обдумали. Товарищ капитан, мы теперь знаем, кто это сделал...

Шатеркин с некоторым удивлением посмотрел на мальчишек, они молчали и ждали, что теперь скажет дядя Коля. Капитан нажал ручку дверного замка, дверь мягко отворилась — Риф зарычал.

— Это свои, Риф, это наши с тобой друзья.

Пес дружелюбно обнюхал мальчишек, помахал от радости хвостом и впереди всех кинулся в комнаты.

— Проходите смелее,— ободрял Шатеркин ребят.— Вот сюда, к столу присаживайтесь...

Он быстро снял пиджак, накинул его на спинку стула, вернулся к двери, притворил ее.

— А теперь рассказывайте,— сказал он, подсаживаясь к ребятам.

Миша поцарапал пальцами розовый обтупившийся нос, раза два тихонько шмыгнул им и начал говорить. Это был мальчишеский рассказ — торопливый, взволнованный, немного длинный и сбивчивый. Капитан слушал внимательно, не перебивая. Миша старался рассказать как можно подробнее, боялся что-нибудь упустить, а когда это случалось, на минуту замолкал и возвращался назад. С настоящим увлечением рассказывал он о том, как они добирались из города до полуострова, как шли по лугам, что видели, о чем разговаривали, как играли. Наконец он добрался до главного.

— ... И тогда мы пошли по этому следу... Только хотел Шарика пустить, но он такой дурной. бестолковый—ничего не получилось, не пошел. А мы шли, шли—и пришли прямо на пасеку к дедушке Тимофею.

— И у самого дедушкина шалаша остановились,— пспешно уточнил Толик, ерзнув на стуле.

— Мы потом спросили дедушку, кто у него был без нас,— продолжал Миша.

— А он что?

— Ну, он сказал, что какой-то чужак приходил, покосы глядел... Еще пчелы его, говорит, сильно покусали, вот...— Миша вздохнул и замолчал.

— Когда это было?

— А мы не спросили,— ответил Толик и украдкой зевнул.

— Не спросили?— капитан покачал головой.— Это плохо. В другой раз спрашивать надо.

— Есть, товарищ капитан!— не поднимаясь, ответил Миша.

Шатеркин задумался. Из-за косяка выглянуло солнце, и светлая золотистая полоса пополам разделила стол, в комнате стало светло, уютно, просторно; в большой хрустальной вазе на столе игриво засветились прозрачные искры. Толик залюбовался ими, незаметно потрогал пальцем рубчатую поверхность вазы.

— Интересно же, дядя Коля, поймать его, да?— спросил он вдруг.

— Кого ты имеешь в виду?

— Конечно, того, который убил.

— Он же сам убился,— сказал капитан, внимательно поглядывая то на одного, то на другого.

— А почему тогда возле него чужой след?— возразил Миша.— Почему лодки тут не оказались?.. Нет, надо поискать хорошенько...

— Верно, Миша, тут надо хорошенько и добросовестно поискать,— ответил Шатеркин, положив на плечо мальчика свою тяжелую сильную руку.— Договоримся мы так: вы на свой остров пока не пойдете, денечка два-три в городе погуляете. Согласны? Вы — пионеры, сознательные ребята и должны понять, что даже небольшой просчет в этом деле может погубить всё. Вы же этого не хотите?— Лица ребят огорченно вытянулись.— Ну, не сердитесь, мы еще увидимся, а о том, что знаете,— никому ни гу-гу. Поняли?

— Поняли.

Капитан по-дружески обнял мальчишек.

— А теперь до свиданья. Бегите домой. За то, что сделали, спасибо.

Проводив Толика и Мишу, Шатеркин наскоро закурил и снова отправился на службу.

12. ПИСЬМО КЕРЖЕНЕКОВОЙ

Для старшего лейтенанта Котельникова у секретаря отдела оставлена записка, в ней — подробный перечень вопросов, на которые требуются безотлагательные ответы. Шатеркин часто так делал в интересах сохранения времени, да и Котельникову это облегчало работу: перед ним был ясный и конкретный план действий.

Наказав секретарю немедленно, как только появится в отделе Котельников, вручить ему записку, Шатеркин пошел на доклад к полковнику Павлову.

Пока он перелистывал бумаги, полковник закурил. Большая черного дерева трубка была отделана тончайшей серебряной гравировкой и служила скорее украшением, чем приспособлением для курения. По этой красивой трубке, по порожней хрустальной пепельнице на столе можно было судить о том, как редко курит полковник. Видимо поэтому в кабинете не ощущалось того «векового» табачного духа, какой бывает там, где постоянно и без меры курят. И вообще, все в этой просторной и светлой комнате говорило об аккуратности ее хозяина.

— По делу Керженекова. — начал Шатеркин, — в настоящее время создалась такая обстановка, что уже можно сделать некоторые выводы.

Полковник кивнул головой.

— Во-первых, самый главный вывод — совершенно отпадает версия о самоубийстве. Во-вторых, собранные данные наводят на мысль о том, что за убийством Керженекова скрывается, должно быть, что-то еще... Может быть, еще одно преступление.

— Каковы эти данные?

— Пока самые скромные. Но мне думается, товарищ полковник, что Керженеков и его убийца были связаны между собой какой-то тайной. Убийца, видимо, опытный и матерый преступник, не желая делить тайну между двумя ее обладателями, а возможно и заподозрив Керженекова в каких-нибудь нежелательных намерениях,

решил убрать его. Подготовка этой операции протекала, должно быть, в течение нескольких дней. Для того чтобы скрыть следы преступления и надолго запутать расследование, преступник умело воспользовался отпуском Керженекова. Накануне отъезда в отпуск преступник уговорил Керженекова, чтобы тот не брал с собой никого из провожающих, а сам в назначенное время приехал на вокзал. В девять часов утра Керженеков сдал свой чемодан в камеру хранения. Поезд же на Московское направление, на котором он должен был ехать, отправляется в 13 часов 45 минут. Должно быть, им надо было еще о чем-то поговорить. Располагая временем, преступник пригласил Керженекова в ресторан, там они позавтракали и немного выпили. Затем спустились к берегу, сели в лодку, которая перед этим таинственно исчезла с водной станции, и спустились вниз по течению. Вероятно, у Керженекова не было никаких подозрений, и он охотно поехал с преступником. Они отплыли вдоль берега за город, на двенадцатый километр, остановились на безлюдном полуострове. Некоторое время сидели у берега под черемухой. И здесь же выстрелом из пистолета Керженеков был убит.

Для того, чтобы сбить с толку следователя, преступник на месте происшествия создал обстановку самоубийства. Выстрел он сделал в упор, в заднюю часть правого виска...

Затем обыскал свою жертву и забрал все, что могло способствовать опознанию трупа, а в его правую руку вложил заряженный пистолет «Вальтер».

— Предусмотрительно,— заметил Павлов.

— Да, по-моему, он человек с опытом, и мне думается, действовал не в одиночку. Дело в том, что этот несчастный «Вальтер» полгода тому назад при неизвестных обстоятельствах и неизвестно кем был похищен у Денисова. Вы, должно быть, помните это дело?

— Он, кажется, начальник охраны завода?

— Так точно. Подозрительное совпадение: в этом же доме, в котором проживает Денисов, жил и Роман Онучин, арестованный по делу ювелирного магазина.

— Очень любопытно!— воскликнул полковник.— Придется снова вернуться и к делу Онучина и к делу Денисова, чтобы проверить эти подозрения.

— Проверка уже начата, товарищ полковник.

— Хорошо,— одобрил Павлов и, немного подумав, спросил:— У Онучина при обыске ничего не было такого?..

Шатеркин понял вопрос Павлова, хотя он и остался недосказанным.

— Ничего,— с огорчением ответил он.— Во всяком случае, не было найдено ничего, что давало бы основание подозревать его в хищении оружия...— Капитан умолк, сосредоточенно сдвинул брови.— В этом деле заслуживает внимания еще одна деталь: в руке у потерпевшего оказался не тот пистолет, из которого совершено убийство.

Полковник крикнул и сунул в пепельницу дымящуюся трубку.

— Что-то из ряда вон...— сказал он, сомневаясь.

— Из этого пистолета еще в лодке, заранее, был произведен выстрел, что подтверждает обнаруженная в ней стреляная гильза; это, должно быть, специально для того, чтобы закоптить канал ствола оружия... После совершения убийства преступник на той же лодке спустился по течению реки примерно на три километра и затопил ее в кустах возле берега. В город он возвращался пешком, шел вдоль берега, видимо, заблудился и уже на следующий день забрел на пасеку, которая находится недалеко от места происшествия. Пасечнику Тимофею он объяснил, что осматривает будущие покосы, но как только зашел разговор о том, что произошло здесь, его перестали интересовать покосы, он стал расспрашивать старика, кто и каким образом обнаружил труп, опознан ли самоубийца. А когда Тимофей сказал, что труп нашли ребята, он захотел повидать их.

Павлов задумчиво постукивал по столу пальцами и тихо повторял:

— Так, так... Это бывает. Преступник иногда напоминает зайца, спугнутого гончими. Ведь заяц, как только собьет с толку собак, обязательно возвращается на то место, откуда его спугнули. Вот так и преступник иногда поступает: придет на место преступления, осмотрится, проверит, надежно ли замечены следы. Вглубь думать некогда...— Павлов немного помолчал, потер шрам на щеке.— Вот так... А внешние приметы известны?

— Пока самые поверхностные, товарищ полковник. На полуостров я отправил старшего лейтенанта Котель-

никова, он имеет задание собрать более подробные сведения об этом человеке... А мальчишки молодцы. Они нам здорово помогли.

— Хорошо, что у вас такие активные помощники, но вы подумайте и о другом... В целях безопасности нужно отвести ребят от этого дела,— уже строго, в тоне приказа закончил полковник.

— Понятно. Такие меры мной уже приняты, я запретил им пока появляться на полуострове...

— Мало вероятно, чтобы он снова пошел туда, там ему больше нечего делать,— заметил Павлов.— Но ребята могут и здесь начать его поиски. Для них это мир соблазнительных тайн и приключений.

— Я с ними говорил. Но, конечно, народ они своевольный, могут и не послушать.

— Чемодан осмотрели?— неожиданно спросил Павлов.

— Решительно ничего интересного: дорожные вещи. На месте происшествия имеются следы двух людей. Кто второй — неизвестно. Все говорит о том, что здесь ночевали рыболовы, но кто они, мы пока не знаем. Может быть, случайное совпадение, а может быть, как раз в этом разгадка тайны. В общем, товарищ полковник, этим тоже предстоит заняться как можно скорее.

Полковник поднялся со стула, уперся о стол вытянутыми руками, взглянул на Шатеркина.

— Вы правы. Выяснить, что за рыболовы были там, нужно, и как можно скорее. Да о мальчиках не забывайте,— напомнил он на прощанье.

Не успел Шатеркин сесть за стол после возвращения от Павлова, как секретарь занесла ему стопу только что распечатанной почты.

— Вот так воз!— воскликнул он.— Когда же я успею просмотреть это хозяйство?..

Но смотреть было нужно. Он очень хорошо знал, какой дорогой ценой иногда обходится несвоевременно рассмотренное заявление, неаккуратно, с опозданием исполненный запрос. Поэтому как бы капитан ни был занят, какая бы срочная работа ни торопила его, всегда он уделял часть времени, чтобы хоть бегло посмотреть почту, выбрать из нее срочное и наиболее важное.

Придвинув к себе письма, Шатеркин углубился в чтение. Чего только здесь не было! Вот личное письмо капитану Шатеркину от полковника из Куйбышева. Письмо полковника короткое, но трогательное. Он благодарит капитана милиции и его сотрудников за то, что они вернули в его семью дочь, потерянную во время войны.

В другом письме строгальщица механического завода благодарит отделение милиции за благотворное влияние на сына. Она пишет, что ее Вовка стал хорошим и послушным мальчиком, перестал озорничать. Дружит он теперь с примерными ребятами, хорошо и прилежно учится и уж больше не цепляется крючком за проходящие автомашины.

Были в этой папке запросы судов о скрывшихся алиментщиках, сообщения иногородних органов о совершенных преступлениях и приметах скрывшихся преступников, жалобы и заявления трудящихся.

Капитан мелким почерком делал пометки на конвертах, на самих письмах: давал короткие, но ясные указания исполнителям, секретарю.

Но вот он задержал свое внимание на небольшом листке бумаги, к которому секретарем приколот серый конверт. Эта записка адресована старшему лейтенанту Котельникову от Анны Степановны Керженековой.

«Товарищ старший лейтенант! — гласила записка. —

Я была так убита горем, что не могла сразу ответить на ваши вопросы. Прошу обратить внимание на следующее обстоятельство: В. П. за два-три дня до смерти ездил на рыбную ловлю с парикмахером Тагильцевым Семеном, который работает в том же учреждении. Он, может быть, что-нибудь знает. А. К.»

— Ага, рыбалка... Это как раз то, что мне нужно.— В волнении Шатеркин закурил, прошелся раз-другой по кабинету, ведя за собой кудрявую пелену дыма, снова перечитал записку. — Да, что бы ни было, а надо мне съездить и поглядеть на парикмахера Тагильцева сперва как клиенту, а потом видно будет. — Он ощупал гладко выбритый подбородок, с сожалением вздохнул. — Только сегодня побрил...

Взглянув на часы, он снял телефонную трубку.

— Катя? Это я, Катюша. Поход в кино придется сегодня отложить, появилось срочное дело. Да... Что?.. Вот и хорошо. То есть нет, я рад, конечно, что у тебя это

последний экзамен. Ты, может быть, поможешь мне в одном деле?.. Дело не столько касается юриспруденции... Архивное дело, пыльное... Согласна? Очень хорошо, спасибо... Ну уж тогда, конечно, не только в кино, пойдем обязательно в театр. Да, да, и на водную станцию... Ни пуха ни пера...

Закончив разговор, капитан в раздумье остановился у стола, потом торопливо шагнул к двери, запер ее и стал переодеваться.

13. КТО ПРЕСТУПНИК?

Старший лейтенант Котельников сейчас несколько не походил на того стройного и подтянутого офицера, каким его привыкли видеть на службе. Он выглядел завзятым рыболовом: голову его покрывала старенькая соломенная шляпа, ноги — босые, брюки, как у рыбака, закатаны до колен, мокрые, запачканные глиной.

Ночь старший лейтенант прокоротал на пасеке. Дед Тимофей, пропустив перед ужином добрую чарку душистого коньяку, на всякий случай прихваченного Котельниковым, так разговорился, что остановить его было невозможно. Рассказывал Тимофей не только о несчастном случае, который недавно произошел на его полуострове, как он любил выражаться, но и о своем житье-бытье, о давно минувшей молодости и больше всего, конечно, о пчелах. В этом деле он был сущим художником и не жалел красок на описание. Пчела у него была и умна, и смирна, и отменно трудолюбива, и заботлива и, кажется, поверь деду, она и разговаривать вразумительно могла, но только без посторонних лиц, наедине с ним. Котельников сочувственно поддакивал старику, удивлялся, восхищенно прищелкивал языком и, уже засыпая на копне свежего душистого сена, подумал: «Для старика такая стопка, кажется, чуток велика... Чего доброго, под градусом таких чудес наговорит, что десяток опытных следователей за год не разберутся...» На зорьке, когда Котельников проснулся, дед Тимофей сладко и безмятежно храпел, наполняя шалаш диковинными звуками.

Старший лейтенант взял удочки и побрел по мокрой траве, блестящей чудесными искорками холодной росы.

— Однако не зря я проторчал целую ночь на полуострове преподобного Тимофея, шут с ними и с комарами... Разведка, кажется, удалась...— тихо рассуждал сам с собой Котельников, жмурясь от яркого света раннего солнца.— Высокий упитанный человек, чуть сутулый, волосы светлые, руки большие, глаза маленькие, серые... Старик говорит: «Не человек, а медведь таежный...» Значит, силен... А фамилия будто бы Вепринцев... Это, пожалуй, самое главное для дела. А может быть это только случайное совпадение обстоятельств, не имеющих отношения к убийству Керженекова... Да, а следы?.. Впрочем, там этих следов, дай бог, всяких было достаточно: и ребячьих и собачьих...

Котельников не столько рыбачил, сколько приглядывался к берегу, к следам, иногда встречавшимся на пути, прислушивался к редким шорохам. Все, кажется, было спокойно и вне всяких подозрений.

В полдень он выкатил из укрытия мотоцикл, переоделся в спортивные шаровары и блузу и, ловко вскочив в седло, уехал в город.

При попытке установить местожительство Вепринцева старший лейтенант сразу же столкнулся с трудностями. По одной фамилии без дополнительных установочных данных искать человека — довольно трудное дело. Правда, Котельников имел в виду то, что ему рассказала вдова Керженекова — знакомого ее мужа звали Иваном Петровичем. Адресный стол дал справку, что Вепринцевых в городе проживает больше десятка человек. Это для Котельникова оказалось неожиданностью: он считал, что такая фамилия, как Вепринцев, не часто встречается. Старший лейтенант решил лично ознакомиться с каждым прописным листком на Вепринцевых и отобрать те из них, которые больше будут совпадать с интересующим его лицом. Ему предоставили место в отдельной комнате, и он занялся делом.

Первый Вепринцев, карточка которого попала ему в руки, оказался пенсионером, рождения 1889 г.

Котельников отложил карточку в сторону — не подходит.

Илья Сергеевич Вепринцев... нет, этот два месяца как паспорт получил...

Вепринцева Прасковья Михайловна...

Ничего похожего на то, что он искал, не было.

— А ведь это может оказаться мартышкиным трудом,— подумал Котельников, на минуту оторвавшись от пожелтевших листов. — Каждый бывалый преступник имеет десяток имен, столько же фамилий и в два раза больше кличек.

Но он также знал и другое: ни одна фамилия, ни одна кличка преступника не падает с неба. Они в большей части случаев находятся в прямой связи с реальной действительностью. И старший лейтенант продолжал терпеливо искать.

Котельников просмотрел листки и на ранее проживавших в городе Вепринцевых. Когда он разбирал последнюю стопку на выбывших, ему в руки попал листок на Ивана Петровича Вепринцева.

— По возрасту подходящий,— обрадовался Котельников.— Шофер гастронома... Попробую проверить по старому адресу... Если не он, искать нечего.

Когда старший лейтенант, наконец, отыскал улицу и дом, который его интересовал, на город уже опустились густые сумерки. На улицах стало тесно и шумно. Все двигалось: трамваи, автомобили, тележки уличных продавцов. Деловой день кончился, люди спешили домой.

Котельников спустился по крутой каменной лестнице в нижний этаж многоквартирного дома и оказался в небольшой с низким потолком комнате. Это был рабочий кабинет управдома.

— Занятия кончились, гражданин,— сказала немолодая женщина, властно преградив путь Котельникову.— Я закрываю.— Она пощелкала в руке замком, давая этим понять, что никакой разговор состояться не может.— Милости просим завтра в девять часов утра, если вас что-нибудь интересует.

— Безусловно, что-то интересует... Разрешите знать, с кем я имею дело, гражданочка?

— Я управдом.

— Приятно слышать. А имя отчество ваше?..

— Прасковья Михайловна, — нерешительно ответила женщина и взяла под мышку старый помятый портфель.

Котельников удивленно воскликнул:

— Товарищ Вепринцева, да?!

— Она самая. Что вам нужно?

— Во-первых, здравствуйте, Прасковья Михайловна!— со вздохом облегчения сказал Котельников так, будто он был давным-давно знаком с этой пожилой женщиной.

Вепринцева холодно оглядела его, деловито и грузно присела к столу, включив настольную лампу.

— Слушаю вас.

— Во-вторых, мы сейчас доберемся до всего, Прасковья Михайловна, не спешите.— Котельников с шумом вытащил из-под стола табуретку и, придвинув ее поближе к Вепринцевой, сел.— Вы смотрите, как получается: опоздай я на одну минуту — и дверь была бы на замке.

— Да ведь и так уж давно обедать пора,— недовольно сказала Прасковья Михайловна, не сводя глаз с неурочного гостя.— Дома ждут.

— Конечно, конечно. Муж, наверно, все окошки проглядел.

— Муж?..— Прасковья Михайловна нахмурилась.— Мой муж, молодой человек, как ушел в сорок втором году на войну, так и поминай как звали.

Котельников понял — данные адресного стола соответствуют действительности. Он решил перейти прямо к делу и предъявил Вепринцевой удостоверение.

— Милиция... так, понятно,— смущенно проговорила она.— Ну что же, пожалуйста, к вашим услугам...

— Я не собираюсь вас долго задерживать, Прасковья Михайловна,— начал старший лейтенант. Меня интересует такой вопрос: как внешне выглядел ваш муж?

В больших строгих глазах Вепринцевой появилось недоумение.

— Как выглядел? Обыкновенно... Как всякий шофер, как рабочий человек...

— Нет, я не о том,— остановил ее Котельников.— Какой у него был рост, цвет волос... внешние приметы.

— Ну, как вам сказать... ростом он был, пожалуй, повыше среднего, с лица худощавый, чернявый такой... Усы небольшие, волос не носил, наголо стригся...— Вепринцева вдруг запнулась, крикнула:— Нашелся, да?!

— Нет,— отрицательно покачал головой Котельников и, торопливо доставая из кармана пачку сигарет, мягко добавил:— Этого я не знаю.

— Тогда не понимаю, что такое происходит?— всплеснула руками Вепринцева.

— А что именно?

— С неделю тому назад внучка говорила, что днем заходил незнакомый человек и тоже... спрашивал обо мне, о муже.

Котельников почувствовал, как застучало сердце, он чуть не вскочил с места.

— Может быть, это вы приходили?— спросила женщина.

— А внучка разве не сказала вам, кто приходил?

— Нет, не сказала... Говорит, незнакомый человек, здоровый и очень высокий...

— Вот видите, какие бывают совпадения...— Котельников немного помедлил и спокойно спросил:— И как же все-таки назвал себя этот человек?

— Да не называл никак — фронтовой товарищ и все. Вместе вроде служили, обменялись адресами и вот, дескать, решил повидаться, зашел.

— Фронтовой товарищ... Любопытно,— в раздумье сказал Котельников.

Бросив в пепельницу окурок, он поднялся.

— Вы что, уже уходить собираетесь?— удивилась Вепринцева.

— Извините, Прасковья Михайловна, мне надо идти. Вы, пожалуйста, не ломайте себе голову. Может, и правда какой-нибудь фронтовой приятель приходил.

— Конечно, все может быть, и я так же подумала,— сказала Вепринцева, поднимаясь со стула.

Как ни торопился старший лейтенант, в отделе, кроме дежурного сержанта, он никого не застал. Занятия давно кончились, и сотрудники разошлись. Котельников, хотя и был страшно голоден, но чтобы не забыть всего, что ему довелось видеть и слышать сегодня за день, стал писать рапорт. На это ушло много времени. Все надо было обдумать и подробно записать, не забыть мелочей, деталей — они-то иногда и составляют всю ценность наблюдения. Когда рапорт был закончен, старший лейтенант оторвался от листа бумаги, задумчиво потер ладонью висок и вполголоса перечитал заключительную часть.

«...Итак, подводя черту вышеописанному, я хочу со всей уверенностью подтвердить, что убийца Керженекова действительно тот самый человек, о котором рассказывали пчеловод Тимофей и ребята: высокий, несколько неуклюжий блондин в солдатской гимнастерке, в старой артиллерийской фуражке. Однако этот тип никогда не был Вепринцевым Иваном Петровичем. Он лишь в преступных целях присвоил себе фамилию человека, без вести пропавшего во время войны...»

14. ЗНАКОМСТВО С ТАГИЛЬЦЕВЫМ

Парикмахерская, где работал Семен Захарович Тагильцев, была расположена в нижнем этаже огромного, чуть не на целый квартал здания Управления горно-промышленного округа. Это была небольшая, всего лишь на два кресла, так называемая «ведомственная» парикмахерская, которая едва справлялась с обслуживанием работников управления.

Два мастера — один пожилой, худощавый человек с большими круглыми очками на кончике острого носа, другой — средних лет, с черными непокорными волосами, немного прихрамывающий после ранения — имели постоянных клиентов и всегда были заняты. Очередь здесь соблюдалась по телефону. Клиент звонил. Мастер снимал трубку, назначал время. Поэтому в парикмахерской никогда не скапливалась очередь. Исключением были субботние дни. Ну, здесь уж ничего сделать нельзя — в субботу везде очереди, а в банях и парикмахерских тем более.

Хромой мастер был широк в плечах, коренаст и, как видно, обладал немалой физической силой. Его карие, словно лесная смородина, глаза были всегда веселы, излучали простоватую теплую улыбку. Движения его были неторопливы, осторожны и несколько тяжеловаты. Бритва никак не соответствовала большой ухватистой руке этого детины: она была слишком легка и мала.

Когда Шатеркин, одетый в штатский костюм, вошел в парикмахерскую, в кресле у хромого мастера сидел пожилой степенный человек. Рабочий день подходил к концу. Капитан избрал именно такое время для того,

чтобы выйти из парикмахерской почти одновременно с мастерами.

Мастер и клиент разговаривали. Точнее, клиент слушал и порой нечленораздельно выражал свое согласие или удивление, а мастер, под трескучий аккомпанемент ножниц, рассказывал о том, как он, литейщик и гвардии сержант, повредил на войне ногу и стал парикмахером.

Шатеркин, незаметно приглядываясь из-за развернутой газеты к мастерам, без труда определил, кто из них Тагильцев. И первое, на что поглядел капитан, были ноги Тагильцева, его большие черные ботинки. Шатеркин почувствовал, как грудь сразу наполнило знакомое радостное волнение. «Вот он где... Похоже, что это его след остался на берегу...» Он следил за каждым движением парикмахера.

Тагильцев тем временем закончил стрижку клиента и свой рассказ. Он не спеша обмел щеточкой морщинистую шею старика, пошумел немного пульверизатором.

— Вот, дядя Саша, и помолодел. Как огурчик муромский, первый сорт.— И уже снимая и стряхивая пеньюар, неожиданно спросил:— На рыбалку не собираетесь?

— Что ты, Семен Захарыч!—невесело воскликнул клиент.— И думать боюсь, старуха страшно ругается... Я-то бы со всей душой, у меня и черви запасены, с неделю уж, как в банке живут... Да знаешь этих старых баб...

— Нет, я уж утром схожу обязательно,—сказал Тагильцев.— По утрам язь хорошо берет на кашу. Чудесно берет, дядя Саша!

Шатеркин сложил газету и направился к креслу.

— А сверхурочные кто мне будет платить?—намыливая руки, шутя спросил Тагильцев.— Осталось семь минут, побрить не успею.

— Не беспокойтесь, товарищ мастер, сверхурочные не потребуются. Мне чуть-чуть подправить виски и шею.

— Ну, это можно.

Тагильцев вел себя так же просто и естественно, как с дядей Сашей, который только что освободил кресло. Он непрерывно что-то говорил. Но пустячные разговоры его, при каменном молчании соседа, пожилого, в роговых очках мастера, не были ни надоедливы, ни тем более неприятны.

Говорил сейчас Тагильцев о том, что относилось к его обязанностям: как идет машинка? Не щиплет ли? Высоко ли подстричь волосы? Какие оставить виски: прямые или косые? Обратил внимание и на небольшой шрам на шее капитана, провел по нему пальцем, спросил:

— Кажется, фронтовая заметка?

— Да, осколком царапнуло,— ответил Шатеркин.

Тагильцев вздохнул.

— Сколько памятных заметок война на нашем брате оставила, счету нет! На ином таких борозд понапахала, что хоть картошку высаживай, ей-богу!..

Из парикмахерской Шатеркин вышел раньше Тагильцева и ждал его возле своего автомобиля. Как только тот вышел, капитан, откинув наполовину выкуренную папироску, крикнул:

— Товарищ парикмахер! Садитесь, подвезу.

— Не откажусь, товарищ клиент. Это для меня подходящее предложение, как манна с неба,— неловко усаживаясь, сказал Тагильцев.— С моей ногой везде неудобно, везде она лишняя, как пятое колесо у телеги...

Затем он поглядел на Шатеркина и, будто сейчас только вспомнив, что между ними еще не состоялось знакомство, поспешно протянул руку.

— Разрешите познакомиться: Семен Захарович Тагильцев,— он так крепко давнул руку Шатеркина, что у того хрустнули и заныли пальцы.

— Николай Иванович,— ответил капитан, умышленно не добавив фамилии.— Куда вас доставить?

Тагильцев назвал адрес.

Шатеркин ловко и легко маневрировал автомобилем в бесконечном потоке машин, велосипедов и пешеходов. Машина шла на небольшой скорости, в кабине приятно шумел свежий, охлаждающий ветерок. Тагильцев с увлечением рассказывал о том, как он когда-то играл в футбол. Этот разговор возник потому, что на всех перекрестках в глаза бросались свежие афиши о предстоявшем футбольном матче.

— Хотел в ваш архив заглянуть, дело одно есть — не нашел, где поместится,— дождавшись небольшой паузы, заговорил Шатеркин.— Говорят, что где-то вни-зу, в конце корпуса.

— Николай Иванович, чего же вы мне сразу не сказали?!— огорченно воскликнул Тагильцев.— Да ведь это же рядом с нашей парикмахерской. И архивариус-то, можно сказать, приятель мой, Влас Керженеков. Но там все равно никого сейчас нет,— успокоил он.— Не работает он в настоящее время.

— Как не работает?

— Очень просто: получил отпуск и на курорт укатил. Капитан все больше убеждался в том, что его собеседник — добродушный и рассудительный человек, что он, пожалуй, ничего не знает о трагической судьбе своего друга.

Шатеркин свернул с главной магистрали на тихую улицу и остановил машину. Тагильцев с легким удивлением в голосе сказал:

— Не тот адрес. Мы еще не доехали.

— Совершенно верно, Семен Захарыч,— успокоил капитан.— Адрес действительно не тот, но это не так уж важно...— Он назвал себя.

Тагильцев растерянно поглядел на Шатеркина.

— Очень приятно. Что же вы мне сразу не сказали?.. Я готов слушать вас, товарищ капитан.

Шатеркин вынул из кармана конверт, достал из него фотокарточку и, засветив фонарик, показал ее Тагильцеву.

— Кого узнаете? — спросил он.

— Вот это и есть Влас Прокопьевич Керженеков, мой земляк и хороший приятель,— ничуть не смутившись, ответил Тагильцев.

Шатеркин показал другую карточку.

— А что видите на этой фотографии?

Лицо Тагильцева перекошил ужас, он побледнел и отпрянул к дверце машины.

— Не может быть!..— с трудом сказал он.— Здесь какое-то недоразумение... Мне точно известно, что Кер-

женеков три дня как выехал в Крым по путевке. Я своими глазами видел эту путевку.

— Все это, может быть, верно,— сказал капитан,— наблюдая за парикмахером.— Но верно также и то, что найден труп Керженекова.

— Но что же произошло с ним?

— Как видите на фотографии... он застрелился...

В машине стало жарко и душно. На щитке мерно и отчетливо стрекотали часы. Тагильцев сидел молча, глядел куда-то в пространство, мучительно думал.

— Нет, ничего не могу понять... Я никогда не слышал от Власа жалоб на жизнь, всегда он был здоров и весел, никто его не обижал, да и не такой он человек, чтобы кому-то дать себя в обиду. И вдруг...— Он взглянул на Шатеркина глазами, полными недоумения.

— Да ведь только за день или два до его отъезда мы на рыбалку с ним ездили.

— Куда?— быстро спросил Шатеркин.

— На двенадцатый километр... И ночевали там...

— Кто еще был с вами?

— Никого больше не было — я и он.

— Расскажите, как прошла эта ночевка?

— Прошла как полагается, товарищ капитан,— после глубокого вздоха ответил Тагильцев.— Уехали мы на попутной машине прямо с работы, даже домой не заглянули: все загодя было приготовлено. Приехали, расположились на берегу со своими удочками, и дело пошло в лучшем виде: рыба ловилась неплохо, настроение отличное, а нам больше ничего и не надо. Когда стемнело, костер развели, бурлацкую уху сварганили.— печально усмехнулся Тагильцев.— Говорили, конечно, о всяких пустяках, фронтовую жизнь вспоминали, а больше все о рыбной ловле, об охоте... Потосковали о Сибири, что поделаешь — родина. Я-то лет двадцать там не бывал, задолго до войны на Урал перебрался. Вот так... Потом закурили, послушали, как рыба в реке играет, и тут же у костра заснули, а утром чуть свет — спать за удочки...

— Брал с собой Керженеков оружие?

— Оружие?— переспросил с удивлением Тагильцев.— Да зачем же оно нужно, когда охота еще не решена?

— Не охотничье... Пистолет у него был?

— Может и был какой-нибудь... Но мне лично, кроме тульской двустволки, никакого оружия видеть у него не доводилось... Пистолета не видел, товарищ капитан.

— А как шли у него дела на работе? Не рассказывал?— постепенно расширял круг вопросов Шатеркин.

— По работе мы с ним почти не сталкивались: он в архиве, а я... Говорят, хороший работник, добросовестный, и сам он на работу не жаловался.

— Семейную жизнь его хорошо знаете?

— Немного знаю. С женой жили вроде дружно, в согласии. Детей вот у них не было...

— Знаете ли вы ближайших друзей Керженекова? Тагильцев задумался.

— Их у него было раз-два и обчелся. Близких друзей не замечал...

— Ну, вернемся немного назад: как же закончилась ваша рыбалка?

— В общем, на уровне, товарищ капитан, никаких происшествий. Вечером в воскресенье приехали в город — и по домам... А потом он в отпуск стал собираться.

— Вы не провожали его?

— Не приглашал он меня... А потом все-таки рабочее время...

Шатеркин завел мотор, машина, легко дрогнув, тронулась и мягко покатила по асфальту. Тагильцев тяжело вздыхал, устало откинувшись на спинку сиденья. В голове какие-то несвязные мысли, перед глазами обрывки пустячных, ничего не стоящих событий. Почему-то с глупой настойчивостью лезет в глаза одна и та же нелепая, смешная картина: Керженеков тащит удочку и вдруг, поскользнувшись, кувырком летит в воду. Потом, весь мокрый и грязный, смеясь, лезет на берег. «Вот и рыбу всю разогнал, — басит он. — Слышь, Семен? Сматывай удочки, погреться надо...» Тагильцев ясно видит широкое смеющееся лицо Керженекова, черные мокрые волосы торчат в разные стороны. Тагильцев опять горько вздыхает. «Неужели у него поднялась на себя рука?..»

Шатеркин больше не задавал никаких вопросов. Он был как будто весь поглощен легким бегом машины. Улица стала уже, темнее. Капитан резко затормозил.

— Вот и приехали, — взглянув на освещенный номер дома, сказал он. — Номер двадцать восемь, ваша квартира.

— Спасибо, товарищ капитан, — Тагильцев торопливо и неловко вылез из машины. Шатеркин протянул ему руку.

— Я думаю, что мы с вами еще увидимся?

— Если это необходимо, я готов в любое время.

Шатеркин кивнул головой. Сердито загудел мотор, на мгновение улицу охватило светом, и машина ушла.

15. ЕЩЕ ОДНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Архивохранилище Управления горного округа помещалось в трех полуподвальных комнатах, хорошо освещенных и надежно изолированных друг от друга. Здесь были собраны объемистые папки документов, инженерных чертежей, всевозможных докладов и справок по освоению различных месторождений полезных ископаемых. Тут же хранились и заявки на открытые месторождения золота, платины, редких металлов; на стеллажах, в больших прошнурованных папках, покоились обоснования и технические проекты рудников, геологические карты, контурные очертания рудных тел, рабочие чертежи шахт и множество других ценных и важных бумаг, нашедших себе со временем место в архиве. В первой комнате были сосредоточены документы общего хранения, они были аккуратно разложены по многочисленным стеллажам; отсюда тяжелая железная дверь вела в кладовую технической документации, а за ней, через такую же массивную дверь, облепленную мастичными пятнами, можно было попасть в кладовую, где хранились документы особой важности и бумаги, представлявшие историческую ценность.

Председатель ревизионной комиссии горный инженер Михаил Архипович, пожилой облысевший человек, распределил обязанности между членами комиссии таким образом, что все они сидели в одной первой комнате и каждый занимался отведенным ему стеллажом. Двое студентов юридического института, посланных сюда профессором Данилиным для оказания помощи, снимали с полок архивные коробки, развязывали толстые вместительные папки и подкладывали их на столы ревизоров. За одним из столов стоя работала Катя Пылаева. Она была одета в серый рабочий халат, русые, выющиеся на лбу и висках волосы были подвязаны пестрой косынкой.

Катя с завидной быстротой расправлялась с толстыми пропыленными папками: развязывала их, бегло просматривала внутренние описи, затем быстро-быстро листала пожелтевшую от времени бумагу. Закончив просмотр одной папки, бралась за другую, третью... Когда уставали глаза и немели от напряжения ноги, она ненадолго садилась на стул и задумчиво глядела на высокие, до самого потолка, ряды стеллажей. «Как их много... И как медленно идет наша работа...»

Катя отодвинула от себя только что просмотренную папку, искала глазами председателя, который задержался где-то между стеллажей.

— Михаил Архипович, мне думается, что было бы удобней вести нашу работу одновременно во всех хранилищах, в том числе в кладовой с особыми фондами. Такой порядок работы ускорит дело.

Инженер снял очки и, прежде чем ответить на вопрос студентки, несколько раз чихнул, так глубоко и шумно, что самому стало неприятно. «Фу ты, несчастье! Неужели простуду подхватил в этом подвале...» — подумал он, погладив вспотевшую лысину.

— Правильно говорит товарищ Пылаева, — поддержал Катю высокий юноша-студент с бледным лицом. — Надо сейчас же открыть все двери, может быть, сразу будет обнаружено преступление, которое мы ищем.

Все участники ревизии присоединились к этому предложению. Михаилу Архиповичу ничего не оставалось другого, как подчиниться и идти за ключами. Прежде чем покинуть архивохранилище, он, уже находясь у двери, опять несколько раз чихнул. «И что за напасть такая, чихаю до головной боли...» — проворчал он и, косо поглядев на своих сотрудников, вышел за дверь.

Катя сидела за горой папок и связок бумаг, покрытых многолетней пылью. Хотя глаза и руки ее работали быстро, как хорошо налаженный механизм, она не переставала думать о загадочном деле Николая Шатеркина. «Что же это за дело?» — не раз спрашивала себя девушка. Но ответа не находила. Она никогда не проявляла излишнего любопытства к служебным делам Шатеркина и как юрист хорошо понимала значение тайны. Что может быть важнее умения сохранить до конца глубокую тайну того, чем ты занимаешься? Ведь большинство провалов и самых неожиданных недоразумений в след-

ственной практике возникает от того, что твои действия стали известны другим. Тайна — залог успеха. Катя знала об этом. И когда Николай сказал ей, что по ходу одного дела ему придется провести документальную ревизию архива, она с большой охотой взялась помочь ему, не спрашивая ни о чем.

Пришел с ключами Михаил Архипович и... зачихал. Чихали и другие члены комиссии, но никто так не краснел и болезненно не морщился, как пожилой инженер.

— Какая отвратительная пыль... А может быть, где-нибудь сквозняком прохватило? — спрашивал он себя. — Удивительно...

Катя вместе с инженером вошла в первую комнату, во вторую. Но везде был тот строгий и удивительно скучный порядок, какой существует в архивах и книгохранилищах. Куда ни глянь — стеллажи, тяжелые железные сейфы, пузатые предохранительные коробки, набитые бумагами, приторный запах бумажного тления и пыли. Катя осталась в комнате, где хранились особые фонды управления. Взгляд ее блуждал по бесчисленным папкам и тяжелым шкафам, она шла вдоль стеллажей, словно по узким запутанным переулкам большого города. Вот ее взор задержался на большом коричневом сейфе, стоявшем у стены. Она остановилась и вдруг почувствовала, что ей стало жарко.

В дверце сейфа, в его замковой части рваной огнестрельной раной зияла брешь.

Попытившись назад, Катя крикнула:

— Товарищи! Сюда не заходите, пожалуйста... Сюда нельзя, здесь вскрыт сейф!..

Она выбежала из кладовой и захлопнула за собой дверь. Лицо ее горело. Михаил Архипович быстро снял трубку и позвонил капитану Шатеркину. Потом подошел к дверям.

— Не стоит заходить туда, — посоветовала Катя. — Вы

обязательно оставите там свои следы, а они могут сбить с толку следователя.

Инженер поглядел на свои большие начищенные ботинки и улыбнулся.

— Из вас, Катя, был бы хороший прокурор,— пошутил он.

— Это, Михаил Архипович, одно из элементарных требований криминалистики.

— Насколько я начинаю понимать, это совсем неплохое требование. Однако, пока суть да дело, мы должны продолжать нашу работу,— уже серьезно сказал он.

Катя раскрывала папку за папкой, но прежнего внимания не было. Перед глазами стоял большой коричневый сейф с искореженной дверцей. Какие же ценности хранились в этом сейфе? Что похищено?

В архиве появился Шатеркин. На этот раз с ним был лишь его верный друг, спутник на все происшествия — Риф.

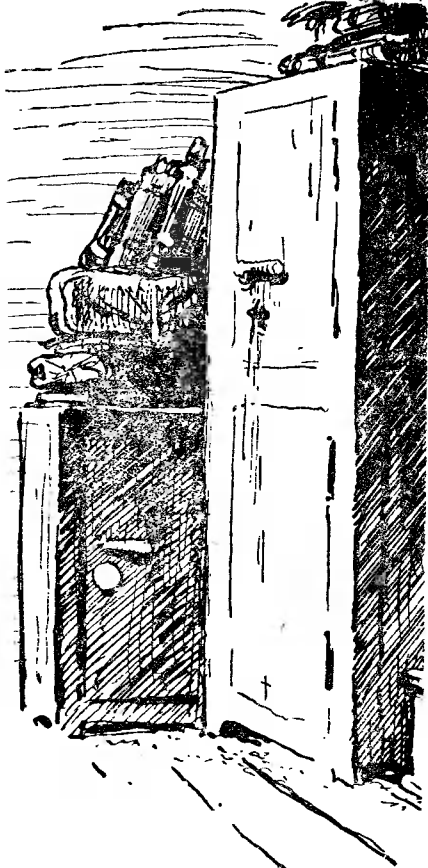
— Я в вашем распоряжении, товарищи,— пошутил Шатеркин.

— А мы все — в вашем, товарищ капитан,— в тон ему ответил инженер.

Шатеркин задал несколько вопросов Кате и инженеру и неторопливо, без сколько-нибудь заметного беспокойства, приступил к делу. Риф стремительно, с шумом бросился в комнату, но как только обнюхал сейф, развороченную дверцу и пол вокруг сейфа, сразу зафыркал, затряс головой и стал чихать.

Катя и Михаил Архипович многозначительно переглянулись.

— Очень интересно. Оказывается, сквозняки не только на старого инженера действуют, но и страшные собаки могут им поддаваться.

— Вы правы, товарищ инженер! Такие сквозняки на собак действуют, очень действуют...— с досадой ответил Шатеркин, разглядывая что-то на полу.— Ну что, Риф, задача не по твоему носу? — приласкал он собаку.— Что же, ничем не могу помочь твоей беде, ступай сядь на место и не мешай мне работать.

— В чем же дело, Николай Иванович?!— воскликнула Катя.

— Не волнуйтесь, товарищи, ничего особенного не произошло — простая предусмотрительность и только. Человек, который побывал в этой комнате, прежде чем оставить ее, посыпал пол чем-то таким, что...

— Ну и ловкач! — Михаил Архипович опять чихнул.— По-вашему выходит, что и у меня не простуда от сквозняков, а тот же самый...

— Вы угадали, у вас тот же самый диагноз...— улыбнулся Шатеркин.— Вероятно, это человек достаточно опытный, и в своей жизни не раз встречался как с сейфами, так и с собаками...

Шатеркин, вооружившись лупой, внимательно осматривал дверцу сейфа. Под большим прозрачным стеклом оживала каждая царапина, каждый незначительный, едва заметный штришок, оставленный на поверхности. Вдруг его взгляд задержался на двух свежих царапинах, нанесенных острым предметом на нижней части дверцы. Царапины изображали правильной формы латинский крест, величиной не более спичечной коробки. Капитан долго рассматривал это непонятное изображение, задумчиво хмурил брови. Потом он сфотографировал со всех сторон взломанный сейф, палки с документами, аккуратно расставленные в нем, отдельно сфотографировал изображение креста и снова задумался. Было видно, что этот крест почему-то особенно заинтересовал его.

В самом взломе для Шатеркина не было ничего неожиданного. Как только капитан вошел в комнату, взглянул на изуродованную дверцу, он, не задумываясь, сказал:

— Ого!.. Работал здесь большой мастер и с первоклассной, вполне современной техникой.

Он поднял голову и некоторое время что-то искал на стенах вокруг несгораемого шкафа.

— А, вот она и розетка... Все так удобно и хоро-

шо. Для такого аппарата напряжения вполне достаточно...

В глазах Кати затаилась тревога.

— Мне думается, что здесь очень серьезное дело.

— И я так думаю, Катюша...— Николай ласково заглянул в лицо девушке.— Дело, безусловно, серьезное, и остается одно: как можно скорее закончить ревизию архива и установить, что похищено.— Это он сказал громко, для всех, кто проводил ревизию.— Я думаю, лучше всего сейчас же приступить к проверке содержимого этого сейфа,— сказал он, постучав пальцем по дверце.

— Разрешите мне?— спросила Катя, повернувшись лицом к инженеру.

— Уступаю, добровольно уступаю,— ответил он.— И как же ей не уступить, товарищ капитан?.. Она ведь первая разыскала этот злополучный шкаф, это ее победа.

Шатеркин взглядом поблагодарил Катю. Он обошел все комнаты, осмотрел двери, окна, опробовал замки и запоры, проверил прочность железных решеток на дверях и окнах, неторопливо обследовал полы. Следов не было.

16. ТАИНСТВЕННЫЕ ЗНАКИ

Уходя из архива, Шатеркин решил забежать в парикмахерскую и повидаться с Тагильцевым.

Капитан встретил его у самой двери.

— Здравия желаю, товарищ капитан!— с сержантским темпераментом отрапортовал Тагильцев и отступил в сторону, чтобы пропустить гостя.— А я к вам собрался...

Шатеркин был несколько удивлен, когда заметил, что в парикмахерской, кроме Тагильцева, никого не было.

— У вас сегодня рабочий день без клиентов?

— Что вы! У нас всегда народ, без дела сидеть не приходится... А сейчас в нашей цирюльне обеденный перерыв, как и на всех порядочных предприятиях.

— Тогда мы здесь и поговорим,— сказал Шатеркин, глазами отыскивая подходящее для сидения место.

— Это еще лучше...— Тагильцев легко подхватил тяжелое парикмахерское кресло и поставил его подле Шатеркина.— Садитесь.

Они сели. Тагильцев никак не мог побороть смущения, видимо, оттого, что он не ожидал прихода капитана. Он достал папироску, помял ее, посорил табаком и закурил.

— Есть один вопрос, товарищ капитан, можно?— наконец спросил он, отогнав от себя рукой облачко синеватого дыма.— Правда, что самоубийством покончил Керженеков, или кто-то убил его?

— А как вы думаете?

— Я?..— Тагильцев торопливо затанулся, порывисто и возбужденно заговорил.— Не такой он был человек, чтобы ни с того ни с сего — бах себе в голову и лапки кверху... Я целую ночь не спал, все думал... Нет причины, не мог он сам застрелиться, он так любил жизнь — из гроба бы в одном нижнем белье удрал, уж я-то его хорошо знаю... Да ведь он перед самым отъездом ко мне заходил. Я думаю, его кто-то подкараулил и того...— закончил Тагильцев, и голос его заметно дрогнул.

— Но если вы сами пришли к мысли, что Керженеков кем-то убит, тогда, вероятно, вы думали и над тем, кто же его убийца?— спросил Шатеркин, внимательно следя за выражением лица парикмахера.

— Думал, и очень серьезно думал, товарищ капитан...— Тагильцев подвинул к себе пепельницу, сбил в нее палочку пепла с папироски.— Убить мог такой человек, который ненавидел его, или такой, который знал, что при нем есть большие деньги, ценности. Вот я лично как думаю.

— Допустим, что это так и есть.

— Да-а, но вот ценностей-то у него никогда не было, не замечал я этого... И врагов опять же не было.

— Но у вас могут быть какие-нибудь подозрения.

— Подозрения, говорите?..— Тагильцев умолк, сутулясь, наклонил голову; на высокий покатый лоб упал черный клоч волос и кинул на глаза тень.— Подозрения могут быть всякие... И ошибиться ведь можно.

— Можно и ошибиться,— подтвердил Шатеркин,— но ошибку легко поправить.

— Человека я одного замечал у него... Чужой, видеть, человек, а кто он такой, не знаю.— тихо и неуверенно заговорил Тагильцев.— Приходил он к нему на работу, в архив... Такой приметный, высокий. И в па-

рикмахерской у нас бывал, мне брить его раза два доводилось. Борода у него хотя и светлая, с рыжа немного, но жесткая, как свиная щетина, не поспеваешь бритву править. Бороду хорошо запомнил.

— Как он был одет?— спросил Шатеркин, насторожившись.

— Как одет?..— Тагильцев покусал ноготь, как незадачливый школьник перед трудной задачей.— Бороду и кожу хорошо запомнил, а вот как одет был, не помню... Кажется, в солдатской гимнастерке и брюках на выпуск. Но это не точно.

— Не помните ли, когда в последний раз заходил к вам этот человек?

— Помнится, дня два тому назад я его брил.

— Это было после отъезда Керженекова?

— Да, после... На следующий день после отъезда,— подумав, ответил Тагильцев.

— Хорошо. А долго ли в этот раз он задержался у вас в парикмахерской?

Тагильцев утомленно вздохнул, откинул со лба волосы.

— Здорово... Вы мне такие вопросы подкидываете, что у меня начинает голова кружиться. Зашел, как всякий клиент, занял очередь, посидел немного... А что дальше?.. Ага, вышел покурить... Опять зашел, это я хорошо запомнил. И так он раза два выходил курить, ввиду того, что дымить у нас здесь недозволено,— Тагильцев мотнул головой в сторону висевшей на видном месте таблички.— Пока он ходит там — очередь пропустит, опять занимает и сидит ждет. Потом я ему и говорю: «Что же вы, товарищ, не следите за очередью, так-то вы и до вечера не побреетесь...» А он деликатно извинился и говорит: «Что же поделаешь, люди торопятся по служебным делам, а я в отпуске, могу, дескать, уступить свою очередь...» Мне как-то неудобно стало. Думаю, хоть и отпуск, а не резонное дело весь его в парикмахерской в очереди просидеть. Освободилось кресло, я его и побрил.

— Есть ли другой ход в помещение архива?— спросил Шатеркин неожиданно.

— Другого хода, кроме той лестницы, которая начинается сразу за нашей дверью, кажется, нет.

— А всегда ли было так темно на этой лестнице?

— Этого не замечал,— виновато ответил Тагильцев.

— Однако какой же вы ненаблюдательный человек, Семен Захарович: «не помню», «не замечал», «не слышал». А еще гвардии сержант запаса называется,— не сердясь, посетовал капитан.

— Да если бы я знал, товарищ капитан, что эта чертова лампешка, которая не горит на нашей лестнице, осветит эту тайну, я бы день и ночь дежурил возле нее и выходных бы с администрации не потребовал.

— Это как в той русской пословице: если бы знал, где упадешь, соломки бы подостлал.

Тагильцев припал грудью к столу, отодвинул от себя голубую стеклянную подставку с искусственными цветами.

— Он сгубил Власа. Он... Теперь-то мне кое-что понятным становится.

— А что именно?

— Вспомнил один случай.

— Расскажите.

— Однажды я спросил у Власа, кто этот человек. Керженевков немного смутился и махнул рукой. «Да так это... фронтовой знакомый»— и замаял разговор. А вот теперь я по-другому понимаю этот случай. Он фронтовик, я фронтовик и тот был на фронте, так чего же Влас не познакомил меня со своим другом, а? Как вы думаете, товарищ капитан?

— Вам лучше знать, Семен Захарович,— мягко ответил Шатеркин.— Вы земляки и старые друзья.

— Схитрил,— вздохнул Тагильцев.— Но ведь раньше у него никаких секретов от меня не было, почему же он стал хитрить?... Выходит, есть какая-то причина.

Для Шатеркина эта деталь не имела теперь того непосредственного значения, какое бы она могла иметь два-три дня назад. Он был уверен, что Тагильцев говорит о том же самом лице, о котором писал в своей записке старший лейтенант Котельников, о котором рассказывали ему Миша и Толик. Перед капитаном сейчас вставала новая задача: найти этого человека. Поэтому Шатеркин настойчиво расспрашивал парикмахера о том, каковы его приметы: походка, разговор? Какая на нем одежда, обувь? Всегда ли он приходил в одном и том же костюме? Не встречался ли он с кем-либо еще из работников Управления горного округа? Тагильцев теперь

уже ни о чем не спрашивал, он едва успевал отвечать, и то сбивчиво, поверхностно. Видно было, что он изрядно устал. Наконец капитан поднялся.

— Что, устали? Не в привычку такое занятие?

— Никак нет, товарищ капитан.

— Не признаетесь? Сержантское воспитание: устал, но молчи, чтобы другие не уставали,— тепло улыбнулся капитан.— Я-то вижу, что вы устали больше, чем за целый день работы.

— Лишь бы на пользу пошло,— застенчиво улыбнувшись, сказал Тагильцев.

— Это будет видно потом, Семен Захарович, а пока наш разговор закончим и, конечно, сохраним его в тайне.

— В этом не сомневайтесь, пожалуйста,— торопливо ответил Тагильцев.

— Вот и хорошо. Перерыв ваш закончился, там, кажется, кто-то идет...

Шатеркин забежал к себе в отделение, с нетерпением открыл сейф и достал пистолет Керженекова.

— Да, тоже с крестом!— задумчиво произнес он, подкинул пистолет на ладони и положил на место.— Однако странно...

Он сел за стол, обеими руками обхватил голову и устало закрыл глаза. Нахлынувшие воспоминания унесли его далеко из этого тихого рабочего кабинета.

Военная весна 1945 года. Капитан вспомнил Вену. Тогда она только что оделась зеленью и цветами. На рабочих окраинах еще поднимался дым заводских пожаров, но он не мешал пробуждению весны, не мог закрыть теплого ласкового сияния солнца. Большой город в торжестве и веселье встречал победу над фашистами. Прямо на улицах города звучали нежные мелодии Штрауса. В пестром и шумном людском потоке, среди светлых майских костюмов и легких, как дымка, платьев девушек мелькали грубые фронтовые гимнастерки советских солдат, принесших освобождение и мир в измученный город. Возле каждого русского солдата — толпа, хорювод девушек-венок. Солдат обнимают и целуют, как братьев, украшают цветами пропахшие дымом пилотки пехотинцев, тяжелые шлемы танкистов. Цветы — всюду, их великое море: розовых, белых, как первый снег, голубых, как небесная лазурь.

И вдруг вечером в разгар веселья младшего следователя военной прокуратуры лейтенанта Шатеркина отыскал дежурный офицер и, отозвав в сторону, тихо и торопливо сказал: «Лейтенант Шатеркин, вас ждут в штабе вместе с вашим Тайфуном. Сейчас же берите машину и езжайте...»

Получив в штабе необходимые указания, Шатеркин и дежурный офицер, усадив в машину Тайфуна, выехали на происшествие. Автомобиль летел глухими безлюдными улицами, темными переулками. С обеих сторон громоздились хмурые, неосвещенные здания рабочих кварталов, безжалостно исклеванных американскими бомбами. Отсюда начинался район крупных промышленных предприятий австрийской столицы — Флорисдорф.

В свете фар появился солдатский патруль, машина резко свернула в переулок и остановилась в подъезде большого серого дома.

— Вот и приехали, — выпрыгнув из машины, сказал офицер. — А теперь нам как-то надо сюда пробраться...

Свет не горел во всем здании. Офицер осветил электрическим фонарем тяжелую дверь в тусклой медной оправе, и они вошли в пустынный вестибюль. Здесь — всюду мешки с песком и опилками, разбитые ящики, упаковочная стружка, битое стекло и другой хлам, натасканный фашистами еще в дни подготовки города к обороне. Из вестибюля они прошли в зал с высоким голубым сводом, подпертым дорическими колоннами, поднялись по узкой винтовой лестнице и скоро оказались в богато обставленном кабинете. Трелетный свет сальных свечей, неизвестно как попавших сюда, чуть-чуть озарял мрачные стены, большой письменный стол, заваленный бумагами, громоздкую старинную мебель. Шатеркин засветил фонарь. На тяжелом китайском ковре, возле стальной несгораемой кассы, искусно заделанной в стену, лежал человек с пробитой навывлет грудью. Касса была вскрыта автогенным аппаратом и ограблена.

Сейчас этот эпизод с удивительной ясностью вновь встал перед глазами Шатеркина. Тогда он неторопливо подошел к кассе, ярким лучом фонаря осветил ее содержимое: разбросанные в беспорядке деловые бумаги, банковские чеки, остатки мелких денег... Внимательно осмотрел взломанную дверь, разобранный замок и так же, как сегодня, увидел на поверхности сейфа неболь-

шой латинский крест. «Что за царапина? — подумал тогда Шатеркин. — И совсем свежая... Какой-то нелепый крест».

Тайфун горячо повел розыск. След грабителей еще не успел «остыть», поэтому собака шла так напористо и азартно, что Шатеркин едва удерживал в руках сворку. Тайфун вывел его на лестницу, потом в нижний полуподвальный этаж, оттуда через черный ход на улицу. Вскоре след свернул в темный подъезд, оттуда в переулок и пошел к Дунаю, потом — в Деблинг, в район роскошных особняков, занятых американскими офицерами, дельцами всех званий, газетными писаками, международными шпионами. Шатеркин, с величайшим усилием сдерживая осатаневшего от азарта Тайфуна, остановился на гранитной набережной «Дунайского канала». Дальше идти нельзя — там американская зона. Там господствуют другие законы, законы бизнеса, морально оправдывающие все средства обогащения, в том числе и уголовные...

Шатеркин быстро поднялся и подошел к карте. Начинала разбалчиваться голова, глухо и неприятно гудело в висках.

Да, то была Австрия, немного наивная и лирическая Вена... А это наш город, отстоящий от границы на тысячи километров. Там была ограблена богатая австрийская торговая фирма, а один из ее управляющих, не вовремя оказавшийся в кабинете, убит грабителями... Здесь пока не известны мотивы убийства и убит не управляющий, обладатель крупного капитала, а простой архивариус... Там орудовала шайка американских гангстеров, привезенных из-за океана вместе с американской тушонкой, — здесь должно быть что-то другое.

Но способ, которым вскрыты оба сейфа, одинаков. а крест... не могут же случайно оказаться такие царапины и на пистолете и на сейфах.

Шатеркин задумался. Он хорошо понимал, насколько серьезны и ответственны эти различия и совпадения.

И опять с волнением мерил шагами кабинет.

— Ну как же эти, с позволения сказать, символические обозначения попали сюда? Как они переползли из Центральной Европы в наш город?.. Удивительно и непонятно.

Он устало сел на диван, взял со стола газету и вдруг вспомнил Онучина. Наглая самоуверенная улыбка на

испитом, немного припухшем лице. Странный тип. И тотчас капитана осенила новая мысль.

— Вор иностранного происхождения... Ну что же, неплохое совпадение, подозрительный сосед Денисова... Потолкуем еще разок.— Шатеркин откинул газету и решительно поднялся.

17. «БЛАГОЧЕСТИВЫЙ КОЛУМБИЕЦ»

Онучин в ожидании суда находился в городской тюрьме. Тюремная администрация характеризовала его плохо: вел он себя, как и всякий рецидивист, дерзко и вызывающе. Поэтому Шатеркин пока воздержался от соблазнительного желания поговорить с ним — беседа с таким развязным преступником не сулила успеха.

Как только капитан вернулся в отдел, он решил поведаться с полковником Павловым. Нужно было сейчас же доложить обо всем, получить указания.

Когда он вошел в кабинет к Павлову, Михаил Алексеевич стоял в стороне от стола и оживленно разговаривал с Котельниковым, который, наклонившись над столом и изредка покусывая карандаш, делал на листочке бумаги торопливые записи.

— Как вы кстати! — произнес Павлов, повернувшись к Шатеркину. — А мы уже со старшим лейтенантом потеряли всякую надежду на встречу с вами сегодня. Что-нибудь случилось? Есть что-то новое?

— Явился для доклада, товарищ полковник.

— Садитесь.

Полковник сел в кресло. Котельников, облокотившись о стол, приготовился слушать. Из противоположного окна на поверхность большого письменного стола упал яркий луч горячего июльского солнца, со стола опустился вниз и светлой дымчатой полосой надвое пересек кабинет; по потолку и стенам побежали игривые зайчики, и гладкое безжизненное сукно стало похоже на изумрудную лужайку.

— Так... Мои сегодняшние наблюдения позволяют сделать некоторые выводы относительно происшествия, с которого я недавно вернулся, — волнуясь начал Шатеркин, и хотя перед ним не было никаких записей, он наклонился к столу, будто хотел заглянуть в конспект. После небольшой паузы голос его зазвучал полнее и

тверже.— Теперь с полной очевидностью устанавливается, что преступник проник в архивохранилище Управления горного округа двадцатого июля, это было примерно через полтора суток после убийства Керженекова. Архивохранилище находится внизу, лестничная клетка, ведущая туда, круглосуточно освещается электрической лампочкой, поэтому преступник, скорее всего, заранее, сам или через своих сообщников, повредил лампочку и спустился вниз никем не замеченный. Туда он попал за несколько минут до окончания работы учреждения. Все наружные замки архивохранилища были открыты ключами без каких-либо усилий. Идя в архив, преступник знал, зачем он идет, знал, где и в каком сейфе лежит то, что его интересовало.

— А что именно?— поинтересовался Павлов.

— Неизвестно, товарищ полковник,— ответил Шатеркин.— К сожалению, об этом можно будет узнать не раньше, как после окончания ревизии. Сейчас же можно сказать одно: преступника интересовал только один сейф под номером двадцать семь, который стоит в отделении, где хранятся особо важные документы.

— А может быть, здесь чисто шпионское дело?— нетерпеливо вмешался Котельников.— Все обстоятельства какие-то странные, запутанные до чертиков. Зачем уголовному преступнику ломать железную коробку со старыми бумагами?

— Вполне возможно,— задумчиво ответил Павлов.

— Нет, нет,— поспешно возразил Шатеркин.— Я имею на этот счет иное мнение. Разрешите мне высказать его до конца.

— Пожалуйста, мы вас слушаем.

— Прежде чем приступить к вскрытию сейфа, грабитель,— Шатеркин особо подчеркнул это слово и при этом мельком взглянул на Котельникова,— вероятно из каких-то суеверных побуждений, остановил, стенные часы, висевшие над столом архивариуса. Часы были остановлены в 17 часов 32 минуты.

— Это весьма интересная деталь, капитан!— живо отозвался полковник и даже привстал со стула.— Если это так, не похоже на шпиона, товарищ Котельников. Это уже совсем из другой области, личный почерк... А может быть, часы неисправны?..

— Мастера, к которым я обращался, утверждают,

что завод часовой пружины использован наполовину, часы совершенно исправны и сами не могли остановиться.

Полковник еще раз взглянул на Шатеркина и осторожно, будто желая предупредить его, сказал:

— Я что-то давно не встречался с такими обстоятельствами... Очень давно.

— Сейф взломан с помощью портативного автогенного аппарата, незаметно пронесенного в архивохранилище.

— Нет, это уже совсем новое!..

— И наконец, товарищ полковник,— продолжал Шатеркин,— взломщик предпринял меры к тому, чтобы замести следы: экспертиза установила, что весь пол в архивохранилище был посыпан табаком и перцем. Этот нюхательный коктейль моментально вывел из строя собаку.

Шатеркин немного помолчал, легко кашлянул. Лицо его казалось утомленным и серым, под глазами легли темные пятна. Он достал папиросу.

— Разрешите, Михаил Алексеевич?

— Курите, пожалуйста.

Павлов тоже взял свою трубку, долго и неторопливо набивал ее желтым душистым табаком, похожим на золотистую пряжу, задумчиво погрыз костяной чубук и, не закурив, отложил в сторону:

— Что еще удалось собрать о преступнике?

— Не так уж много, но кое-что есть новое. Во-первых, я уверен, что убийца Керженекова и взломщик сейфа в архивохранилище — одно и то же лицо. Поэтому я в самом начале своего доклада связал эти два преступления в одно целое.— Шатеркин сделал две торопливые короткие затяжки, поглядывая на полковника и, видимо, ожидая возражения или одобрения с его стороны. Но Павлов молчал и задумчиво слушал.— Во-вторых,— уже смелее продолжал капитан,— удалось установить, что преступник скрывается под фамилией некоего Вепринцева Ивана Петровича, жившего до войны в городе и работавшего в одном из гастрономических магазинов шофером. Семья этого Вепринцева до сих пор проживает в городе, а он во время войны пропал без вести. Установлена также еще одна существенная деталь: Иван Петрович Вепринцев до войны был знаком с Керженековым,

иногда они бывали друг у друга. Внешние приметы настоящего Вепринцева, как выяснил Алексей Романович в разговоре с его женой, ничего общего не имеют с приметами известного нам Вепринцева-преступника.

— Так точно, товарищ полковник,— поспешно подтвердил Котельников.— Между прочим, мне удалось выяснить, что преступник посетил квартиру Вепринцевой, выдав себя за приятеля ее мужа.

— Даже так! Смелый человек.

— Анализируя поведение преступника,— снова начал Шатеркин,— можно сказать, что он, видимо, впервые попал в наш город и поэтому на всякий случай собирает кое-какие сведения. Надо полагать, что из этих соображений он и побывал у Вепринцевой. Ее адрес, как и служебный адрес Керженекова, преступнику, видимо, был известен заранее. Я наводил справки, никто в последнее время не интересовался этими адресами.

Шатеркин продолжал перечислять собранные о преступнике данные. Полковник молчал, он пока не торопился делать ни обобщений, ни выводов. Наконец Шатеркин умолк, в кабинете стало тихо, и только мягкий и ровный скрип шагов Павлова, ходившего вдоль стола по ковровой дорожке, неуверенно и робко вторгался в эту домашнюю тишину. Лицо полковника с небольшим и неровным шрамом на левой щеке казалось непроницаемо строгим, глубоко озабоченным... Шатеркин опять вспомнил католические кресты на сейфе, на пистолете, Вену. «Сейчас рассказать или немного повременить?» Но в это время полковник, сам того не подозревая, пришел на помощь Шатеркину.

— Вам когда-нибудь приходилось вести дела по взлому несгораемых касс?

— Собственно говоря...— Шатеркин несколько растерялся от неожиданного вопроса.— Здесь не приходилось, товарищ полковник... А вообще с такими фактами сталкивался, вообще приходилось...

— Да-а,— полковник оперся руками о кромку стола, поглядел на работников, с ожиданием смотревших на него,— а знаете ли вы, что в нашем городе давным-давно не было не только ничего похожего, но, кажется, с 1929 года не было ни одного случая взлома несгораемых

ящиков. «Медвежатники» — у нас редко они встречаются,— в раздумье продолжал Павлов.— Такие преступления в нашей стране начали исчезать вместе с буржуазией. Они характерны для стран, где господствует частный капитал.— Он помолчал, наклонив голову.— Я думаю, что не будет ошибкой, если мы начнем рассматривать это дело несколько шире, чем обычное уголовное преступление... Подойдем к нему с политических позиций...

Шатеркин решительно поднялся.

— Михаил Алексеевич, я прошу извинить меня,— порывисто передохнув, начал он,— я до сих пор не доложил вам одно обстоятельство в этом деле. Может быть, оно и не столь пока... Однако оно беспокоит меня странным совпадением.

— Что за обстоятельство?— удивленно глянул на него Павлов.

— На взломанном сейфе я заметил латинский крест, нацарапанный острым предметом,— продолжал Шатеркин.— Точно такой же крест я обнаружил на пистолете, который оказался в руках Керженекова... Вы удивляетесь?— быстро взглянул он на Павлова и Котельникова.

— Нет, нет, продолжайте, мы слушаем.

— Я был еще больше удивлен, товарищ полковник, потому что мне довелось встретить такой же загадочный крест в другом месте. Крест, нанесенный таким же способом, я видел на несгораемой кассе, которая принадлежала одной австрийской торгово-промышленной фирме... И та, тяжелая, тонны в полторы, касса была вскрыта, как ни странно, при помощи такой же портативной сварочной техники.

— Где и когда это было?— торопливо и серьезно спросил Павлов.

— Это было в Вене, в день окончания войны... К сожалению, мне тогда не удалось до конца провести этого дела — следы преступников вели в американскую зону. А нам идти туда было нельзя.

Котельников сосредоточенно грыз свой янтарный мундштук. Он в шутку говорил, что мундштук помогает ему владеть собой в минуты беспокойства и волнений.

Павлов, поднявшись, шагнул к объемистому тяжелому сейфу, стоявшему за его спиной. Порывшись в тесных железных нишах, он бережно вынул старую тетрадь в черном клеенчатом переплете.

— Попробуем проверить ваши догадки,— снова садясь и не спеша перелистывая посеревшие листочки тетради, сказал он.

Изумрудно-яркое пятно на столе заметно подвинулось на середину, и теперь лицо Михаила Алексеевича, склоненное над тетрадкой, казалось ближе и светлее, старый шрам и морщины, лежавшие на нем, выделялись яснее и глубже, но оно не выглядело от этого старше, лишь подчеркивалось мужество и сильная воля человека. Сколько раз в минуты горьких сомнений, неудач Котельников и Шатеркин видели на этом лице сочувствие и добрую улыбку. Полковник обычно говорил: «Больше выдержки, спокойствия. Нераскрываемых дел нет, так же, как нет непознаваемых законов в природе и обществе. Не горячитесь и не теряйте надежды: не везет только бездельникам да шалопадам...»

Павлов перелистал уже добрую половину заветной тетради, ни разу не подняв головы. Затем на лице его появилось оживление, он по-стариковски крикнул, поспешно сдернул с носа очки.

— Вот и ваши кресты попались!

Шатеркин привстал со стула. Котельников перестал грызть свой мундштук.

— Да, это не случайные царапины, товарищ капитан, а настоящий католический крест, настоящий...— отрываясь от тетради, продолжал полковник.— За этим крестом скрывается благопристойное католическое «Братство благочестивых колумбов», постоянное местопребывание которого не Вена, а город Чикаго в штате Иллинойс.

— Как Чикаго?!

— Да-да, за этим святым крестом скрывается не монашеский орден, а настоящая преступная шайка, орден американских гангстеров.

— Орден гангстеров?!— изумленно воскликнул Котельников.— Как же это так?..

— Что касается ордена, это, конечно, понятие в известной мере условное,— сказал полковник.— Это вполне современная американская фирма преступников, объединение разбойников с большой дороги, которые располагают крупным капиталом, современной техникой взлома и убийств, своей разведкой и даже надежным покровительством и поддержкой не только в аме-

риканском конгрессе, но и в святейших покаях папы римского.

Шатеркин ближе подвинул стул. Он слушал и старался как можно глубже и полнее осмыслить это новое открытие — оно превзошло все его самые смелые предположения. Ведь тогда в Вене ему не удалось раскрыть значения этих царापин.

— А как же кресты, товарищ полковник? — опять оживился Котельников. — Я все-таки не понимаю, какого лешего они нужны в этом далеко не богоугодном деле?

Полковник отложил тетрадь и взял трубку. Теперь он закурил и с наслаждением вдохнул небольшую порцию дыма.

— «Братство благочестивых колумбов» — это вполне католическое «братство». Создал его один из апостолов американского гангстеризма католик Хелло, а на кровавые деяния благословил сам папа римский. Хелло вербовал в свое братство всякий сброд, но преимущественно оказывалось католикам. Вскоре вокруг этого католического разбойника сгруппировались всякого рода авантюристы. Крест и кольт — это их эмблема, икона, которой они поклоняются. Каждое свое преступление они отмечают католическим крестом, знаком спасения и неуловимости, — это их талисман, а после каждой удачной вылазки служат мессу в настоящем костёле.

— Да ведь с этими чудачествами их очень легко можно прихлопнуть.

— Конечно, все это облегчает поиск, но... — полковник выколотил из трубки горку горячего пепла. — Нам, работникам советской милиции, трудно понять все это. У нас он был бы давно пойман и осужден, в Америке — другое дело. В Америке таких преступников не ловят, товарищ Котельников, там вокруг них создается ореол славы, о них пишут в газетах. «Благочестивые колумбы» — не случайное название! Только открывают эти «колумбы» не неведомые земли, а денежные ящики — занятие куда более выгодное!

— Еще один вопрос, товарищ полковник, — спросил Котельников. — Как мог залететь к нам этот «благочестивый колумбиец?» Запутанное дело!

— Согласен с вами, дело нелегкое. А как все это произошло, мы скоро узнаем, друзья мои. Ясно одно:

вместе с армией союзников в Европу двинулась в поход армия бизнесменов и разбойников. Эти колорадские жуки набросились на измученную Европу с величайшей жадностью и остервенением. Они грабили, убивали, торговали на бирже фальшивками. Одни из них специальными автогенными аппаратами вскрывали несгораемые кассы, другие тащили целые заводы и фирмы...

Полковник достал из кармана платок и отер им вспотевшее лицо.

— Вот так, Николай Иванович. Если в Австрии вам не пришлось довести до конца дело о взломе кассы по не зависящим от вас причинам, здесь к этому имеется полная возможность.

Полковник поднялся. Изумрудное пятно на столе расплылось почти на весь стол. Павлов включил вентилятор — над столом понесся легкий приятный вихрь. Поднялись и Шатеркин с Котельниковым.

— И довести нужно как можно скорее. Нельзя больше медлить, — твердо сказал Павлов, подставляя воздушной струе вспотевшую руку.

Напряженно и долго длилась пауза, казалось, что полковник забыл о своих собеседниках. Котельников незаметно вышел из кабинета, собрался уходить и Шатеркин, но Павлов неожиданно остановил его.

— А вы, пожалуй, напрасно отказались от встречи с Онучиным. Мысль была правильная.

— Может быть, — неуверенно произнес Шатеркин, — но я подумал, товарищ полковник, и решил, что встреча в этих условиях ничего не даст.

— Однако мне все-таки думается, что это никак не может помешать делу, если... — полковник вдруг замолчал, задумчиво побарабанил по столу пальцами, спросил: — Передачи он получает?

— Не часто.

— Это уже хорошо...

Павлов достал из стола почтовый конверт, вытряхнул из него на ладонь несколько небольших фотографий и, отобрав нужную, подал ее капитану.

— Возьмите.

— Так это Онучин! — с удивлением воскликнул Шатеркин.

— Конечно, поэтому я и даю ее вам, чтобы у вас был предлог... Сегодня же поговорите с ним...

Похоже было, что Шатеркин сразу не понял Павлова. Но это длилось совсем недолго. Он улыбнулся и сказал:

— Теперь я вас понимаю, Михаил Алексеевич, понимаю...

18. ДОПРОС ОНУЧИНА

Дежурный надзиратель привел Романа Онучина в следственную тюремную камеру, где его ожидал Шатеркин.

— Садитесь,— сказал капитан, кивком головы указав на табуретку.

Перед Шатеркиным был теперь не тот вор-стиляга, каким он его видел две недели тому назад. На нем уже не было рыжего мешковатого пиджака, туфель на «гусеницах» — все это он в первые же дни проиграл сокамерникам, и по этой причине на его худых угловатых плечах внакидку висела какая-то замалеванная красками и пропитанная олифой курточка. На голове больше не красовалась копна неприбранных бурых волос — ее остригли. И только холодные серые глаза по-прежнему глядели с неприкрытой наглинкой. Он недружелюбно взглянул на капитана.

— Зачем вызвали?

Капитан улыбнулся:

— Не думаю, чтобы я оторвал вас от большого и полезного дела.

— Давайте без антимоний, капитан! Что вам от меня надо?

Шатеркин раскрыл перед Онучиным тяжелый серебряный портсигар.

— Закуривайте.

— Купить хотите? Не выйдет!

— Дело хозяйское. Тогда вот что, давайте перейдем к делу.

— У меня с вами нет никаких дел.— Онучин отвернулся.

— Есть вопрос: за несколько дней до ареста вы были на открытии ипподрома?

— Не помню.

— А вы хорошенько подумайте и скажите, с кем вы сидели в кафе на ипподроме незадолго до ареста,

— Вам лучше знать.

— Отвечайте без фокусов,— повысил голос Шатеркин.

— Ни с кем я нигде не сидел,— покусывая губы, ответил Онучин.— И что это за новый вопрос? Следствие по моему делу закончено.

— Не совсем так.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы. Давайте сюда прокурора.

Онучин поднялся с табуретки, на его сером худощавом лице появился бледный румянец.

— Сядьте,— приказал Шатеркин.— Я думаю, что мы обойдемся и без прокурора, поскольку есть его решение разговаривать с вами.

— А я хочу обязательно при его личном участии, меня так больше устраивает.

— Прекратите сейчас же ваши кривляния.

— Все, капитан, разговор закончен!

— Нет, не закончен. Разговор только начинается.— Шатеркин взял со стола фотографическую карточку и положил ее на столик перед Онучиным, не сводя с него острого, испытующего взгляда.— Узнаете?

Онучин сделал все, чтобы не показать своего удивления. Только брови слегка дрогнули. Он опять отвернулся к стене и даже попытался что-то насвистывать, но капитан оборвал его.

— Здесь не место для художественной самодеятельности. Отвечайте на вопрос.

— Как это вам удалось?— наконец спросил Онучин.

— Это не имеет значения.

— Между прочим, неплохо схвачен момент,— Онучин рассмеялся, обнажив щербатые зубы.— Хорошо... И что же вас интересует, гражданин капитан?

— Думаю, что вы человек догадливый и поймете, что меня может интересовать.

Онучин долго молчал. Когда это могло случиться? В кафе тогда было очень много посетителей, но он не видел ни одного фотографа. Неужели за несколько дней до этого глупого «часового дела» за ним уже следил недремлющий глаз уголовного розыска? Шатеркин понял состояние Онучина.

— Напрасно ломаете голову, все выглядит гораздо проще. Если бы на третий день после открытия иппо-

дрома побывали там, вы бы увидели на фотовитрине этот снимок. Кто здесь с вами сфотографирован?

— Люди.

— Кто они?

— У воров не принято интересоваться деталями.

— Давно вы знаете этих людей?

— Недавно.— Онучин кинул на Шатеркина откровенный насмешливый взгляд.— Который вас интересует больше всего?

— Говорите о всех, не ошибетесь.

— Я могу говорить только о себе, о своей дорогой мамаше...

— Что же, значит надо полагать, что это ваши сообщники по преступлению,— после непродолжительной, но напряженной паузы, сказал капитан, решительно откачнувшись от стола.

— Нет, нет,— поспешно ответил Онучин.— Это просто случайные связи, мало ли их бывает...— Онучин взглянул на фотографию, лежавшую перед ним.— В середине я, это вы, кажется, хорошо видите...

— Дальше?

— Справа... Справа Фима,— нарочито небрежным тоном произнес Онучин.

— Не Фима, это слишком нежно и женственно, а Ефим Стриж, старый карманный вор,— поправил его Шатеркин.

— А вы, однако, знаете лучше, чем я...

— Продолжайте,— повелительно сказал капитан.

Онучин насупился, опять капризно закусил губу.

— Я вас слушаю,— повторил Шатеркин.

— Да-а... Рядом с Фимой — знакомая девушка, слева от меня — Иван Петрович. Все.

— Не все.

— Но я их плохо знаю, гражданин капитан, и поэтому ничего больше не могу сказать.

— Иван Петрович... Это тот самый, который приходится вам крестным отцом?

— Вы уже знаете?! Кто-то хорошо на вас работает.

— Это не относится к нашей беседе. Продолжайте.

— Охотно подтверждаю ваши, так сказать, оперативные данные, но ничего, к сожалению, не могу сказать нового.

— Откуда и когда появился ваш крестный отец?

— Знаю, что откуда-то и когда-то приехал.

— Не ваяйте дурака, Онучин!

— Извиняюсь, гражданин капитан, вы опять забыли мою настоящую фамилию. Напоминаю вам: Том Штюбер.

Шатеркин с отвращением и жалостью поглядел на Онучина.

— Эх, Том Штюбер... Своим умом дошли до этого, или вас так окрестил Иван Петрович? Его профессия?

— Не знаю. Он недавно приехал из-за границы и поскольку в нашем городе нет биржи труда, на учет безработных, видимо, не встал.

— Из какой страны?

— Кажется, обыкновенный репатриант, из бывших перемещенных лиц, которых теперь вывозят из Западной Германии.

— Чем он намерен был заняться?

— Это вы можете спросить у него. Он вам даст исчерпывающие ответы.

— Где он остановился? У родственников? У знакомых?

— Может быть, у родственников, может быть, у знакомых, а может быть, у тех и у других,— ехидно улыбнулся Онучин.

Шатеркин старался держать свои нервы в туго сжатом кулаке. Он тоже улыбался, но эта улыбка неदेशево обходилась ему.

— Насколько мне помнится, вы жили по Старо-заводской улице, в доме номер десять?— неожиданно переменяв направление беседы, спросил он.

— Вы что, хотите в гости?.. Извините, но вы, кажется, забыли, что меня нет дома.

— Нет, не забыл, я это очень хорошо знаю.

— Тогда непонятно, с какой целью вас вдруг заинтересовала моя квартира?

— Меня заинтересовала не ваша квартира, а вашего соседа Денисова, которую вы не раз посещали в этом году.

Онучин насторожился, в безжизненных зеленых глазах зажглись слабые огоньки.

— Живем в одном доме, почему бы и не зайти к соседу?

— Не стройте из себя шута. С какой целью вы посещали Денисова?

— Оставьте меня в покое, капитан!— истерично закричал Онучин, вскочив с табуретки.— Я вам больше ничего не скажу. Вы поняли?..

19. МАЛЬЧИШКИ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Катя опустила монету в автомат и набрала номер служебного телефона Шатеркина. Ответа не было: в трубке повторялись глухие продолжительные гудки. Она набрала второй раз — Шатеркин не отвечал.

Постояв в нерешительности еще одну-две минуты, девушка вышла из телефонной будки и медленно пошла в сторону сквера.

Вечер обещал быть теплым и тихим. Где-то далеко за большим шумным городом, за просторами поемных лугов тяжело и устало опускалось солнце. Его прощальные лучи теперь уже не доставали ни гладкой нагретой поверхности мостовых, ни прелой пахучей земли в садах и скверах, они гасли в желтоватой трепетной дымке и только чуть-чуть светились тусклой позолотой на крышах домов, на вершинах высоких тополей и кленов, росших по обеим сторонам улицы.

— Ведь он через двадцать-тридцать минут должен быть дома,— подумала Катя.— И как бы это ни было понятно, мне необходимо с ним повидаться. Что же, наконец, в этом особенного?..

Катя дошла до кинотеатра. Внимание ее привлекла большая красочная реклама на фасаде здания. Она остановилась. «А что, если на этот раз все будет на-оборот?.. Разве в этом есть что-нибудь плохое?.. Ведь он занят больше, чем я».

Не раздумывая, она подбежала к кассе и сунула в тесное окошечко деньги.

— Два билета, пожалуйста... На хорошие места.

Не глядя взяла сдачу, билеты и, счастливо улыбаясь, чуть вприпрыжку, словно девочка, побежала к остановке автобуса.

Едва она вошла в калитку, как на дорожке появился Риф. Катя испуганно вскрикнула — Риф не тронулся с места и не проявил ни малейшей снисходительности. Стоило только Кате сделать неуверенный и робкий шаг

назад, как он предусмотрительно сменил свою позицию и преградил ей дорогу к отступлению. «Что же теперь делать?..» — в отчаянии прошептала Катя.

На звяк щеколды вышла Марфа Алексеевна и, всплеснув руками, тотчас повернула назад. В следующую минуту на крыльцо выбежал сам Николай и бросился навстречу перепуганной девушке.

— Вот всегда мы так встречаем наших гостей, — не без иронии кивнул Шатеркин в сторону Рифа.

— Я, должно быть, не вовремя? — смущенно проговорила Катя. — Наверно, помешала...

— Напротив... В самое подходящее время, вместе сейчас и пообедаем.

Николай был в легкой полосатой пижаме, в мягких домашних туфлях. Марфа Алексеевна теперь вышла на встречу сыну и Кате в новом красивом переднике, радостная и виновато улыбающаяся.

— Ты уж, Катенька, прости меня, старую... Мне надо было этого нечистого духа прогнать да тебя от страха вызволить, а я, как ненормальная, в комнаты бежать кинулась.

— Не беспокойтесь, Марфа Алексеевна, все обошлось хорошо. Риф вел себя деликатно.

— Куда уж деликатней... У, нечистый дух, — проворчала Марфа Алексеевна.

Скоро все эти волнения улеглись. Сели за стол. Молодые люди не страдали отсутствием аппетита, а при оживленном разговоре обед казался еще вкуснее. Марфа Алексеевна принесла лакомства. Катя молча покосилась на большой, до отказа заставленный поднос. Мягкие, в глубоких морщинах руки Марфы Алексеевны без конца пододвигали к ней то легкий, как пена, зефир, то свежее клубничное варенье, то румяные абрикосы...

— Марфа Алексеевна, — взмолилась Катя, — разве можно столько одной съесть?

— А ты, милая, ешь на доброе здоровье, — с нарочитой строгостью ответила Марфа Алексеевна. И добавила с улыбкой: — Ведь вы такой народ, если вас не заставишь, голодные целыми днями ходить будете.

Когда Марфа Алексеевна вышла на кухню, Катя, отодвинув недопитую чашку чаю, с нежной грустью в глазах поглядела на Николая. Тот смущенно улыбнулся.

— Да, чуть не забыла, — встрепенулась девушка, и

открытое, чуть загоревшее лицо ее сделалось серьезным.— Ревизия архива, вероятно, затянется.

— Почему?— спросил Николай удивленно.

— Видишь ли... В том сейфе, который взломан, все документы оказались налицо.

— Еще одна новость!— Шатеркин потянулся к портсигару, лежащему на диване.— Что же тогда получается?

Он взял папироску и, выйдя из-за стола, закурил. Легкий дым кудрявыми прядками потянуло в окно.

— Все папки оказались в таком порядке, в каком они когда-то были уложены... Вот поэтому окончательные выводы можно будет сделать не раньше, как после ревизии всех особых фондов.

— В общем архиве ничто не могло интересовать преступника,— размышлял Шатеркин, озадаченно похаживая возле окна.— Выводы должны быть завтра... Не позже, чем завтра...— Он круто повернулся.— Ты понимаешь, Катя, больше нельзя ждать. Нельзя! Иначе будет поздно, и тогда вся эта огромная работа окажется никому не нужной.

Катя никогда раньше не видела Шатеркина таким строгим, не замечала в его глазах такого горения. А что, если Николай прав, и они опоздают?..

Оба молчали. Шатеркина очень беспокоило неожиданное сообщение Кати. «В сейфе все оказалось на своем месте... Это несомненно новый фокус. Его надо разгадать как можно скорей».

Катя, задумчиво уткнувшись лицом в большой букет свежих цветов, с сожалением думала о том, что не вовремя завела деловой разговор. Она ведь шла сюда не для того, чтобы озадачить Николая новой неожиданностью, а чтобы побыть вместе, поговорить, хоть не надолго отвлечь его от нелегкого дела и наконец... Она вспомнила, что в ее сумке лежат билеты в кино. Как же теперь об этом сказать? Но в это время Николай подошел к ней и взял за руку.

— Знатоки говорят, что игра в молчанку не всегда действует успокаивающе.

— Если ты сегодня ночью не сумеешь заснуть, виновницей считай меня.

— Не беспокойся,— возразил Шатеркин.— Ночью я всегда крепко сплю. Даже на фронте свои шесть

часов, как правило, использовал полностью по назначению.

Они засмеялись. В комнату заползала приятная прохлада и аромат цветения. Перед окном от легкого дуновения свежего ветерка покачивалась сирень, тонко царапая стекло давно засохшей метелкой цветка; трепетно шелестели листья серебристого тополя, где-то в листве сердито загудел жук, покружился, стукнулся в открытую раму и улетел.

— Знаешь, через полчаса мы с тобой должны быть в кино,— спокойно глянув на часы, сказала Катя.

— В кино?!

— Да-да, дорогой товарищ капитан, не удивляйтесь, пожалуйста, мы должны быть в кинотеатре «Победа», сидеть в четырнадцатом ряду на двенадцатом и тринадцатом местах и смотреть венгерскую картину «Яника»,— сказала Катя тоном, не терпящим возражений.

Шатеркин развел руками.

— Что же, это, пожалуй, лучший способ для того чтобы пойти в кино,— сказал он примирительно...

Хотя до начала сеанса времени оставалось немного, Николай и Катя решили идти пешком. Они шли молча, но это молчание было столь приятно, что никто из них не хотел его нарушать. Катя сегодня была счастлива как никогда. В последние дни она много работала в институте, готовилась к экзаменам, а остальное время проводила в архиве, не высыпалась, очень уставала. Но сейчас усталости не чувствовалось.

— А как твои экзамены?— неожиданно спросил Николай.

— Подвигаются, и очень быстро, прямо-таки со скоростью звука,— отшутилась она.

— Нет, серьезно?

— Сергей Владимирович вчера предупредил всех: «Держитесь, друзья мои, пощады не будет».

— Перспектива незавидная. Может быть, тебе...

Катя не дала ему договорить:

— Никаких «может быть». Я обязательно должна закончить эту работу...

Они опять замолчали. Катя, наклонив набок голову и чуть касаясь ею сильного плеча Николая, по-детски смотрела, как вспыхивают на бульваре одна за другой электрические лампы. И только вспыхнули огни на ули-

цах, в витринах магазинов, на рекламах, как в саду грянул джаз.

Как ни хотел Шатеркин отвлечься от дела и забыть о нем хотя бы на этот вечер, не получалось. В сознании вертелся один и тот же вопрос: «Почему в сейфе все оказалось на месте? Ведь преступник лез туда не ради любопытства?» Временами Николай даже забывал, что идет рядом с Катей. «Вероятно, Керженеков попал в руки к опытному преступнику. Может быть, этот тип привез ему письмо от старого приятеля... Стал посещать Керженекова на службе, приглядываться к обстановке, к распорядку, к запорам, к железным ящикам... Потом прямо заговорил о том деле, которое его интересовало. Возможно, шантажировал... Керженеков в одном из сейфов отыскал, а может быть и показал нужный этому человеку предмет, но в последний момент одумался, понял, что совершает преступление. и решительно отказался отдать предмет. Однако он тут же, при нем, положил предмет в сейф № 27... Дальше все известно. Но что же это за предмет?» — Шатеркин взглянул на Катю и крепче прижал ее руку.

— Мы можем опоздать к началу сеанса, — тихо сказала она.

— Да, да, надо поспешить, — ответил Николай, продолжая думать о другом.

Когда они проходили мимо билетных касс, перед Шатеркиным проскочил мальчишка. Капитан не успел оглянуться, как он исчез в толпе. «Мог ли я ошибиться?.. Это, кажется, Толик, но зачем он появится здесь?.. Ребят на вечерние сеансы не пускают...» Он еще раз поглядел вокруг, но мальчишка пропал бесследно.

В зале скрипели кресла, хлопали откидные сидения, сустились в проходах билетеры, рассаживая по местам зрителей. Шатеркин едва успел оглядеться по сторонам, как свет погас.

Капитан снова подумал о мальчике. «Все-таки я, наверно, обознался... Почему бы он убежал от меня без оглядки?..»

А в это самое время в небольшом скверике, прилежавшем к кинотеатру, шел оживленный разговор между Мишей и Толиком.

— Точно говорю: видел... Самого дядю Колю видел, — торопливо и сбивчиво шептал Толик. — Только он

не один, а с какой-то девушкой. Она такая маленькая и шустренькая, как синичка.

— А почему же ты не сказал ему?

— Я побежал за тобой, чтоб посоветоваться.

— «Посоветоваться», — передразнил Миша. — Вот и проворонили. А может быть, знаешь?.. Может, он его убить собирается.

Толик, зябко поежившись, втянул в плечи хрупкую шею.

— Эх, Толька, Толька, не хватает у тебя пионерской смекалки в таком серьезном положении... Ты, наверно, растерялся, да?..

Толик, надувшись, хмурил лоб.

— Я хотел как лучше.

— Голова тебе дана не для одной шапки, надо же всегда момент учитывать... Кино все-таки, народу полно везде...

— Ну хватит... Давай лучше подумаем, что дальше делать, — с раздражением сказал Толик, не глядя на товарища.

— Давай будем думать, — согласился Миша. — Надо знаешь что?.. Надо как-нибудь сообщить дяде Коле, что тот человек находится здесь, в кино.

— А кто тебя пустит в зал во время сеанса?

— Кто пустит?.. Конечно, никто не пустит, — в раздумье сказал Миша. Они замолчали, сели на лавку. Такой безнадежностью повеяло на мальчишек от этого ими же придуманного плана, что они совсем растерялись.

— А если мы подождем его здесь? Кончится сеанс, подойдем и все расскажем?

Миша отрицательно затряс головой.

— Упустим.

— Трудное положение, — согласился Толик.

— Вот если записку написать, — напряженно думая, сказал Миша.

— Ну а дальше что?

— Попросить контролершу, а она передаст дяде Коле.

— А если она его не знает?

— Может быть, знает. Милицию ведь все контролеры хорошо знают.

— Он без формы, переоделся.

— Их все равно знают,— настаивал на своем Миша.— Ты попробуй, сходи и спроси ее... Скажи, что это твой родной дядя, и ты его ждешь, потому что один боишься домой идти, ты маленький...

— Ну уж да, маленький,— обидчиво возразил Толик.— Все бы такие маленькие были... Я скажу, что это мой старший брат.

— И так можно, согласен.

Миша сбегал в почтовый ларек, стоявший на противоположной стороне улицы, купил за две копейки листок почтовой бумаги и выпросил у продавца на пять минут карандаш. Тут же, возле ларька, пристроившись на каменной оgrade, он начеркал несколько неровных строчек, свернул лист бумаги так, как сворачивают в аптеке порошки, послунывил и крупными буквами написал: «Вручить немедленно товарищу капитану Шатеркину, который находится в кино». Подумал, еще раз прочитал адрес и дописал внизу: «Секретная». Потом поблагодарил продавца за карандаш и побежал к кинотеатру. Толик стоял у двери и уговаривал контролершу.

— Это мой самый лучший и любимый братишка... И вот я с ним обязательно должен встретиться по нашим семейным делам, тетя билетерша.

Женщина погрозила пальцем.

— Не хитри, малый... Хочется тебе в зал пробраться, вот и все.

— Честное слово, тетя,— умолял Толик.

— Не ври!— грубо оборвала женщина.— У Николая Ивановича никаких таких братишек, вроде тебя, нет и раньше не было, вот что... Я с ним пять лет по соседству живу, а «братишек», однако, не вижу.

Толик обомлел, по спине и голым ногам пробежал холодок. Вот это называется попал впросак! Но тут на выручку подоспел Миша и смело вмешался в разговор.

— Тетя, позвольте мне.

— Что здесь, профсоюзное собрание, что ли?— проворчала билетерша.

— Вы советский человек, да?— долго не раздумывая, выпалил Миша и уставился на женщину.

— Что ты насмехаешься, парень,— совсем рассердилась билетерша.

— Нисколько не насмехаюсь, тетя, а серьезно спрашиваю... и потому, что мы должны открыть вам большое секретное дело.

Билетерша всплеснула руками.

— Секретное дело! Может быть, ты тоже «братишка» Николая Ивановича?

— Нет... И он не братишка. Мы — пионеры и занимаемся одним очень важным делом, — с горячностью ответил Миша.

— Вот оно что... — уже по-другому, без подозрения, сказала женщина. — Ну, говори, что за дело?

Миша смело шагнул к ней и сказал:

— У нас есть записка товарищу Шатеркину, передадите?

Билетерша взглянула на большие электрические часы, висевшие на столбе, подошла к кассе, что-то отрывисто и быстро спросила и вернулась к ребятам.

— Попробую выполнить ваше пионерское задание.

Миша добыл из-за пазухи уже помятую записку, расправил ее на ладони и решительно протянул.

— Только, тетя, обязательно... И чтобы другие не знали, секретно.

— Можете не сомневаться, раз взялась, сделаю как полагается. Она скрылась за дверью. Ребята, постояв еще некоторое время, тоже ушли в сторону сквера.

После журнала в зале включили свет. И в этот момент Шатеркин увидел возле себя соседку Машу, которая, незаметно сунув в его руку бумажку, прошла по ряду, усаживая опоздавшего зрителя. Капитан вышел в фойе...

Бегло взглянув на листок почтовой бумаги, на крупные, немного подплывшие строчки, Шатеркин все понял.

«Так и есть, я не ошибся... Ох, уж эти мне сыщики-невидимки, — сердясь, подумал он, — испортят мне дело и тогда — разбирайся...»

Однако раздумывать было некогда. Шатеркин зашел в телефонную будку, оказавшуюся тут же, в кинотеатре, и вызвал Котельникова.

— Так вот, мы в кино... — сказал он в трубку, устало вздохнув. — Поняли?.. К сожалению, вы правы: пор-

тят помаленьку... Да-да, боюсь другого: как бы не кокнул он их... Конечно, и пожалуйста сейчас же, немедленно... Вы их найдете тут же, в скверике, и тотчас отправьте домой... Я выходить не буду... Вы убедительней, поймут, что они не одни... Да скажите им, так мол и так, спасибо большое, и прочее. Привет от меня. Капитан повесил трубку.

— Ну и дела... — с досадой прошептал он, утирая платком вспотевшее лицо. Затем, как можно незаметней и тише, прошел к своему месту и сел.

— Что-то случилось? — тихо спросила Катя.

Николай улыбнулся и нежно погладил девушке руку. Но обоим было теперь не до кино, в зале казалось жарко и душно.

Когда зажегся свет, капитан успел окинуть взглядом ближние ряды. В толпе он заметил высокую, плечистую фигуру блондина, подстриженного под ежик. Это было то лицо, которое видел Шатеркин на фотокартке.

Они вышли на улицу — капитан успел заметить своих и успокоился.

— Николай, что же произошло? — с тревогой спросила Катя.

— Ничего особенного, Катюша... Только и всего, что мы с тобой сидели в одном зале с преступником...

20. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КОТЕЛЬНИКОВ ТОРОПИТСЯ

У Шатеркина появилось знакомое чувство уверенности. Так бывало всегда, когда неясные, нечеткие

обстоятельства дела становились определенными, конкретными. Самым важным было то, что преступник, который до того был абстрактной фигурой, сейчас облекся в плоть, стал реальным человеком.

Теперь круг борьбы сокращался, становился все уже. И чем ближе была цель, тем больше выдержки и спокойствия проявлял капитан.

Иначе вел себя Котельников. Он никак не желал понимать, почему они медлят, не арестовывают этого молодчика, хотя доказательств вполне достаточно.

— Поймите, — убеждал его Шатеркин, — сейчас этого делать никак нельзя. Арестовав преступника, мы ничего, кроме вреда, не принесем делу.

— Но почему же?

— Сейчас открывается самая интересная страница в этом деле, — продолжал убеждать его Шатеркин, неторопливо прохаживаясь вдоль стены и постукивая по ладони линейкой. — Этот Вепринцев явился сюда не для того, чтобы убить архивариуса. Что ему архивариус! Безымянная пешка, случайная фигура на пути к цели. Кадры «Братства благочестивых колумбов», Алексей Романович, пополняются не за счет уличных бродяг и карманных воришек. И, конечно, прав полковник, когда говорит, что такой игрок по копейкам ходить не будет. А уж если он

залетел к нам, то, не сомневаюсь, на крупную приманку. Планы его нам не известны. Вот почему пока нельзя его брать, я полностью согласен с Михаилом Алексеевичем.

— А не улизнет он от нас?— усомнился Котельников.

— Если улизнет, значит мы с вами шляпы, законченные ротозеи. В таком случае с полным основанием нас следует прогнать из милиции, не уволить, а обязательно прогнать.

— Понял, товарищ капитан.

Шатеркин сел на свое место. Перед ним на столе по правую руку стоял настольный перекидной календарь, он показывал двадцать четвертое июля. Шатеркин нервно поморщился.

— Уже пять дней,— задумчиво и утомленно сказал он.— Как летит время, а?— Котельников кивнул головой. Шатеркин поглядел на него.

— Вам, Алексей Романович, теперь нужно поставить все дело таким образом, чтобы не выпускать преступника из поля нашего зрения,— заговорил капитан,— чтобы быть в курсе его намерений, это главное. Действуйте осторожно, обдуманно, но энергично и смело...

Старший лейтенант поднялся. И хотя он был в просторном штатском костюме, в его высокой подтянутой фигуре ощущалась строгая военная выправка, сильные руки его были опущены «по швам», он слушал указания Шатеркина, как боевой приказ.

— ...Для нас теперь все важно, все имеет значение...— продолжал Шатеркин.— Сегодня же надо детально выяснить, каковы были когда-то взаимоотношения между Керженековым и Вепринцевым Иваном Петровичем, что их сближало. Связями Онучина поинтересуйтесь— это тоже имеет свое значение в керженековском деле... Все ли вам ясно?

Котельников подумал минуту, вздохнул.

— Ясно, товарищ капитан.

— Тогда желаю успеха, действуйте. А я займусь другими вопросами.

21. КТО ТАКОЙ ЛУКАШКА?

Шатеркина давила гнетущая усталость, клонило ко сну. Он резко встряхнул плечами и сел прямо. Сегодня он пришел на службу на целый час раньше. Ночь спал плохо, беспокойно. В глаза лезли странные и нелепые сновидения: то он стремглав летел куда-то на мотоцикле вместе с Котельниковым, то за чашкой чая беседовал с Катей о древнеримском государственном праве, то мелькал перед ним нелепый и вызывающий «ежик» блондина, назойливо лез в глаза бычий наклон его головы. Шатеркин вскакивал с постели, нервно позевывал, нехотя шел пить, потом снова ложился, но только сон начинал сладко смежать глаза, как опять повторялось то же самое. «Вот чертовщина какая, — ворочаясь, думал Шатеркин. — Никогда раньше не страдал бессонницей и вот на тебе, появилась...» Так он и не уснул до утра.

Во время завтрака мать подозрительно поглядывала на сына, тяжело вздыхала.

— В отпуск-то собираешься нынче идти или нет?.. — спросила, наконец, она, сдерживая раздражение.

— Обязательно, мама. Только не сейчас, придется приурочить ко времени экзаменов в институте.

— Ох, уж опять эти экзамены, — махнула рукой Марфа Алексеевна. — Да когда же все-таки для себя-то жить будешь? Ведь две жизни тебе не дадут ни в институте, ни на службе — одна жизнь человеку дается, да и та короткая... То война ему мешала, а теперь и войны давным-давно нет, так он другую заботу для себя выдумал — институт.

— Ничего, мама, зря волнуешься, — мягко улыбнулся Николай, — мне и одной жизни хватит. И одну ее надо прожить не кое-как, а умело и с пользой.

— Вот-вот, и я о том же тебе толкую, — подхватила мать. — Ну, какая же от тебя польза? Живешь один: ни жены, ни детей — бобыль безродный... А ведь года идут, жениться бы надо.

Марфа Алексеевна подвязала потуже платок и принялась мыть посуду.

«Да, это правда: ни жены, ни детей... Ты права, мама... — подумал Шатеркин, превозмогая навалившуюся дремоту. — А голова какая-то пустая, как лежалая тыква...» В минуты физической усталости капитан обыч-

но прибегал к верному, быстро исцеляющему средству: спускался в нижний этаж дома и принимал холодный душ — усталость исчезала, мышцы наполнялись силой. Так сделал Шатеркин и сейчас, чтобы не «клевать». После душа он вернулся совсем другим, бодрым, полной энергии. Хотелось поскорее взяться за работу.

Но не успел он приступить к делу, как дверь распахнулась, и на пороге появилась Катя. За ней шел Михаил Архипович.

— Мы к вам, Николай Иванович,—улыбнулась Катя.

— На доклад и на консультацию,— солидно подтвердил Михаил Архипович и грузно уселся на предложенный стул.

— Я ждал вас по крайней мере завтра, во второй половине дня,— сказал Шатеркин, подавая стул Кате.

— Что вы, Николай Иванович, дорогой мой! — воскликнул инженер. — Да разве с таким хорошим юристом можно выдержать какие-нибудь плановые сроки? Ни под каким видом! — инженер кивнул в сторону Кати.

— Ревизия, наконец, закончена. Мы пришли сообщить о том, что при сверке документов в сейфе под номером восемнадцать обнаружена недостача одной папки.

— Каково содержание этой папки? — живо спросил Шатеркин.

— Вот, Михаил Архипович утверждает, что ничего интересного в ней не было,— тихо ответила Катя.

— Совершенно правильно,— подтвердил инженер. — В папке, занумерованной знаком ГЛ-1327, была собрана частная переписка о некоем Лукашке.

— Кто он такой?

— На этот вопрос, Николай Иванович, вам, пожалуй, никто теперь не ответит. Имя это его — Лукашка — или какое-нибудь хакасское прозвище, что у них часто бывало раньше, бог его знает. Прошло, однако, не меньше полутора десятков лет, как вся эта тайна была зарыта где-то в сибирской тайге. Он умер.

— По самому сейфу, расположению в нем папок и даже по старой пыли на полках видно, что эта папка была взята из сейфа несколько дней назад,— добавила Катя. Шатеркин нахмурился.

— В таком случае, Михаил Архипович, скажите, что могла содержать в себе эта, как вы говорите, частная переписка?..

Михаил Архипович, сделав неопределенную гримасу, развел руками.

— Папки нет, а человек умер... — он машинально погладил ладонью отполированную поверхность стола. — Спрашивал многих в нашем управлении — не знают. Говорят, что Лукашка был егерем у какого-то хозяина золотых земель. Вот и все.

— А где он жил последнее время?

— Никто ничего толком не знает, Николай Иванович.

— Может быть, у него остались родственники, дети?

— Может быть и остались, но кто же знает об этом?

— Н-да-а... хакас Лукашка... любопытно.

— Вот видите, Николай Иванович, мы нисколько не помогли вам, а подсунули еще одну головокружительную шараду, разбирайтесь, мол, как хотите, — сокрушенно сказал инженер.

— Нет, нет, — поторопился Шатеркин рассеять огорчение, — все это для нас очень важно, спасибо вам... Но сказать что-нибудь определенное — это потом, несколько позже.

— Ну конечно, это еще надо проверить, — подтвердила Катя, взглянув на старого инженера.

— Весьма благодарен за разъяснения, — ответил инженер, в шутку поклонившись. Он был искренне рад, что их работа хоть в малой мере оказалась полезной.

Шатеркин взглянул на часы, видно было, что он куда-то спешит.

— Что бы там ни было, прошу вас как можно быстрее составить акт на пропажу переписки об этом человеке...

— Вот видите, дорогой юрист, работы еще так много... Они распрощались и поспешно ушли.

22. ПРОФЕССОР ДАНИЛИН ВСПОМИНАЕТ ПРОШЛОЕ

Уединившись в дальнем углу читального зала институтской библиотеки, Катя разложила перед собой книги, но заниматься не хотелось. События последних дней заполняли ее мысли. И сейчас, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, она снова вспомнила Николая Шатеркина, чудаковатого старика Михаила Архиповича, стеллажи, громадные железные шкафы, забытые бумагами, тонкий и удушливый запах пыли в архивохранилище...

Катя взяла со стола журнал с потрепанными углами и машинально открыла его. Но беспокойные думы опять унесли ее далеко от тихого читального зала. Она хорошо знала Шатеркина и чутко подметила, что сегодня он не был обрадован сообщением Михаила Архиповича. «Видимо, это не то важное, что ищет Николай, не то...»

Она перекинула страницу журнала — открылась красочная, во весь лист литография «Утро в сосновом лесу». Легкое оживление охватило девушку. Со страниц журнала будто повеяло на нее глухим и задумчивым шумом сосен, потянуло запахом грибов и хвои. Ей кажется, что она явственно видит серебристые капли росы на тонких травинках, слышит взволнованный переклик невидимых птиц. «Вот это, должно быть, и есть настоящая сибирская тайга. Волшебная глухомань...» Катя опять вспомнила о своей работе в архиве, о Лукашке, и представилось ей, что где-то рядом, может быть, у подножья этой возвышенности, на которой радостно и беспечно играют пушистые косопалые медвежата, не спеша, с кошачьей мягкостью, шагает таежный следопыт Лукашка. У него зоркий охотничий глаз, твердая рука и безотказное верное ружье за плечами. Девушка так задумалась, что не услышала, как подошел профессор Данилин. Он через голову Кати заглянул в журнал, улыбнулся.

— Чудесная картина.

Катя вздрогнула, быстро подняла голову и, увидев Данилина, обрадованно воскликнула:

— Сергей Владимирович!

— Я говорю: чудесную картину сотворил Шишкин, — повторил Данилин. — И вы знаете, товарищ Пылаева, эта картина всегда вызывает во мне какое-то странное чувство неусидчивости, да-да, кроме шуток... Как взгляну на эту картину, рука невольно или к ружью или к удочкам тянется. А вы, кажется, грустите? Бывает и это, на некоторых она действует именно так.

— Я просто немного устала, отдыхаю здесь.

Профессор сочувственно покачал головой:

— Крепитесь, товарищ Пылаева, крепитесь. Уставать вам в настоящее время строго противопоказано. У вас экзамены и плюс работа в архиве этого горного заведения. Кстати, как идут дела с ревизией?

— Работа в архиве в основном закончена.

— Когда же вы успели?— удивился Данилин.— Молодцы. Ну, а каковы результаты?

— Трудно сказать, Сергей Владимирович,— ответила Катя нерешительно.

Почувствовав, что девушка чего-то не договаривает, профессор сказал:

— Ну-ка, пойдемте со мной. Сейчас вы будете мне докладывать так же обстоятельно, как вы бы докладывали капитану милиции Шатеркину. Вам, кажется, знакома эта фамилия?

Катя застенчиво улыбнулась.

Сергей Владимирович по-молодецки взял девушку под руку и повел ее из библиотеки.

Как только Катя, присев на диван в кабинете Сергея Владимировича, начала рассказывать, Данилин насто-рожился.

— Как вы сказали, товарищ Пылаева? Дело Лукашки?

— Да, именно так, Сергей Владимирович.

Профессор изо всех сил напрягал память.

— Лукашка... Лукашка... Что-то, кажется, знакомое, и очень давно.. — Данилин растирал ладонью висок, седые пряди волос путались в его пальцах.— Частная переписка по делу Лукашки... Ничего не могу припомнить... Вы говорите, что этот старичок-инженер тоже ничего не знает?

— Почти ничего. Он говорит, что в этой переписка, возможно, связана с открытием какого-то месторождения полезных ископаемых. Но это опять только предположение.

— Да-да, это только предположение, я вас понимаю... Лукашка... Интересное имя. Лу-ка-шка...

Вдруг на лице Сергея Владимировича появилось не то удивление, не то легкий испуг. Он вспомнил!..

Как давно это было... Молодой уральский рабочий Сергей Данилин тогда прямо из тифозного лазарета попал в партизанскую армию сибирского Чапаева — Петра Щетинкина. Больной, полуголодный, он кое-как плелся, изнемогая от тяжести солдатского снаряжения. В бой его еще не пускали. И вот однажды на него обратил внимание сам Щетинкин. Остановился против Данилина, посмотрел на него со всех сторон.

— Рабочий или хлебороб?

— Слесарь Демидовских заводов.

— А, черт! Говори наших, какие там Демидовские?—
прикрикнул Щетинкин.

— Конечно, теперь наши, а были ихние.

— Были когда-то... Грамотой владеешь?

— Письма родным сам пишу и читать читаю.

— Молодец, слесарь.— Щетинкин приценивающимся взглядом посмотрел на Данилина, поправил дубовую коробку тяжелого маузера.— А с юриспруденцией не знаком, не нюхал этой мудреной штуковины?

— Как не нюхал? Немного приходилось. В Екатеринбурге год по политическому делу сидел.

— Знакомство ничего, основательное. Стало быть, начинал с практики?

— Выходит, так.

Щетинкин постоял, подумал и, насупив брови, властно сказал:

— Ну вот что, слесарь, быть тебе отныне и начальником, и следователем, и тоже по политическим делам.

— Это как же так? — удивился Данилин.

— А вот так, как говорю и как слышишь,— тем же тоном сказал Щетинкин и, немного помолчав, добавил:—Только гляди в оба. Чтобы жалости к паразитам не было. Ступай, слесарь, принимайся за дело...

И он принялся. —

День и ночь Данилин копался в чужой отвратительной жизни: распутывал хитроумные сплетения белогвардейских заговоров, вылавливал дезертиров и саботажников, с небольшим подвижным отрядом прорывал вражеские засады и гасил пламя кулацких мятежей в тылу партизанской армии. Там, где появлялся его отряд, враги отступали, там на твердые ноги становилась советская власть. А он шел дальше. Вот уже прошли Ачинск, Ужур, проскакали через станцию Копьево. Впереди, по одну сторону, расстилались безбрежные хакасские степи, поросшие ковылем и горькой полынью, по другую поднимались горы и вековая глухая тайга; ей не было ни конца ни края. Отряд Данилина повернул в тайгу.

Орлиные просторы ковыльных степей сменились таежной глухоманью: встречались на пути редкие одинокие займки... Шли опасными звериными тропами; ледяные и бурные таежные реки неодолимыми препятствия-

ми возникали на пути отряда, но ничто не могло удержать его бойцов...

Однажды горнорабочие золотых приисков привели к нему коренастого широкоплечего хакаса.

— Вот, товарищ начальник, принимай гидру,— доложили они, развязывая пленнику руки.— А хозяин его, однако, удрал... Всю местность обыскали: нет, как сквозь землю прошел, окаинная сила.

Немолодой хмурый человек с черными глазами, блестящими в узких, миндалевидных прорезях, с редкой монгольской бородкой враждебно приглядывался к Данилину, в руках которого была теперь его свобода и жизнь.

— А вот его самопал, возьмите, может, для дела пригодится,— здоровый чернобородый горняк протянул Данилину тяжелую, с длинным граненым стволом «шомполку».— Палит, язва, здорسو, сам пытал.

Рабочие наперебой кричали:

— Чего об ружье толковать, ты дело докладывай.

— И это не безделица... Все по порядку надо.

— Смотри, парень, хозяин-то его не сявка какая-нибудь, а всех приисков золотых владелец. Так что ты его покрепче держи.

— Ого, он такой хитрющий, язва... Одно слово: Лукашка, плут и шаромыга...

— Да чего с ним зря черемониться, стукнуть по баклану — и делу конец.

— Знамо, стукнуть... Ихняя владенья закончилась...

— А он-то кто будет, буржуй, что ли, какой?— в недоумении спрашивал Данилин, едва сдерживая негодующую толпу.

— Он хозяйский охотник, можно сказать, персональный.

— Но ведь он же не хозяин, товарищи. Он такой же трудящийся, как и вы...

К столу протиснулся опять тот же чернобородый сутулый мужик и гаркнул:

— Такой, да не совсем. Он, язва, знает, куда хозяин прииска девался... Вот пушай и докладывает... Это мы его в залог тебе доставили, а ты разберись как полагается, ежели ты большевик настоящий, вот что...

Данилин приказал взять Лукашку под стражу...

Сергей Владимирович поднялся, подошел к окну, долго глядел поверх задернутой шторы на улицу.

— Вот и Лукашка появился на свет божий...— глухо сказал он.— Тридцать пять лет прошло, и встретились... Но кого же могла заинтересовать переписка, покрытая пылью десятилетий?.. Что она в себе содержит такое? Странно, странно... все очень странно.

Снова перед ним вырос таежный человек Лукашка, мохнатый, обтрепанный и кривоногий, словно только что вылезший из непролазной колючей чашобы, взгляд дикий, недоверчивый и в то же время жалкий. Таким он был, когда его привели к Данилину рабочие-старатели. Он все знал и ничего не говорил. Когда Данилин начал спрашивать, куда девался хозяин, Лукашка безмолвно мотал косматой, нечесаной головой или шарил по худым карманам до нельзя истерзанного армяка, выискивая табачные крошки.

Хотя Лукашка и молчал, как таежный камень, к Данилину каждый час поступали новые и новые сведения. Он уже знал, что хозяин прииска Дурасов убежал вместе с белыми, захватив свою семью и часть ценностей. Он также знал из сообщений рабочих, что Дурасов с помощью Лукашки закопал где-то в тайге большое количество золота, вовремя не отправленного с прииска. Но где это золото?

Данилин ничего не узнал от Лукашки. Возиться с ним не было времени. Армия стремительно шла вперед, очищая Сибирь от белых; каждый день наступления давал Данилину новые, не менее важные дела, которые требовали немедленного и энергичного расследования. И он приказал отпустить охотника. «Пусть себе зверя промышляет, чего же его держать? Хозяин его удрал, а золоти... Ведь никто этого золота не видел, одни догадки...»

Так и ушел Лукашка, не открыв таёжной тайны...

Профессор обернулся и увидел, что Катя с недоумением и испугом следит за ним.

— Простите, товарищ Пылаеза,— сказал он.— Мне надо как можно скорее увидеть Николая Ивановича. Кажется, я смогу помочь ему.

23. НЕОЖИДАННОЕ СООБЩЕНИЕ ОНУЧИНОЙ

В отделении милиции, которое находилось рядом с тюрьмой и куда Шатеркин приехал по вызову, его встретил дежурный и провел в отдельную комнату.

— Вот, эта самая гражданочка, товарищ капитан, которая...— осведомленно кивнув головой, сказал он.

На стуле, возле сены, сидела немолодая, просто одетая женщина. Шатеркин подошел к столу, молча сел. Женщина не обратила на него внимания, она даже не подняла головы, будто не слышала, что в комнату вошли люди. Видно было, что привело ее сюда большое неизбывное горе. Дежурный порывлся в куче тряпок, которые вытряхнул из обыкновенной базарной сумки и подал Шатеркину туго скатанный папиросный мундштук.

— Из тюрьмы, нелегальное сообщение с волсь ..

Капитан кивнул головой, давая понять дежурному, что он больше не нуждается в его помощи. Когда дежурный вышел, Шатеркин бережно расправил пожел-

тевшую от табака бумажку, положил ее под тяжелый мраморный пресс.

— Что вы можете сказать?— спросил он закуривая.

Женщина, тяжело вздохнув, подняла голову. Глаза ее, опухшие от слез, были настороженно пугливы, недоверчивы; из-под старенького платка выбивались на морщинистый лоб нечесанные, с густой проседью волосы; на ногах были простые брезентовые туфли на резиновой подошве. Она неловко поднялась и громко всхлипнула.

— Ничего я не могу вам сказать, товарищ...

— Сидите, пожалуйста, и успокойтесь, сейчас разберемся.

Шатеркин взял паспорт, оставленный дежурным, и, раскрыв его, с удивлением поглядел на женщину. Перед ним сидела мать Романа Онучина. Уставшая от горя и постоянной тревоги, рано состарившаяся, она, казалось, ко всему утратила интерес и на все теперь смотрела с холодным безразличием. Капитан на минуту представил себе ее сына, подумал: как непохожи друг на друга эти два родных человека.

— Онучина Акусья Федоровна?

— Да-да, товарищ начальник, Онучина,— торопливо ответила женщина, встрепенувшись.

— Чем же вы занимаетесь?

— Можно сказать, ничем, так, что попадет... Я инвалид, пенсию получаю, вот и живу...

— Инвалид труда?

— Где уж там,— махнув рукой, печально проговорила Онучина.— Когда-то была учительницей в деревне, когда-то... Война мне всю жизнь исколечила — германские концлагери, постоянный страх, голод... Да что говорить. Сама себе не рада...

— И когда вы вернулись на родину?

— Второй год пошел.

Онучина поглядела на Шатеркина вопросительно. Что же преступного, если мать принесла в тюрьму передачу своему непутевому сыну? Как бы ни был он плох, как бы больно ни досаждал ей — не может она отказать от него.

Она передала в окно продуктовую передачу для сына и долго стояла, чтобы получить обратно пустую сумку. К ней подходили такие же несчастные, как она, женщины, заговаривали с ней, но она не отвечала им,

думала о своем единственном сыне, о том сыне, с которым прошла через многие лишения и который снова попал в тюрьму. Потом ей вынесли сумку, и она пошла. Но в проходной ее остановил надзиратель, осмотрел сумку, узелок белья, который в ней оказался, и нашел закопченный окурок, свернутый в трубочку — записку...

— Второй год,— задумчиво повторил Шатеркин, морщась от дыма.

Онучина часто заморгала глазами и вдруг заплакала, тихо и молча. Потом она, глубоко вздохнув, заговорила:

— Это все там. Там изувечили моего Ромку, и вот он теперь не человек, паразит...— Она вытерла влажным платком глаза.— При немцах он маленьким был, рылся в помойках, искал отбросы, чтобы набить желудок. А стал больше — попал к американцам, научился воровать... И вот теперь он вечный вор... Мне страшно об этом подумать, стыдно от людей...

— Да-а, все это очень печально,— с некоторым сочувствием заговорил Шатеркин,— но ведь и вы в какой-то мере виноваты в том, что ваш сын до сих пор не бросил этого преступного занятия.

— Его тюрьма не может исправить, а что же я могу сделать?!— с гневом крикнула Онучина.

— Да хотя бы не брать на себя вот такого рода посредничества,— ответил Шатеркин, показав Онучиной папиросный мундштук, густо исписанный химическим карандашом.— Зачем вы это делаете?

Онучина смутилась, на глазах опять заблестели слезы.

— Конечно, конечно, товарищ начальник... Я не должна этого делать, не должна... Но я все-таки делаю, и не первый раз...

— Делаете для того, чтобы угодить сыну,— сказал капитан.— Вероятно, вы немного боитесь его, все прощаете ему, ни в чем не перечите. Сын-то ваш может ведь быть еще хорошим гражданином.

— Я уже не могу его исправить, а тюрьма, если она его берет, обязана это сделать... Да, во многом и я виновата, во многом...— Глубокая печаль звучала в словах Онучиной. Она, видимо, не обманывала, не хитрила, а говорила правду, к которой ее постепенно привела сама жизнь.

— Как я вас понял, вы уже не первый раз получаете такие записки от сына и передаете их по назначению?— улучив подходящий момент, спросил Шатеркин.

— Не первый... Еще одна была.

Шатеркин сквозь облачко папиросного дыма поглядел на Онучину.

— А кому вы должны доставлять эти записки?

— Есть тут один... Стриж...— нетвердо проговорила Онучина.— Из амнистированных он, такой же грехопут...

Шатеркин вытащил записку из-под пресса, протянул ее Онучиной.

— Прочтите... Ну, что скажете?

— Вероятно, милиция, а может быть и кто-то другой заинтересовался «Стариком». Ромка предупреждает об этом Стрижа. Тот предупредит «Старика»... Скажет, что ему здесь «не климат». Но вот что такое «маслины»¹ — убей не знаю... Откуда у меня взялись маслины, чего он пишет?

Шатеркин рассмеялся.

— Он знает, о чем пишет, ошибки тут нет. А теперь скажите, о каком «Старике» идет речь?

Онучина вздохнула, поправила на коленях складки серого платья, задумчиво поглядела в единственное окно, слегка запорошенное золотистой пылью.

— Неприятный такой человек, но сильный, влиятельный... Зовут его Иваном Петровичем, а больше я о нем ничего не знаю.

— Где он живет?

— Не знаю. У таких людей нигде нет постоянного жительства.

— Хорошо. Содержание первой записки помните?

— Там ничего особенного не было...— печально вздохнула Онучина.— Дела, дескать, идут хорошо, сел один, по глупому делу, скоро суд...

— Н-да...

Шатеркин старался держать себя спокойно, не выдать досады, которая все больше начинала овладевать им. Теперь он ясно понимал, что дело Романа Онучина — результат легкомысленного озорного поступка лишь одного из участников шайки, попавшегося на ме-

¹ М а с л и н ы (жаргон) — патроны.

лочи, дело, которое было проведено неглубоко, поспешно.

— Однако вы так смело рассказываете и не боитесь...

— Нет-нет, товарищ начальник,— перебила Онучина.— Эти самые «стрижи», «старик» отняли у меня сына и, может быть, на всю жизнь оставили меня несчастной и одинокой. Этого нельзя простить... А потом их уже, наверно, нет в городе; да, пожалуй, нет.

— Как нет в городе?! — сорвалось у Шатеркина. Он поднялся.— Чего же вы сразу об этом не сказали?

— Я не знала, что вас это так заинтересует,— растерянно пробормотала женщина.

— Да, да, это правильно,— осекся Шатеркин.— Вы этого не могли знать...

— Они устроились на работу в какую-то геологоразведочную партию, и оба должны были уехать в Сибирь.

Должно быть, Онучина сказала все, что знала, и сказала, пожалуй, не потому, что очень хотела помочь милиции распутать преступный клубок,— она могла сделать это гораздо раньше, чем попала сюда,— а потому, что в ее истерзанном сердце больше не было места, оно переполнилось от горя и постоянного страха.

— Значит, в Сибирь...— в раздумье повторил Шатеркин.

Он думал теперь о том, не совершил ли он ошибку, до сих пор не задержав этого человека.

24. ТАИНА ОДНОГО КЛАДА

Сергей Владимирович на этот раз отправился к капитану Шатеркину без предварительного звонка по телефону. Вошел как всегда шумно, суетливо и уже в дверях крикнул:

— Извините, извините, Николай Иванович, за столь беспардонное вторжение. Здравствуйте!

— Здравия желаю, Сергей Владимирович! — удивленный столь неожиданным появлением Данилина, поднялся навстречу Шатеркину.— Всегда рад вас видеть.

— Спасибо на добром слове. Спасибо...

Данилин сел, отдышался от быстрой ходьбы.

— Удивляетесь?..

— Да нет же, Сергей Владимирович!

— Пожалуй, не скоро бы я пришел к вам,— заговорил Данилин.— Очень не скоро, если бы сегодня не встретил студентку Пылаеву...

Шатеркин насторожился.

— Вы понимаете?.. Нет, вы ничего не знаете... Я все бросил... бросил и прибежал сюда. Именно прибежал.

Данилин торопливо подвинулся вместе со стулом к столу, за которым сидел Шатеркин.

— И в чем же дело, Сергей Владимирович?— как можно мягче спросил Шатеркин.

Профессор взглянул на дверь, отодвинул в сторону стоявшие перед ним настольные часы, будто они мешали ему своим однообразным унылым тиканием, задумался на одно мгновение и поднял глаза на Шатеркина.

— Вы, конечно, знаете результаты ревизии архива?

— Да, знаю.

— Очень хорошо. Но вы никак не можете предполагать, что дело этого злополучного Лукашки — мое первое следственное дело, если его можно так назвать.

— Ваше следственное дело?!

— Да, и, к сожалению, как всякий первый блин, оно прошло неудачно, комом...— Данилин сокрушенно покачал головой.— И вот теперь-то, Николай Иванович, я могу с полной ответственностью сказать, что эта так называемая «частная переписка» похищена не случайно. Да, да, вы не перебивайте меня вопросами, я расскажу все, что вас интересует. Этот Лукашка и сейчас стоит у меня перед глазами.

Данилин машинально взял стакан, отпил два коротких глотка воды, затем, откинувшись на спинку стула, продолжал:

— Помню, сижу я с этим дитем тайги в просторной сибирской избе, спрашиваю его, а он молчит как камень.

— Ты, спрашиваю, не глуховат?— Молчит. Поглядывает на меня раскосыми хитрыми глазами и молчит.— Спрашиваю его: медведей бьешь?

— Бывает, попадается.

— А соболей как, добываешь?

— Бывает...

— Тайменей и хариусов, навёрно, много ловишь?

— Бывает, однако, имаем мало-мало.

— А куда всю добычу сбываешь?

— Немного кушаем, немного, бывает, продаем...

— И все «бывает, бывает, бывает». Отвечает, а сам, шельма, о другом думает, сверлит меня глазами, неужели, дескать, весь разговор будет о соболях и тайменях идти!

— А скажи, пожалуйста, почему ты с белыми хотел удрать?— начинаю подходить ближе к делу и в упор гляжу на него.

— Не знаем.

— А кто должен знать?

— Не знаем.

— Хозяин твой куда девался? Куда Дурасов ушел?

— Ничего не знаем, комиссар-начальник.

— Когда ты с ним последний раз встречался?

— Однако тоже не знаем.

— А ты вот что, Лукашка, перестань валять дурака и рассказывай, куда вы с хозяином золото упрятали?

Молчит и даже будто удивляется, как это можно с таким хозяином, как Дурасов, запрятать куда-то золото? Он, мол, ничего этого не знает, впервые слышит. Вот так мы с ним и беседовали. Хозяин прииска Дурасов так надрессировал этого медведя, что он тогда, кроме него, никого не признавал, был предан ему, как добрый охотничий пес. Лет двадцать, а может быть и того больше, Дурасов и Лукашка колесили по присаянской тайге. И, видимо, уж не столько их интересовали маралы и соболи, сколько золотиносные ключи и скрытые в скалистых горах жилы.

Данилин все больше увлекался рассказом, давно минувшие дни становились ближе, яснее.

— Об охотничьем мастерстве этих зверобоев в то время слагались удивительные легенды,— продолжал он.— О Лукашке и говорить не приходится— это прирожденный следопыт, но и Дурасов, по рассказам, стрелял с отменной точностью. Когда хозяин и его егерь задерживались на главном стане— так назывался присиковый поселок,— жители ежедневно были свидетелями такой сцены. Утром Лукашка с большой трубкой в зубах выходил из своей избы— она стояла против дома хозяина,— и только он появлялся у ворот, как с балкона двухэтажного дома раздавался выстрел. В зубах у Лукашки оставался длинный расщепленный чу-

бук, трубки как не бывало! Дурасов быстро спускался с балкона и шел ему навстречу. «Ну как, жив-здоров, зимогор?»—«Нишево, живем мало-мало...» Хозяин посмеивался, лез в карман и кидал в руки Лукашке серебряный целковый и новую трубку. Ну, уж коль я заговорил о Дурасове, надо несколько подробнее осветить эту, так сказать, историческую фигуру. Много я встречал в те горячие годы всяких хозяев. Попадались среди них и худые и добрые, и большие мошенники и малые, но такой канальи не встречал. Захотелось ему как-то по дешевке кое-какие машины в тайгу завезти, прииски механизировать. Что, вы думаете, он сделал? Опубликовал в английской промышленной газете объявление о том, что он — владелец золотоносных приисков в Сибири — продает по сходной цене принадлежащее ему месторождение. В ту пору вокруг сибирского золота разыгрывалась такая же лихорадка, как на престо-вутом Клондайке. Сейчас же нашлись покупатели и приехали осматривать золотую землю. Но прежде чем повести предприимчивых английских дельцов на месторождение, Дурасов послал туда все того же Лукашку и вручил ему два десятка патронов двенадцатого калибра, заряженных не дробью, а золотым песком.

— Какой хитрец! — воскликнул Шатеркин.

— Лукашка понимал своего хозяина с полуслова, — продолжал Сергей Владимирович, — он добросовестно расстрелял куда следует эти заряды, а когда хозяин и покупатели приехали на место, гостелюбивый егерь встретил их по русскому обычаю — с хлебом и солью, угостил с дороги рябчиками, поджаренными на вертеле. Проголодавшиеся англичане, говорят, с отменным аппетитом уплетали Лукашкиных рябчиков, не подозревая никакого подвоха. После сытной еды и отдыха начали торговаться. Дурасов заломил такую цену за месторождение, что англичане сразу опешили и чуть было не на попятную. «Да знаете ли вы, что покупаете?! — начал выходить из себя хозяин. — Тут, дорогие господа, лежат миллионы и миллионы фунтов стерлингов! Возьмите пробу!

Пришли рабочие, стали копать. Где ни возьмут пробу, там и золото. Загорелись у покупателей глазки, затрясло их. Поторговались еще немного — и то больше для приличия — да по рукам.

Через полгода этот прииск гремел по всей южной тайге. Англичане называли его «Божьим даром». И пошли в тайгу машины, материалы, из деревень потянулся народ на хорошие заработки.

Дурасов и Лукашка поглядывали на все это с усмешечкой.

А когда все машины завезли на месторождение, установили, пустили в ход, золота и не оказалось. Вот тебе и «Божий дар!» С яичницей, как принято говорить. Прогорели бедные англичане на «Божьем даре», так прогорели, что еле живыми из тайги выбрались. Народ поднялся: заработка нет, начались забастовки. Англичане побросали все — и давай бог ноги. А Дурасов только этого и ждал. Расчеты его были очень просты: все оборудование и материалы, с таким трудом завезенные англичанами, остались ему за бросовую цену. И золото он нашел, только не в этой горе, а рядом... Богатейшее месторождение! Надо полагать, что все это было известно ему раньше. Рекой потекло золото в карманы Дурасову...

Шатеркин молчал. Живое воображение рисовало перед ним по-своему хитрого, но зачумленного безысходной темнотой Лукашку, до безумия преданного хищнику Дурасову, волшебную в своей красоте и богатстве тайгу, и хотя он чувствовал, что рассказ профессора уводит их от конкретного дела в сторону, но не решался помещать ему. Теперь история с похищением этой загадочной папки прояснялась.

— Вот так...— Сергей Владимирович задумчиво взглянул на Шатеркина.— Я, кажется, все больше уклоняюсь от главного...

— Нет-нет, я слушаю вас с большим удовольствием,— быстро ответил Шатеркин,— все это очень интересно.

— Без экскурса в эту грустную историю не обойтись. Хотя, надо полагать, эта так называемая «частная переписка» была не о трогательной любви хозяина и работника и не об их охотничьих похождениях... Говорили, что Дурасов с помощью Лукашки упрятал где-то в тайге ни много ни мало — пятьдесят шесть пудов золота.

— Пятьдесят шесть пудов?!— изумленно повторил Шатеркин.

— Вот об этом золотом деле, должно быть, когда-то и велась переписка. Теперь вы что-нибудь понимаете?

— Очень интере-е-сно,— проговорил Шатеркин.—Такая куча золота... Так вот зачем им нужна поездка в Сибирь... Вот для какой цели они устроились на работу в геологоразведку.

— Да, батенька мой,— угрюмо сказал Данилин.— Но я так и не смог найти тропинки к этому золоту, не смог.

Сергей Владимирович умолк и задумался. За стеной неутомимо постукивала машинка, на столе по-прежнему тикали часы...

— Этим соблазнительным и необыкновенным кладом тогда интересовались многие,— снова заговорил он.— Находились такие старатели, которые прямо начинали копать в старых выработках, в заброшенных шурфах и даже в отвалах — хотели под шумок воспользоваться золотишком. Но были и другие — эти писали заявления, писали всем: ревкомам, исполнительным комитетам, в партийные ячейки, вплоть до реввоенсовета республики. Горная инспекция много потратила труда и времени на проверку заявлений, но золота, кажется, так и не нашла. Вот, вероятно, вся эта переписка или какая-то часть ее и составила ту самую папку, которой теперь недостает в архиве. Однако утверждать этого я не могу, это только мое предположение.

— А что было слышно о Дурасове?— спросил Шатеркин.

— Ушел с белыми и не возвратился... Да ему и нельзя было возвращаться, уж больно худая слава о нем по тайге шла.

— Да... вот так Лукашка...— в раздумье произнес Шатеркин.— А может быть, остались родственники?

Данилин сосредоточенно поводил седыми хохолками бровей.

— Родственники?.. Вопрос важный... Был у него, кажется, один внучонок, если мне не изменяет память. Но кто же его теперь найдет? Да он, если и жив, пожалуй и сам не знает, что доводится родственником знаменитому следопыту. Времени прошло много...

Капитан вдруг вспомнил, что через несколько минут его будет ждать старший лейтенант Котельников.

Данилин заметил беспокойство Шатеркина и поторопился свернуть беседу.

— Видите, задержал я вас...— сказал он, поднимаясь с места.

— Большое спасибо, Сергей Владимирович.

— Может быть, вам удастся сделать то, что полагалось сделать мне тридцать пять лет назад. Желая удачи, товарищ капитан!

А час спустя капитан Шатеркин доложил полковнику Павлову о своей беседе с Онучиной и профессором Данилиным.

25. ОШИБКА КОТЕЛЬНИКОВА. ШАТЕРКИН ПОЛУЧАЕТ НОВОЕ ЗАДАНИЕ

В двадцать ноль-ноль капитана Шатеркина с квартиры срочно вызвал к себе полковник Павлов.

Был теплый приятный вечер. Шатеркин шел быстро. Он надеялся, что полковник не задержит его надолго. Сегодня в двадцать один час он должен встретиться в парке у павильона «Эскимо» с Катей.

В приемной капитана встретил дежурный и сообщил, что полковник пока не вернулся.

— А разве он уже был здесь?— спросил Шатеркин.

— Так точно, он выехал несколько минут тому назад.

— Куда же он мог выехать?.. На происшествие?

— Это мне неизвестно, товарищ капитан,— ответил дежурный, усаживаясь на свое место и давая этим понять, что другого он ничего сказать не может.

Шатеркин подошел к раскрытому окну. У подоконника игриво трепетала вершинка серебристого тополя. Прислушиваясь к ласкающему шуму листвы, Шатеркин опять вспомнил рассказ Данилина и подумал: «Вот оно, золотое дно... Как-то странно представить себе столько золота...» Он поглядел в туманную даль города, погруженную в вечернюю дымку. «Золото... Золото... Золото...» Он повторял это слово, может быть, для того, чтобы понять всю скрытую темную силу его, понять и осмыслить как предмет, за который в мире пролилось так много человеческой крови. Но как ни повторял он это слово, как ни вслушивался в его магическое зву-

чание, он не чувствовал в себе никакого волнения. Давно знал он школьную истину, что золото — цветной металл, один из элементов периодической системы Менделеева, и стоит он в этой так знакомой системе в первой группе, в шестом периоде, в девятом ряду. Но мысль о золоте, которое почиталось всемогущим, как бог, и несправедливым, как дьявол, — эта мысль была чужда ему.

«Да... встреча, кажется, сегодня не состоится, — с тоской подумал Шатеркин, взглянув на часы. — Я даже предупредить не сумею».

Но вот скрипнула внизу лестница, послышались твердые уверенные шаги. Дежурный стремительно шагнул навстречу, но доклад не состоялся. Полковник был чем-то заметно взволнован.

— Хорошо, что вы здесь, капитан, — сухо сказал он, открывая дверь кабинета. — Наверно, давно ждете?.. Прошу извинить... Проходите к столу, садитесь... Вот так...

Молча постоял Павлов возле вешалки, зачесывая волосы, подошел к столику, налил стакан воды из большого розового графина. Шатеркину казалось, что пьет он слишком долго и много, но вот полковник поставил стакан и, направляясь к столу, сказал:

— Час тому назад на восточном тракте, в районе табачной фабрики в бессознательном состоянии подобран старший лейтенант Котельников.

Шатеркин вскочил со стула.

— Неужели на мотоцикле разбился?

— Нет, он не разбился, — ответил Павлов.

— Не разбился?.. — Голос капитана сразу стал тихим и неуверенным. Он сел на стул, ни о чем больше не спрашивая.

— Да, он не разбился... — строго продолжал Павлов, — он находится в хирургическом отделении госпиталя и, должно быть, через два-три дня будет на службе... я только что от него. Все, кажется, обошлось.

Шатеркин был потрясен. Ведь прошло всего только два часа с тех пор, как он встречался с Котельниковым в отделении милиции, которое находилось в районе табачной фабрики. И вдруг Котельников оказывается в больнице. Что же случилось?

Михаил Алексеевич грузно опустился в кресло.

— Так мы расплачиваемся за свое легкомыслие и ошибки,— сказал он вздохнув.

— Опять погорячился?

— Видимо, так... Когда Котельников уже в госпитале пришел в сознание и увидел меня, он зарыдал тяжело и горько от слепой беспомощной злобы... Спросил чуть слышно: «Ушел он, товарищ полковник?..»— и опять погрузился в беспамятство...

Михаил Алексеевич сидел в пол-оборота к письменному столу, говорил уже спокойно, медленно и глядел не в кабинет, а куда-то в большое открытое окно, в непроглядно черную ночь.

А дело было так. Вепринцев, обеспокоенный мыслью, что им кто-то заинтересовался, стал более внимательным и настороженным. И вдруг он заметил оперативно-го работника уголовного розыска. Котельникову следовало сейчас же изменить тактику или, наконец, вовсе выйти из поля зрения преступника, передав наблюдение за ним другому работнику, но он подумал, что его никто не видит, что все идет как нельзя лучше и теперь ему осталось только довести свой план до конца. Тогда Вепринцев, ловко воспользовавшись движением транспорта по восточному тракту, вскочил на ходу в автобус, который шел в сторону пригородного совхоза, а Ефимка Стриж сел в другой автобус, шедший к центру. Котельников на какое-то мгновение растерялся. Потом он бросился за тем автобусом, на котором уехал Вепринцев, обогнал его, оставил автоинспектору свой мотоцикл, а сам — на автобусную остановку. И только он успел прыгнуть на подножку, страшной силы удар в грудь отбросил его на мостовую. Вот вам и конец этой печальной истории...— грустно вздохнув, закончил полковник и, чуть сутулясь, подошел к окну.

Павлов всегда относился к такого рода происшествиям с мужественным спокойствием, так же, как боевой командир относится к потерям в строю. Он знал, что когда работник четко усвоил задачу, когда он хорошо знает свой маневр, происшествия — явление весьма редкое. И если в боевых действиях людские потери неотвратимы, то в борьбе с преступными элементами они хотя и не могут быть исключены вовсе, но должны быть сведены до минимума. Он знал из личного опыта, что в единоборстве с преступником решающим фактором яв-

ляется не физическая сила работника и его оружие, хотя необходимо и то и другое, а тонкая и смелая тактика его, разумный и холодный расчет. У старшего лейтенанта не хватило выдержки, и он дорого заплатился. Теперь надо сделать все, чтобы Котельников как можно скорее встал на ноги.

Шатеркин поднялся.

— Разрешите, Михаил Алексеевич, мне сейчас же побывать у него?— спросил он, отодвинув стул.

— Вы мне нужны,— коротко сказал Павлов.— В госпиталь сходите позже.

Он подошел к географической карте, висевшей на стене, и надолго задержался возле нее. Шатеркин стоял у стола в ожидании указаний.

— Сегодня поступила интересная справка,— отвлекаясь от карты, заговорил полковник.— Из нее видно, что Вепринцев Иван Петрович является тем самым лицом, с которым нам приходится иметь дело. Вот так... не придерешься, с формальной стороны все в порядке, и документы в кармане...

Шатеркин недовольно нахмурился. «Неужели и здесь ошибка?» Полковник угадал его настроение, успокоил:

— Не отчаивайтесь, Николай Иванович, все пока впереди.

— Да, но меня заинтересовало это...

— Вполне понятно,— перебил полковник.— У нас есть и другая справка, справка о настоящем Вепринцеве Иване Петровиче, о том самом, который до ухода на фронт работал шофером в ресторане и который проживал со своей семьей по Московской улице в доме № 27. Вот этот-то Иван Петрович до сих пор к своей семье не вернулся. В декабре прошлого года он был в американском лагере так называемых «перемещенных лиц» в Мюнхене. Известно, что он много раз обращался к администрации лагеря, в различные учреждения, которые занимаются репатриацией, и настоятельно просил отправить его на родину, к семье. Но... не все просьбы там выполняются...

В дальнем от стола углу ожили старые большие часы; молоточек отстукал десять глухих и мерных ударов. «Так я и не предупредил Катю, чтобы она не ждала...»—

на какой-то момент вспомнил Шатеркин и опять прислушался к спокойному ровному голосу полковника.

— А после декабря?..

— А вот после декабря он куда-то исчез,— ответил полковник.— В этом лагере его больше никто не видел.

— Очевидно, увезли в Америку.

— Вряд ли! Они скорее всего нашли ему подходящее местечко где-нибудь на европейском кладбище. И таким образом на европейской земле появится еще одна могила неизвестного солдата...

Полковник взял под руку капитана и подвел его к большому дивану, затянутому парусиновым чехлом. Они сели. Удобно устроившись на широком диване, полковник поглядел в глаза капитану и спросил:

— Итак, Николай Иванович, мы подошли к финишу. Что будем делать дальше?

— Мое мнение — брать,— немного подумав, ответил Шатеркин.— Сейчас же, без промедления арестовать Вепринцева, Стрижа, привлечь по этому делу Онучина и начинать следствие.

— Пожалуй, правильно,— согласился Павлов.— И Котельников такого же мнения. Я, признаться, тоже не против: доказательств собрано немало и преступнику пока еще не удалось совсем скрыться...— Михаил Алексеевич помолчал, задумчиво потер виски и опять вопросительно поглядел на Шатеркина.— А если все-таки на некоторое время воздержаться от ареста?

— Не понимаю вас товарищ полковник.

— Не понимаете?— улыбнулся Павлов.— Придется объяснить. Из того, что нам удалось собрать, видна конечная цель преступления. Вепринцев ищет золотые клады Дурасова, не так ли?

— Но ведь их уже нет, Михаил Алексеевич,— с удивлением сказал Шатеркин.

— Да, я сам проверял сведения профессора Данилина и получил справку из Комитета Госбезопасности о том, что золото, запрятанное Дурасовым и Лукашкой, разыскано еще в 1927 году и передано в государственное хранилище. Все это правда.— Павлов сделал небольшую паузу, шлепнул широкими ладонями по коленкам и оживленно продолжал:— Есть другие обстоятельства, которые нельзя не учитывать. Надо полагать, что

Вепринцев, прежде чем убрать со своей дороги Керже-некова, вытянул из него все, что тот мог знать о Лукашке, что мог слышать о кладах. Потом он завладел этой «частной перепиской». Он не глупый человек и не мог наивно думать, что в этих старых бумагах указано местонахождение золотого клада. Они понадобились ему для того, чтобы не рисковать понапрасну, преступники такого масштаба не любят пустых увлечений, они обычно идут наверняка. Вепринцеву перед выходом в такое далекое и полное риска путешествие необходимо было откорректировать свою карту, уточнить координаты, которыми могли его снабдить там... Ну вот, когда он все это сделал, нашел надежных сообщников, он поступил на работу, как сообщила вам Онучина, и теперь срочно собирается в Сибирь.

Шатеркин с интересом слушал полковника.

— В Сибирь Вепринцев отправляется не на экскурсию, Николай Иванович, а чтобы завладеть кладом. Кто сейчас может сказать, что все золото, которое раскидал по тайге Дурасов, нашли? Никто. Свидетелей нет. И если мы разумно поступим, может быть, и на нашу долю придется кусочек Дурасовского наследства, а?

— Это было бы совсем неплохо,— оживленно воскликнул Шатеркин.

— Вот и я так думаю,— усмехнулся Павлов.— Если сейчас арестовать Вепринцева, мы даже не сумеем до конца проверить, насколько основательны эти предположения.

Павлов откинулся на спинку дивана, на минуту устало закрыл глаза.

— Да-а, будем считать, что Вепринцев уже выехал,— снова заговорил он.— в городе ему больше нечего делать...

Шатеркин кивнул головой.

— По нашим сведениям, он до последнего времени не был уверен, что на его след напала милиция. Однако игра наша кончилась, теперь он, к сожалению, знает, что уголовный розыск занимается им. Костельников не только ускорил развязку, но и поставил нас перед необходимостью сейчас же пересмотреть все наши действия...

Полковник легко и быстро поднялся с дивана и снова подошел к карте. Несколько минут он задумчиво вгля-

дывался в тонкие очертания рельефа, в мелкие надписи населенных пунктов.

— Примерно здесь находится это сибирское село, — показал он линейкой. — Далековато, но... Кстати, вы хорошо изучили парикмахера Тагильцева?

— Мне кажется, что это честный и порядочный человек, на которого можно положиться.

— Вот и хорошо... — Михаил Алексеевич, постукивая по руке линейкой и глядя в лицо Шатеркину, сказал: — Я думаю, что с первым же самолетом нужно отправить его туда, на родину, а завтра утром и вам в путь-дорогу.

— В село Рыбаки? — удивился Шатеркин.

— Совершенно верно.

Павлов положил Шатеркину на плечо руку.

— Я позабочусь о том, чтобы местные органы милиции сегодня же были предупреждены о вашем вылете. А теперь нам необходимо серьезно поговорить о деталях...

26. УДИВИТЕЛЬНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Почтовый поезд нагонял расписание. Под колесами гремели стальные стрелки, переезды, тяжело грохотали железные мосты. Пассажиры как могли коротали время. Вепринцев, наклонив голову, упрямо и долго глядел на шашечную доску, тщательно обдумывая ход. Против него, сгорбившись, сидел Ефимка Стриж, худой и несуразно длинноногий, как застарелый опенок. Он отчаянно и нервно парировал, чтобы избежать поражения.

— О-о, ты знаменитый игрок!..

— Опять прошляпил, — сквозь зубы процедил Стриж.

Еще два-три решительных хода — и он, оказавшись в безвыходном положении, сдался.

— Все... Это будет пятое поражение, — вздохнул Стриж задышливо и хрипло и опять стал расставлять шашки.

— Оставь! Надоело. И в шестой раз проиграешь. — Вепринцев положил на шашечную доску свою большую волосатую руку, осыпанную бурыми веснушками.

— Все равно ведь нечего делать?

Вепринцев, не отвечая, отвернулся к окну. За вагоном в монотонном кружении бежала бескрайняя ковыльная степь, холмы, неглубокие распадки, заросшие шиповником, мелким березняком и черноталом. Вдалеке, а

местами у самой дорожной насыпи, бродили табуны скота, одинокие всадники-чабаны кое-где возвышались над курганами, словно былинные богатыри. Вглядываясь в эту безмятежно-унылую картину, Вепринцев хмурил редкие рыжеватые брови. Скучная степь, ленивые табуны, всадники — все это, кажется, он уже видел. Быть может, это чем-то напоминает далекий, очень далекий Техас, пыльную жаркую пустыню, поросшую колючками, отважных ковбоев на мустангах... Но где же знаменитые лассо? Нет и огромных карикатурных сомбреро на головах этих всадников, их тали не затянуты широкими старомодными ремнями, за поясами не торчат тяжелые пистолеты. Да, это не Техас!

Вепринцев весь ушел в воспоминания, он прислонился к стене и закрыл глаза. Трясти стало меньше. «Ушел, кажется, удачно и вовремя, — подумал он, вспомнив последние дни, проведенные в городе. — А теперь пусть даже величайший детектив мира возьмет в свои руки это дело, он не будет иметь удачи. Чисто сработано! А может быть, папка наведет на след?» — Он открыл глаза, поглядел, на плотно набитый рюкзак, презрительно взглянул на Стрижа, дремавшего на своем сидении, и снова зажмурился. «Это невозможно!.. Только дурак может подумать, что обыкновенному вору понадобится папка какого-то безнадежного старья. Добрый, хорошо воспитанный вор идет на ценности, на капитал... Разве могут его заинтересовать старые бумаги? Этот хлам скорее привлечет внимание легкомысленных шпионов, которые за гроши продают свою жизнь...»

И опять перед ним вырос огромный чужой город, прямые ровные улицы, скверы, оживленные бульвары. Вот первая встреча с Керженековым, короткий разговор, осторожное «прощупывание», туманные намеки. Потом опять встречи, они теперь носят все более конкретный характер. Снова уговоры, обещания, просьбы, угрозы... И тот конец, который не входил в планы Вепринцева...

Он опять взглянул на Стрижа, и крупные губы его презрительно шевельнулись. Если бы Стриж не дремал, он бы, наверно, услышал: «Эх ты, жалкий кусочник...» Вепринцев еще раз поглядел на серый пузатый рюкзак, на черную форменную фуражку с голубой окантовкой и блестящим значком геолога на околыше. На

вешалке, в такт движению поезда, покачивалась поношенная, но вполне опрятная форменная куртка. С Иваном Вепринцевым все было кончено, его больше не существовало. Теперь он уже не шофер Вепринцев, а младший геолог Павел Бусакин, и едет по делам геологической службы очень далеко, в Сибирь, в тайгу... Сегодня Бусакин, завтра Иванов. А вообще, не все ли равно, кем называться? Лишь бы иметь деньги и власть, остальное — сущие пустяки!

Однако Вепринцев все эти дни был неспокоен и зол, и чем быстрее шел поезд, приближаясь к неведомой станции, тем глубже вползала в душу тревога; временами дело, за которое он с такой энергией взялся, представлялось ему безнадежно пустым. Тогда он с сожалением вспоминал тот непутевый час, когда в одном чикагском притоне свела его нелегкая с плюгавеньким, пропившимся человечком. Подав холодную и неприятно сырую, как лягушка, руку, он гнусаво молвил: «М-мею честь представить: Леонид Дурасов!» Это был сын того беглеца-приискателя, который без славы и почестей закончил свою шальную жизнь на далекой чужбине. Вепринцева в тот вечер нисколько не интересовал этот худосочный хлюст в сером с чужого плеча пиджаке. Тогда его волновала заманчивая перспектива крупного дела. Шутка сказать: такое дельце подвернулось. Если бы оно было поручено кому-нибудь другому, Вепринцев, вероятно, считал бы себя смертельно обиженным человеком. Кому еще можно поручить это дело, коль оно так прочно связано с русской землей? Ведь он американец русского происхождения и опытный чикагский гангстер. Он хорошо знает язык, обычаи страны, из которой бежал в 1922 году. Тогда он был очень молод и звали его Федором. Наверно, и сейчас в приволжской деревне Васильевке есть люди, которые помнят, как в Октябрьскую годовщину кулацкий сын Федька поджег большой деревянный дом сельсовета, где шло торжественное заседание. Поджег и сбежал. И вот с тех пор мыкается по белому свету.

Его никогда не интересовала политика. Последние представления о России у него сложились из сообщений в американских газетах и радио. Он боялся: а вдруг предложение Дурасова — это какая-нибудь ловушка, на которые так способны все русские? Его заверили еще

раз, что тут чистое и богатое предприятие и что риск будет сторицею оплачен. И он рискнул. В конечном счете, не все ли равно, где грабить — в Америке, во Франции или в России? Золото не пахнет, везде оно имеет одинаковый солнечный блеск и радостно ощутимую тяжесть.

Дурасов рассказывал о кладе с увлечением, с азартом игрока. Он говорил о таких подробностях, как будто бы только вчера сам, своими руками перетаскал в укромное место добротные кожаные мешки и засыпал их толстым слоем земли... Из его рассказа выходило так: лежит это золото в определенном месте в тайге, не очень далеко, и стоит только туда добраться — а это тоже не составляет большого труда, — немного поковыряться в земле, и клад будет лежать у ног счастливец...

На деле все оказалось не так просто, как обрисовал Дурасов. Но как ни сложна была обстановка, как неожиданно ни переплетались догадки и версии, Вепринцев был уверен, что это не обман, не ловушка и пятьдесят шесть пудов золота — не выдумка Леонида Дурасова, а живое богатое дело. Сколько бы ни было досадных противоречий в этих старых бумагах, все-таки не зря же чья-то твердая рука написала на последней странице: «Лукашка умер. Поиски золота успехом не увенчались».

Но как же отыскать место, где упрятано золото, без этого старика Лукашки? Без его внука?.. Осталась одна надежда — двоюродный брат Лукашки Оспан. Он, кажется, опытный проводник. К нему и ехал теперь Вепринцев.

— Это последнее, на что я иду, — мысленно решил он.

Вепринцев, поглядывая на Стрижа, безвольно качавшегося из стороны в сторону, подумал: «А тот мальчишка, Ромка, был, кажется, лучше этого... Впрочем, все они величайшие бестолочи и ротозеи, понятия не имеют, что такое приличный бизнес...»

Поезд сдерживал бег. За окнами вагонов мелькали серые, приземистые постройки, редкие тополя и березки. В вагоне началось движение, в лучах солнца золотистым облачком закружилась пыль. Кто-то громко назвал станцию. Стриж перестал дремать, приподнял свою маленькую, необыкновенно длинную голову, глянул в окно.

— Следующая наша. Каких-нибудь сорок минут, и мы приехали...

— Что, следующая — Широкое?

— Точно так.— Он глубоко зевнул, сухо скрипнул зубами и стал закуривать.— Да-а, это только начало,— продолжал он, давясь.— Сто восемьдесят километров по тайге что-то значат... И дороги не знаем.

Оба задумались. Стриж неторопливо курил, глядел куда-то в окно, запорошенное красноватой, словно ржавчина, пылью. Длинные, мосластые руки его были разрисованы, как у индейца, бросались в глаза длинные тонкие пальцы, которым, пожалуй, позавидовал бы самый одаренный музыкант. Но этим пальцам суждено другое. Они никогда не касались клавишей рояля и струн скрипки. Зато сколько глубоких и темных карманов ощупали они. Стриж только недавно отбыл срок за последнюю кражу и вот теперь снова вышел на «большое дело». Он очень мало знал о своем новом партнере — у воров не принято интересоваться друг другом — знал он одно: это вор с большим именем, много видевший и везде побывавший — он «промышлял» в богатой Америке, неспроста же Ромка Онучин так попал под его влияние, так увлекся его заграничными сказками, что сразу сменил свою кличку и стал воровать по-новому. И если бы подражание не зашло так далеко, он не попался бы глупо, а ехал бы в этом вагоне, и тогда, наверно, Вепринцев и Стриж чувствовали себя веселее и увереннее: как-никак — трое! Стриж понимал, что его роль в этом длительном путешествии сводилась скорее к обязанностям проводника, чем равноправного соучастника. Вепринцев не особенно уделял его в свои планы. Да и к чему это? Стриж и не настаивал на том, чтобы перед ним были открыты сейчас же все карты.

А вот и Широкое. Пассажиры толпились в тамбуре, задевая друг друга чемоданами и мешками, но Вепринцев и Стриж не торопились: не спеша оделись, взяли свои рюкзаки, сумки. Случайно взглянув в окно, Вепринцев вдруг отпрянул назад. Его нескладное лицо с выдавшейся вперед челюстью стало землисто-серым. «Что за чертовщина?.. Где я видел этого человека? Его морда мне хорошо знакома...»

Он дернул за рукав Стрижа, уверенно направлявшегося к выходу, а сам, прильнув головой к стенке вагона, стал наблюдать. «И эта хромая нога... так все хорошо

знакомо... Но где же я видел этого типа?» — и хорадоочно вспоминал Вепринцев.

— Ну, что ты остолбенел? — недовольно проворчал Стриж, толкаемый из стороны в сторону пассажирами. — Все выходят, а мы чего торчим в проходе?

— Подожди... Ах да!.. Это, кажется, тот самый хро- мой парикмахер, который работал там... возле лестни- цы... — Тревога Вепринцева возросла. Он почувствовал, что попал в западню. Что же делать?! Вернуться в купе на свое место и проехать дальше, хотя бы до следующей станции, чтобы за это время хорошенько обдумать всю сложность положения? А может быть, пойти прямо и встретиться с ним, как со старым знакомым?

Почти все пассажиры, которым следовало сойти на этой станции, покинули вагон. Освободившиеся места за- нимали новые люди. В это время к Тагильцеву подбе- жал какой-то молодой человек и кинулся в его объятия. Эта неожиданная сцена несколько успокоила Веприн- цева. «Теперь ясно: парикмахер здесь кого-то встречает, должно быть, родственника... А может быть, это инсцени- ровка?» На всякий случай Вепринцев послал вперед Стрижа.

Но поведение Тагильцева и молодого хакаса, с кото- рым он только что крепко расцеловался, не могло вы- звать никаких подозрений даже у такого опытного на- блюдателя, как Стриж.

Только Вепринцев вышел из вагона, как гулко про- звучали звонки отправления, пронзительно и резко заре- вел паровоз, окатив стоявших на платформе клубами неприятно теплого пара. И опять застучали колеса, гряз- ное помело дыма разлохматилось над вагонами со- става. Черный грохочущий поезд без оглядки побежал в тайгу, в глубокую и неровную расселину, разломившую пополам горный хребет. Вот еще раз мелькнул послед- ний вагон, с красным пятном позади, и все исчезло. Только сердитый рокочущий гул доносился сюда, да се- рая полоска дыма жалко и сиротливо витала над су- меречно-темной тайгой.

Вепринцев подошел поближе к парикмахеру.

— Надо было телеграмму вовремя дать, — с легким укором говорил своему собеседнику Тагильцев. — Вчера чуть не целый день ждали и сегодня уже второй поезд встречаем. Так же не делают, дорогой!

Стриж достал папироску и, любезно извинившись, спросил:

— Товарищи, нет ли у вас спичек?

— Пожалуйста, как нет...— суетливо зашарил по карманам молодой человек.

Тагильцев оглянулся и встретился взглядом с Вепринцевым. «Черт возьми! Неужели он не узнает меня? А может быть, я ошибся?» Но не успел Вепринцев закончить этой мысли, как Тагильцев опять повернулся к нему и неуверенно спросил:

— Вы меня не узнаете?

— Кажется, нет,— хрипло ответил Вепринцев, глядя в лицо Тагильцева.

— А я вот по бороде вас узнал...

— Как это можно?— удивленно засмеялся Вепринцев.

— Как видите, можно... Вы у меня брились несколько раз. Помните, в Управление округа вы заходили?..

Вепринцев нахмурился, делая вид, что он напряженно припоминает. Потом лицо его озарилось улыбкой, он широко развел руками.

— Конечно, конечно, теперь вспоминаю!.. Очень приятно... очень хорошо встретить в такой глуши знакомого

человека. Ну конечно, я туда приходил, в это Управление... Ни один порядочный геолог не может пройти мимо него. И как вы попали сюда, в такую даль?

Тагильцев ответил ему настолько просто и непринужденно, что тревога Вепринцева почти совсем исчезла.

— В трудовом отпуске. На родину отдохнуть приехал. А здесь племянника встречаю... Вот он, Илюшка, познакомьтесь,— не без гордости сказал Тагильцев, подтолкнув в бок парня.

— Очень рад,— сдвинул руку молодого человека Вепринцев.— Павел Иванович,— отрекомендовался он и кивком головы указал на Стрижа.— А это мой помощник, техник Ефимов.

— Чего же мы стоим здесь?— спохватился Тагильцев.— Может быть, в буфет заглянем? С дороги бы перекусить не мешало, чайку испить...

— Мы очень спешим,— поторопился ответить Вепринцев,— как бы не опоздать на машину.

— Об этом нечего беспокоиться, машины здесь идут каждые полчаса. Кругом прински, разработки...— Тагильцев обвел взглядом темные очертания высоких гор, со всех сторон подпиравших маленькую единственную станцию.— А вам в какую сторону? Дорог здесь много.

— Нам... — замялся было Вепринцев.— Да тут до одного села... Рыбаки называется.

— Рыбаки?.. Так мы будем попутчиками вам до самого места,— радостно ответил Тагильцев,— мы в Рыбаки и едем...

Вновь тревога и подозрение схватили Вепринцева.

Теперь Тагильцеву нетрудно было убедить своих новых друзей; что перед выездом в такой трудный далекий путь нужно не только хорошо отдохнуть, но и добротнo закусить.

27. МИРНАЯ ПРОФЕССИЯ

Вторые сутки Котельников лежал в госпитале. Вторые сутки не выходила из головы печальная история погони за преступниками, и чем глубже он вдумывался в свои действия, тем яснее видел ошибки.

— Ушел, дьявол, ушел,— сдерживая бессильную ярость, шептал Котельников.— Теперь все начинай сначала.

Он повернулся лицом к стене.

— Проглядел, еще как!..— продолжал Котельников.— Прошляпил—это, пожалуй, самое подходящее, шля-я-па! Чепчик старушечий!

Больше всего тяготило его сознание своей беспомощности. Ему, человеку постоянного движения, казалось, что нет ничего на свете более угнетающего, чем лежать без дела день, другой, третий.

«...Вот тебе и мирная профессия. Больше двух лет на фронте пробыл, а в госпитале по-настоящему так и не довелось полежать. А здесь попал, да еще как глупо... Из этого ты, голова садовая, должен сделать правильный вывод: каждая шишка — предметный урок, каждый синяк — памятная заметка.

А голова, кажется, и в самом деле немножко побаливает и кружится, кружится...»

Котельников весь ушел в думы.

Вспомнилось, как поступил он на службу в милицию. Кончилась война. Со всей силой встал перед ним вопрос: за что браться, к чему приложить свои руки, разум? Может быть, вернуться на завод? Даже стыдно было выбирать что-то другое, ведь он вырос на заводе, начал учеником, а на войну ушел хорошим рабочим-кожевником.

Но задолго до демобилизации его неожиданно вызвали в политотдел. Начался обычный разговор: не наскучило ли служить, пишут ли что из дома,— должно быть, не знали, что у него нет никакого дома. А потом вдруг спросили:

— Вот, товарищ гвардии сержант, какое дело... Как вы смотрите на работу в милиции?

Этот вопрос захватил Котельникова врасплох, он даже не понял сначала, о чем идет речь.

— Как смотрю?... Ну, как полагается на нее смотреть, так и смотрю.

— А все-таки, как?

— Работа неплохая...

Котельников осторожно и недоверчиво поглядел на сидевших против него офицеров и спросил недоуменно:

— Ну а я-то при чем тут? Какое я отношение имею к милиции?

Офицеры рассмеялись.

— Пока никакого. Пригласили мы вас для того, чтобы договориться на будущее. Может быть, из армии пойти вам на работу в милицию? Как вы думаете?

— Вон что!.. Серьезное дело...

Долго не мог ответить на этот вопрос Котельников, несколько дней. Все думал, взвешивал, советовался и, наконец, решил идти. А сколько пришлось услышать насмешек, сколько довелось увидеть колющих и ехидных улыбок! Однажды какой-то шутник повесил на койку Котельникова полосатый жезл уличного регулировщика. Но Котельников будто не заметил, промолчал, и жезл вскоре исчез.

— Значит, в милицию?..— спросил как-то, лежа на койке, широкоплечий сержант.

— А что?

— Да так, знаешь, пьяные и прочая шпана... Представляем тебя в этом жизнерадостном окружении. Гвардии старший милиционер Котельников! Здорово!..

— Ну, а что же тут особенного?— начинал сердиться Котельников.

— Конечно, ничего,— вступил в разговор другой сосед.— Жалованьишко, правда, небольшое, одна мелочь, но это ничего, зато в неделю больше тумачков от пьяных наловишь, чем получишь рублей за месяц...

Тогда Котельников поднялся с койки. Никто раньше никогда не видел на его лице такого страшного гнева.

— Эх, ты!..— задыхаясь, сказал он.— Где же твое сознание? Как ты рассуждаешь, а? Я иду в милицию не за деньгами, не за длинным рублем, а по призванию души, вот что!

Все насторожились и ждали, что будет дальше. Но Котельников, помолчав, сказал сдержанно:

— Хотя ты и долго жил в боевом солдатском коллективе, а ничему, видать, не научился...— И продолжал уже мирно:— Ну посуди сам, войну мы кончили, захватчиков прогнали. Ты думаешь, на этом точка поставлена? Нет! У нас кроме внешних врагов имеются и внутренние. Кроме всяких шпионов, разных лазутчиков есть еще хулиганы, воры, мошенники всякие, которые государственный карман со своей грязной мошной путают. А порядок общественный — это что, само собой установится, да?..

— Все это так... Правильно ты говоришь.— сдавался сосед,— но все же милиция...

— Что милиция?— Котельников откинул с себя колючее солдатское одеяло, сказал в раздумье:— Милиция, дорогой товарищ, у нас советская, рабоче-крестьянская, наша. По существу говоря, если транспорт родной брат Красной Армии, то милиция — родная сестра по оружию!

Даже озорной белокурый сержант после этого разговора не заводил больше своих шуток.

Что служба эта нелегкая, беспокойная, Котельников понял сразу, с первых дней. Потом повстречался с капитаном Шатеркиным. Работа в его подчинении увлекла Котельникова своей конкретностью. Вскоре он стал кадровым офицером милиции. И теперь Котельников уже не думал над тем, хорошо он поступил или плохо, идя на милицейскую службу. Служба эта целиком захватила его.

И может быть впервые за все время работы в милиции Котельников так глубоко заглянул в свою жизнь.

Размышления его неожиданно оборвались: он услышал чей-то неуверенный голос.

— Дядя Котельников... а дядя Котельников, слышите, мы к вам пришли...

Котельников повернулся к окну. Из-за косяка на него глядели черные настороженно-озорные глаза Толика.

— Как ты сюда забрался?!— тихо воскликнул Котельников.

— А там Миша... Я у него на спине стою...

Котельников даже несколько растерялся, но тем не менее он не мог не почувствовать и радости — встреча приятная. Торопливо потянув на плечи широкий больничный халат, он выглянул за дверь — сестра куда-то отлучилась — и, заметно прихрамывая, вышел из палаты. Ребята встретили его как давнего знакомого.

— Немного прихрамываете?

— Болит здорово, да? — наперебой расспрашивали они Котельникова.

— Это не так важно, дорогие друзья. Лучше расскажите, как это вы разыскивали меня? По радио о моем местонахождении, кажется, не объявлялось, в газетах не писалось.

— А мы все равно нашли, — похвалился Толик.

Они зашли в решетчатую беседку, увитую плющом. сели.

— Так... Насколько я разбираюсь в секретах, вас послалко мне дядя Коля? — закуривая, спросил Котельников.

— А где он, дядя Коля-то?.. Где? — с нетерпением заговорили мальчишки.

— Сейчас на службе, конечно, — ответил Котельников, взглянув на солнце.

— Не-е-ет... — отрицательно тряхнул головой Толик. — Его нигде нет.

— Нигде нет?.. — с удивлением переспросил Котельников.

— Он, наверно, в командировку уехал, — наклонив голову и буднично отыскивая под ногами, сказал Миша. — Мы все расспрашивали, и никто не знает, даже у товарища полковника были...

— Ну и что же он вам ответил?

— Ничего не ответил, — грустно вздохнул Миша. — Сказал, ждите гостинцев...

Долго они молчали, думали каждый о своем. Внезапно Толик повернулся к Котельникову и совершенно неожиданно спросил:

— А школа капитанов милиции есть у нас в Советском Союзе, дядя?

Котельников поднял на него глаза.

— Хочешь поучиться?

— Хорошо бы...

— Почему капитанов? Может быть...

— Ну, все же капитан, знаете... Он более ответственный и вообще, капитан...— пытался пояснить Толик.

— В общем, капитан, капитан, улынитесь, так, что ли?— скупо ухмыльнулся Котельников.

— Есть, да?— не успокаивался Толик.

— Есть такая школа, ребята.

— А как туда поступить?

— Закончишь десять классов, получишь аттестат зрелости, только, конечно, хороший, с отличными отметками, и поведение, конечно, учитывается... и тогда смело можно поступить.

— А раньше нельзя? Из семилетки, например?— спросил Миша.

— Нет, с семилеткой, дорогой мой, не примут. В такое учебное заведение с семилеткой— что ты, смеешься?

Котельников легонько потрепал Толину голову, вздохнул и подумал, что пора ему уходить из госпиталя.

28. ЗАЧЕМ ТЕБЕ СТОЛЬКО ЗОЛОТА?

Вепринцев глубоко всхрипнул, словно взял заключительный аккорд, и, испугавшись, проснулся. «Фу, черт возьми!» Он оторопело поглядел вокруг, прислушался, но напряженный слух его ничего не мог уловить, кроме беспечного и вольного храпа Стрижа, лежащего рядом, да глухих ударов собственного сердца. И хотя кругом еще стоял полумрак, а в глазах подслеповатые окна уже настойчиво лезли светлые тени погожего утра.

Поднявшись, Вепринцев неловко и гримасно сел на постель и тотчас почувствовал во всем теле такую усталость; в голсе свинцовая тяжесть, во рту сухость и горько.

Заметив в темном углу ведро с водой, свесив с шаткой скрипучей кровати и, шлепая по полу босыми ногами, пошел туда. «Кажется, вчера много выпили»,— подумал Вепринцев и, зачерпнув полный ковш холодной воды, жадно припал к нему. На голую волосатую грудь прозрачной струйкой стекала вода, но он, казалось, не чувствовал этого, ему даже был приятен скользящий холодок воды.

В просторной деревенской избе пахло сухой майской

полынью и парным молоком. За дверью слышался негромкий рассудительный бабий говор, звякали подошники; во дворе печально мычала корова, с нетерпением ожидая хозяйку; вполголоса журились гуси, твердо постукивая клювами в пустое корытце; зевластый петух, взлетев на забор, оглушил всех своим озорным криком.

«Вот это и есть Рыбаки, — подумал Вепринцев, тихо позевывая. — Ры-ба-ки... Обыкновенная воющая деревня... А пили и в самом деле очень много. Нехорошо...»

Он вспомнил веселого добродушного парикмахера Семена, его племянника Илюшу, старого хакаса Оспана, единственного живого родственника Лукашки, штегера Гурия... А что же все-таки болтал про Лукашку этот старый вахлак Оспан? Он, кажется, говорил, что могила его где-то совсем близко отсюда? Ну, к черту могилу! Он еще рассказывал о нем какие-то занимательные сказки. Смешно, будто этот старый козел понимал что-то в горных работах, хорошо знал те места, где лежит золото... А впрочем, черт его знает, может быть, и знал.

В избе стало совсем светло, радостные блики солнца заиграли на большом самоваре, стоявшем на столе, на безделушках, развешанных по стенам, — все небогатое убранство деревенской горницы теперь было на виду. Вепринцев снова улегся в постель и с любопытством глядел на стол, на сундук, покрытый дерюжкой, долго разглядывал огромные ветвистые рога марала, висевшие на стене, кровать, старое, с черными стволами ружье, — он толкнул ногой Стрижа.

— Довольно храпеть. Что ты, как запаленный мерин?

Стриж деловито моргал припухшими, налитыми розоватой мутой глазами, отрывисто кашлял и молчал.

— Когда ты пьян, ты настоящая свинья, — сердито проворчал Вепринцев, почесывая широкую, бугристую грудь. — Болтаешь много...

— С этим согласен, правильно, — угрюмо ответил Стриж и виновато поглядел на Вепринцева. — Наболтал что-нибудь, да?

— Что ты можешь сказать умного? Болтал, конечно, вздор всякий: как в тюрьмах сидел, как по чужим карманам шарил.

— Что же ты глядел? — прохрипел Стриж. — Треснул бы по физике как следует.

— Только этого не доставало! А вообще для тебя тюрьма — самое подходящее место...

Стриж лежал, как прибитый пес.

Вепринцев слез с кровати, выглянул в окно, задумчиво походил по избе, прислушиваясь к легкому скрипу половиц, и взялся за рюкзак. За дверью, в другой половине, кто-то тяжело, задышливо охал.

— Это кто так изводится? — спросил Стриж.

— Ого, ты и этого не помнишь! — попрекнул Вепринцев. — Оспан, конечно, это же его изба... И тоже пьян, старая крыса... Но он все-таки умнее тебя, и мне кажется, он кое-что должен знать...

— А-а, может быть... Пойдет он с нами или нет? Как думаешь?..

— Если не пойдет, нам трудно придется.

— Вчера вроде соглашался, а сегодня и отказаться может.

— Оспан один не хочет идти, боится. Все дело в Семене — он согласится, и остальные пойдут... Но он не хочет. Говорит, трудно будет, нога больная.

— Я думаю, Оспан уговорит его. Старику хочется подзаработать. Деньги, дорогой мой, великая сила!

Вепринцев выложил на стол содержимое рюкзака, что-то промычал себе под нос. Вот в его руках папка, замотанная грязной тряпицей. Он сел, развернул ее. Потом долго и внимательно разглядывал какие-то пометки, номера, надписи — одни были сделаны карандашом, другие — чернилами, некоторые успели выцвести и поблекнуть. Вепринцеву казалось, что он перелистывает не жухлые листы серой бумаги, а ворочает стопудовые глыбы горной породы, под которой лежит золото. И даже ко всему безразличный Стриж заметил алчный блеск в глазах своего нового друга. Он с удивлением поглядел на Вепринцева и подумал: «Колдун — не колдун, а какой-то ненормальный... Молится, что ли, на эти бумажки?» Вепринцев и на самом деле напоминал ослепленного страстью фанатика, шепчущего молитву. Он весь преобразился.

Наконец, вполоборота повернувшись к кровати, он воскликнул:

— Ну, пора вставать, Стриж! Нежности не совместимы с твоей воровской профессией.

— Какие нежности? Просто башка трещит, вот и лежу как бревно.

— Там в сумке осталось, вставай,— великодушно сказал Вепринцев.

Стриж не заставил себя просить. Он вскочил как ошалелый, кинулся в угол, где лежали их вещи, вмиг вытащил из сумки бутылку и, не ища посуды, опрокинул ее в узкий горячий рот.

— Хорошо,— наконец оторвавшись, сказал он и вытер рукавом губы.— Вот и просветление в голове начинается.

— К черту твое просветление,— крикнул Вепринцев, отодвинул от себя раскрытую папку, поднялся. Его голова почти касалась потолка горницы.— Ты понимаешь, где мы находимся?

— Где? В Рыбаках, в самой Сибири находимся... И если бы не ты, дьявол, я бы, может, ни в жизнь сюда не попал. Для такого человека, как я, здесь тоска смертельная. Я — житель большого города.

— Эх, Стриж! Какой же ты дурак! Пойми, мы находимся с тобой у золотого ключа, у волшебного родника, который может в один миг сделать нас миллионерами!

— Вот этого я бы не хотел! Хоть и вор, но миллионером быть не желаю.

— Почему же?

— Зачем мне это?

— Зачем тебе золото?!— удивленно вытаращил глаза Вепринцев.

— Ну да. Я так понимаю: честному вору оно одна помеха. Куда с ним, с такой кучей денешься? Еще жадность тебя за глотку сцапает. Порядочный вор живет одним днем и ворует не для того, чтобы разбогатеть, а для веселой жизни, для разгула. Зачем ему богатство — ему жизнь нужна! Эх, веселая волюшка...

— Ни черта ты не понимаешь!

— А ты здорово понимаешь!— впалые щеки Стрижа порозовели.— Ну скажи, зачем тебе столько золота?

— О-о!..— Вепринцев запрокинул голову. Он весь

ожил, воодушевился.— Зачем мне столько золота? Дурак! Когда у меня появится много золота, я уеду в Америку и буду самым счастливым человеком. Тогда я буду не рядовым гангстером — я буду крупным и знатным боссом. Сотни мелких и мельчайших гангстеров будут по-собачьи заглядывать мне в глаза и ждать от меня милости. Полицейский префект будет открывать мне дверцы автомобиля. Я буду строить политику. Я буду диктовать мою выборную программу. Я буду сенатором. Черт побери! Дай мне это золото, и я покажу себя всему миру. Я... я... Я откупил бы у старого хрыча папы римского все акции на Монако. Я одел бы на себя княжескую мантию. Я был бы владельцем мировой рулетки...

Вепринцев был неузнаваем: лицо его налилось кровью, глаза горели, в углах дрожащих губ появилась розоватая пена.

— Вот зачем золото! Зо-о-о-ло-то...

— Да, здорово,— пугливо поглядывая на дверь, прошептал Стриж.— Большой у тебя план, приятель. Громадный план...

— Это уж не так много, мой дорогой Стриж,— несколько опомнившись, сказал Вепринцев.— Все богатые люди с этого начинают. А чем мы хуже их? Мы такие же воры, как и они, только меньше масштабом.

— У нас давно нет таких богатых воров.

Вепринцев думал о чем-то другом. Его лицо блестело от пота, взгляд был чужой и странно далекий. Он устало опустился на широкую скамью и вдруг засмеялся, сначала тихо, потом громко и неприятно.

— Да, я буду чертовски богат!.. И тогда я припомню своему боссу все обиды. Я всем припомню... Что так смотришь на меня, Стриж?

— Любопытно, вот и смотрю.

— А все-таки для нашего брата нигде так приветливо не светит солнце, как в Америке... Там все не так, все по-другому. Да, да...— Ему вдруг стало грустно. Вот уж скоро полгода, как он оставил чикагский притон, и с тех пор ни одного дня не был спокоен. Но ничего, теперь он многому научился. Теперь он смело может кое-что сказать «отцам Братства». И придет время, он скажет,

Он опять взялся за папку. К столу подсел угрюмый и молчаливый Стриж.

— Ей-богу, ты не похож на вора.— проворчал он покуривая.— Черт тебя знает, кто ты такой, колдун, что ли?

Но Вепринцеву не до Стрижа. Он снова, уже в который раз, листает папку, надеясь отыскать в старых бумагах незамеченные раньше сведения.

Вот перед ним листок — план какой-то горной выработки. Он сделан вольно и размашисто, видно, что чертила его неумелая, неуверенная рука. Но Вепринцев с жадностью читает пояснения, убористо написанные внизу. Нет, это не то, что ему нужно. Это какое-то предположение о новой золотоносной жиле, неведомо почему не тронутой при разработке всего массива. Но здесь автор вскользь указывает, что Дурасов и Лукашка часто посещали эту давно заброшенную выработку. Что их сюда влекло? А вот какое-то заявление: под ним десятка полтора неразборчивых подписей — робких каракулей. Вот еще одно заявление — пишет штейгер Лопатин. Жив ли он? Все говорят об этом золоте. Но где же оно? Штейгер даже приложил черновой набросок плана, на котором жирным пунктиром обозначил место, где искать клад. Но уже на следующей странице кем-то написана справка: «Искали, но золота не нашли». Другой неведомый автор написал «Прошение» горному инспектору, в котором изложил свои догадки о месте сокрытия золота. Он с подробностью очевидца описал три глубоких шурфа, в одном из которых, по его мнению, лежит золото, и предложил себя в проводники. Были ли когда-нибудь вскрыты эти давно заброшенные шурфы, здесь не написано.

— Эй, Стриж! Ты, кажется, опять дремлешь?— Вепринцев толкнул ногой табуретку, на которой сидел Стриж. Тот вздрогнул и поднял глаза.

— Еще что скажешь? Я хоть и закрываю глаза, но не беспокоюсь, все хорошо вижу.

— В этих вонючих бумагах сам черт задохнется.— Вепринцев прихлопнул по столу широкой ладонью.

— Столько золота! Так, думаешь, тебе и оставили, держи карман шире,— буркнул Стриж.

Вепринцев обдал его негодующим взглядом.

— Так может подумать только куриная голова,— сказал он сдерживаясь,

— Все твои рыжики¹, может, давным-давно выкопали и прибрали к рукам.

— Об этом здесь ничего не сказано,— возразил Вепринцев.— Если рылись здесь, нам следует искать в другом месте, понятно?

— А как же, конечно, понятно.

Вепринцев подумал над безграмотными, запутанными чертежами, составленными рабочими, и, отодвинув от себя папку, сказал:

— Золото есть, Стриж, не горюй. Этот хлам, хоть и дрянь, но кое в чем нам поможет.

— А что же горевать? Был бы харч да горилка — и тогда искать можно хоть целый год.

Вепринцев опять, наверно в сотый раз, вспомнил Леонида Дурасова, разговор с ним, его твердое заверение, что сам дьявол, если бы хотел, никогда не разыскал бы этого золота — так надежно оно укрыто. «Ведь он говорил о Заречной сопке, да еще о каком-то Оленьем ложке... За-ре-чная сопка... А вот о них-то здесь как раз почти ничего не сказано». Он опять уткнулся в папку.

— Вот, вот... Немножко есть. Какой-то чудака написал... и что же он тут написал? «Есть далеко в тайге Олений ложок, туда тоже ходили Лукашка с хозяином, а зачем — один бог да таежный леший знает. Добраться до того ложка—великая трудность, на пути множество всяких препятствий, да и дороги мы толком не знаем...» Ты что-нибудь понимаешь, Стриж?!

— Стриж, будь уверен, все понимает.

Вепринцев обмотал папку тряпицей, завязал шпагатом и сунул в рюкзак.

Скрипнули ворота, в задней половине избы зазвенели чьи-то свежие голоса. Вепринцев стал одеваться.

Пока он неумело и с трудом натягивал на ноги сапоги, которые никогда не носил раньше, в горницу, один за другим вошли старый Оспан, Семен Тагильцев, Илья и штейгер Гурий.

— Как спалось-ночевалось?— прямо из двери крикнул Тагильцев, ловко перекинув через порог ногу.

— Прекрасно,— ответил Вепринцев.— Я никогда и нигде так крепко не спал, как здесь, на этой соломенной перине.

¹ Рыжики — золото (жаргон)

— Оно так, эта перина, однако, получше пуховика,— заговорил Оспан, сощутив в улыбке глаза.— Я вот всю ночь на голой печи провалялся. Ох и жестка, язва, голимый камень!— он закашлялся.

Штейгер Гурий был уже навеселе, его старое бабье лицо в глубоких морщинах озарялось глуповатой улыбкой; по нему расплывался неровный пятнистый румянец. Илюша выглядел свежо и бодро, на широком лице, в узких, по-восточному скошенных прорезях, поблескивали умные и живые глаза. Вся его плотная, коренастая фигура дышала здоровьем, но в нем, как почти во всяком юноше, бросалась в глаза неловкая застенчивость, он будто стеснялся и чувствовал себя лишним в этой мужской среде.

Стриж добыл из сумки бутылку и дорожную алюминиевую чарку, принялся угощать.

— А ну-ка, дедок, пропусти эту капельку, и кашель твой сразу как рукой сымет. Лекарство, дай бог же, испытанное, от всех болезней действует одинаково.

Оспан взял чарку, долго морщился, тряс черной без единого седого волоса косматой головой и часто вздыхал, будто ему предстояло выпить не водку, а яд.

— Да уж пей, Оспан, чего куксишься?— торопил штейгер, не чаявший дожидаться своей очереди.

Оспан, наконец, набрался духу, опрокинул в беззубый рот чарку и тотчас уткнулся носом в корку черного хлеба.

— Ох-хо, шибко палит...

Когда Стриж протянул чарку Илюше, тот решительно отказался.

— Не хочу... Зачем это мне?

— Нам больше достанется,— обрадовался штейгер.

Оспан пожевал зеленое луковое перышко и произнес:

— Зашли сказать — согласны мы вас проводить в тайгу. И Семен соглашается, если заработок подходящий будет.

— О-о! Это очень хорошо!— воскликнул Вепринцев.— На заработок обижаться не будете.

— Отчего же не выручить, если хорошие люди просят,— поддержал Тагильцев.— И дядя Гурий пойдет,

он ведь специалист по горным делам, ему весь наш район хорошо знаком.

Вепринцев почувствовал, как счастье неудержимо идет в его руки.

29. ИСКАТЕЛИ КЛАДА

На рассвете, когда вокруг Рыбаков, по низинам, лежал сырой студёный туман, принесенный от озер, со двора Оспана выехала пароконная повозка.

Две коренастые мохноногие лошади рванули с места и пошли широкой рысью к тайге. Утро начиналось хмурое, воздух был влажным, тяжелым; с дальних тасжных хребтов, клубясь, сползали тучи.

Оспан с тайным подозрением поглядел на темно-бурое облако и молча нахлобучил картуз.

В глубокой престорной повозке, набитой свежим сеном, котомками, рюкзаками, охотничьим и рыболовным снаряжением, сидели все участники путешествия. И каждый из них, отправляясь сегодня в далекий путь, думал о своем. Илюша, ловко управляя резвыми лошадками, думал не только, как бы надольше сохранить их резвость и силы, а больше о том, что еще нового найдет он в тайге, какие приключения поджидают их там. Семен Тагильцев, полулежа в повозке, с тревогой поглаживал свою злополучную ногу: выдюжит ли она такую нагрузку, не подведет ли. Вепринцеву сегодня казалось, что он как никогда близок к цели. И хотя преодолены далеко не все трудности, он отчетливо ощущал под ногами ту землю, которая надежно хранит золотой клад. Не сегодня-завтра он раскроет эту тайну, и в его руках будут несметные богатства. Он незаметно, испытующе поглядел на своих спутников.

«Можно ли положиться на этих дурней? Не подвели бы...» Но чем дольше и пристальней глядел на них Вепринцев, тем меньше у него оставалось сомнений. Вот старый Оспан — его неловко подкидывает на рытвинах, но он будто ничего не ощущает, сонно покачивает из стороны в сторону головой в старом засаленном картузе и думает, вероятно, о том, сколько же раз за долгую жизнь пришлось ему ехать по этой тряской дороге и сколько еще предстоит проехать по ней. Кажется, только Стриж и Гурий ни о чем не думали. Стриж с хо-

лодным безразличием глядел на дорогу, на синеющий впереди массив дремучего леса, на двух бестолковых собак, игриво бежавших за повозкой. Гурий, привалившись к мешку, дремал, порой коротко всхрапывая.

На память Вепринцеву приходило прошлое. Не сразу он стал гангстером. Вначале полубезработный, потом безработный, затем бездомный бродяга, нищий... Человек каждый день хочет есть. Его желудок требовал пищи, а что делать, когда ее не на что купить? Тогда он еще не умел грабить. Однажды, когда он, голодный и злой, сидел на садовой скамейке и ожесточенно жевал резинку, чтобы хоть немного заглушить тоскующую боль пустого желудка, возле него остановился высокий худой старик с надменным холодным взглядом. Посмотрел, примерил про себя что-то, спросил:

— Безработный?

— Да, сэр.

— Встань.

Вепринцев покорно поднялся, исподлобья поглядывая на загадочного старика.

— Прекрасный экспонат,— проворчал тот, не сводя глаз с мощной фигуры.— Пойдем за мной.

Разговор был продолжен в мрачном вонючем полуподвале и очень быстро закончился подписанием договора. Вепринцев — тогда он носил свою настоящую фамилию — запродавал себя за сто долларов медицинскому факультету колледжа. Старик с явным наслаждением ощупал тогда его, думая о том, как скоро он будет варить в котле это огромное, исхудавшее от постоянного недоедания тело.

Сто долларов — не состояние, и скоро Вепринцев опять остался без денег. И тот же старик познакомил его с одним католическим чиновником, тот свел его с

боссом, босс — с «Братством благочестивых колумбов»...

— А вот и тайга началась, товарищи геологи,— проснувшись от сильного толчка, сказал Гурий, прервав размышления Вепринцева.— Вишь, какая она сумрачная да задумчивая. Шумит...

Тайга гудит глухо и бесконечно. Редко в этот однообразный шум ворвется тревожный голос сойки или тонкий свист бурундука. Узкая, заплетенная между деревьев дорога полого поднимается в гору. Вепринцев с удивлением поглядывает на высоченные, в три обхвата листовницы, на хаотическое нагромождение бурелома, на буйные, в человеческий рост травы. «О-о, как чудесно! Мне давно следовало убраться из этого шумного города. Здесь все куда проще, и люди—настоящие дикари, их легко одурачить. Прекрасно!..»

— Какой запах хороший, а?— заметил Тагильцев, принюхиваясь.— А вы видите? Кипрей цветет.

— О да, конечно,— рассеянно ответил Вепринцев, кидая свой взгляд то в одну, то в другую сторону.— Первобытный лес. Джунгли...

Стриж тоже напряженно зашевелил широкими тонкими ноздрями.

— Что-то не чую,— сказал он.

— Зато ты хорошо чуешь другой запах, там у тебя прекрасное обоняние,— посмеялся Вепринцев.

— Видать, первый раз в тайгу попадаете?— спросил Гурий.

Вепринцев насторожился, прищурив глаза, с подозрением поглядел на него.

— Почему же первый раз?— вмешался Стриж.— Тайга тайге рознь. Сюда, конечно, первый раз.

Штейгер замолчал и что-то замурлыкал себе под нос. А тайга становилась все глуше, темнее. Уже давно рас-

свело, но солнце так и не показалось. По небу торопливо бежали бурые, в рыжих опалинах тучи, они едва не задевали вершины деревьев. Иногда их с грохотом раскалывали короткие ослепительные зигзаги молний, и тогда тайга гудела еще тревожней. Из сумрачной глуши несло сыростью и грибами. Илюша молча погонял лошадей навстречу дождю и грозе. Стриж, заметив, с какой суеверной подозрительностью дед Оспан приглядывался к сердитому небу, спросил:

— Прихвтит, да?

И не успел Оспан ответить, как в тайгу ворвался жестокий порыв ветра. Кругом закричало, завывало; по небу скользнула косая ослепительная спираль огня; впереди что-то оглушительно взорвалось, страшно затрещало — в одно мгновение глухая дремучая тайга стала крошечным адом. Гурий перекрестился и натянул на голову куртку.

— Правь под гору! — силился перекричать бурю Тагильцев. — Обождать надо-о!..

Они влетели в глубокий распадок. Здесь было еще темнее, а грохот бури заглушал все. Стриж, приподнявшись на колени, кричал что-то в ухо Оспану, но невозможно было понять что, и старик только торопливо мотал головой. Вот еще один ослепительный блеск молнии, страшный удар грома. Казалось, высокие скалы рушатся и превращаются в пепел — все тонет в ревущем на разные голоса мраке. С визгом мечутся под ногами у лошадей перепуганные собаки, летят сучья, сорванные с деревьев, ошметки серого мха, колючая хвоя, шишки...

Тагильцев, одной рукой опершись на Илюшино плечо, а другой придерживая фуражку, с тревожным волнением вглядывался вперед и помогал Илье управлять лошадьми.

— Бери правее, к ручью!.. — командовал он.

Илюша круто осадил озверевших от страха лошадей и свернул с дороги. Тяжелая повозка с грохотом перекакивала через трухлявые стволы упавших деревьев; в лицо сидевших жестоко хлестал кустарник. Все держались за повозку, как за спасительный островок, на который со всех сторон неудержимо неслись свирепые волны бушевавшего океана.

А лошади летели с неиссякаемой силой, и если бы не искусство Илюши, давно бы их повозка со всем бага-

жом и пассажирами валялась где-нибудь под горой вверх колесами.

— Стой здесь!..— крикнул Тагильцев. С огромным трудом удалось остановить лошадей.

— Привязывай крепче!..

Ветер сорвал с головы Тагильцева фуражку, растрепал черные волосы, пузырем выдул на спине гимнастерку. Но Тагильцев ни на что не обращал внимания — он натягивал палатку. Ему помогал Оспан. Движения обоих были энергичны, уверенны, здравый рассудок и расчет не покинули их и в эту минуту. Едва они успели поставит палатку, как новый порыв урагана потряс все вокруг, и на том месте, где они свернули с дороги, с протяжным стоном повалилась высокая лиственница, вздыбив могучую узловатую связку черных корней.

— Крепче вяжи лошадей!.. Убирай все из повозки!.. Тащи в палатку!.. Не зева-а-й-й!..— кричал Тагильцев, еле удерживаясь на ногах.

Но вот опять взрыв, блеск огня, будто само солнце на мгновение упало в ущелье и зажгло горы. Каждая травинка, каждый камешек, каждая иголочка хвоя обнажились на секунду с необыкновенной ясностью. Когда потух этот иссиня-белый огонь, в глазах некоторое время стояла черная мгла, а в ушах напряженно гудело, потом все вдруг увидели уродливый вековой кедр, расщепленный до половины и охваченный дымным пламенем.

Вепринцев дрожал, неразборчиво и сбивчиво шептал не то ругательства, не то обрывки молитв, пришедших на память.

Хлестнул ливень. Но смолистый кедр по-прежнему пылал и, точно маяк, освещал темную глубину ущелья. Шуму и грохоту стало еще больше, сквозь стену дождя то и дело полыхали молнии. Ручей, возле которого расположились путники, потемнел и вздулся, как старческая жила.

Вдруг ураганный порыв ветра ворвался в палатку, рванул ее и опрокинул. Вепринцев закричал и кинулся прочь, за ним бросился Стриж.

— Куда бежите?! — кричал им Тагильцев. — Не становись к дереву — убье-е-ет.

Вепринцев, весь мокрый и грязный, метался под дождем, но нигде было укрыться — всюду ветер и дождь, гром и сверкающая молния.

Илюша, дед Оспан, Тагильцев, промокшие до последней нитки, спасали палатку, с трудом закрепляя ее чем попало. Наконец им удалось установить ее. Дед Оспан тряс мокрой косматой головой, с волос текло. Широкая, вся в мелких сборках рубаха его прилипла к телу, но он даже пробовал улыбаться, ободрить других шуткой. Гурий молчал от страха, он будто весь оцепенел, не двигался. Оспан принялся отжимать подошвы рубахи, потом долго прислушивался к жестоким раскатам грома, к шуму дождя. Стриж и Вепринцев глядели на него с надеждой, будто в его власти было остановить стихию.

— Однако скоро пройдет... Над горами будто светлее стало,— сказал он.

— Ничего себе, светлее,— проворчал Стриж,— за два шага ничего не видно, как в парной бане.

— Э-э, это ничего...— оживленно заговорил Оспан, довольный тем, что нашлась одна добрая душа, которой надоело молчать.— Это очень даже хорошо.— Он пошарил по карманам, извлек большую закопченную трубку, сделанную из узловатого корня черемухи, и напрасно пытался, пытаясь зажечь мокрые спички, потом поискал в сумке, достал кресало, кремь и кусочек сухого тута. Ловко высек искру и раздул трут. Когда трубка задымила, Оспан повеселел. И другие стали закуривать.

— Это ничего...— повторил старик, глотая дым.— Тепло... А вот мы одинока с покойным братом Лукашкой попали...

Вепринцев завозился в своем углу, захлюпал ногами по раскисшей земле, прислушался.

— Зимой попали... за получкой на рудник шли, ну и захватила метель. На масленице, однако, случилось, стужа была шибко лютая. Дело шло к вечеру, идем и света белого не видим — гудит все, как в аду кипит, а снег прибывает и прибывает, идти тяжело, неловко... Братец-то у меня, упокойная головушка, бесстрашный был, отчаянный — айда вперед и все тут...

Спокойный, неторопливый рассказ Оспана отвлек внимание людей от того, что творилось за палаткой. Даже Гурий и тот ожил.

— Вроде уж с дороги сбились. Глядим — впереди что-то чернеет, самую малость, ну одна точечка... Ближе подходим — человек замерзает. И какой человек? Мальчишка, годов пятнадцати, и книжки, конечно, при нем

в узелочке. Из училища шел и сбился с дороги. Вот мы и давай его отхаживать, снегом тереть, руки-ноги этак тормошить... Да без малого час, однако, и провозились с ним, а может и больше, кто ж его знает. Закутали его, конечно, как полагается, брат снял свою лопотину¹ и тоже на него. Взял его на плечи и опять айда...

Смутное чувство раздражения так и подмывало Вепринцева, так и хотелось сказать этому старику что-то колючее, злое. «Вот дураки: сами на краю гибели и связывают себя какой-то дрянью... Пусть бы и замерзал...»

— И тащились мы, однако, всю ночь,— продолжал Оспан, временами ежась от липкой сырости.— Обморозились, обледенели, как большие сосульки, а на дорогу вышли, ногами мы ее нащупали... Да-а... тут волки кругом воют, окаянные. Лукашка два-три раза стрелит — отбегут куда-то, притихнут... Пойдем — опять будто из-под снега появляются и за нами бегут. Табуном они страшны, шибко страшны...

Вепринцев, докурив сигарету, достал вторую, сквозь дым поглядел на старика, подумал: «Эх, Лукашка, Лукашка... Оказывается, и ты был не умнее других, такой же дурак...» Он продолжал глядеть на сухонькое, в мелких морщинках лицо Оспана, на редкий клинышек бороды, свисавший с острого подбородка. «Неужели и он был таким же старым сморчком, как этот...» Вепринцев из рассказов, а больше собственным воображением нарисовал такой образ таежного охотника, который никак не был похож на Оспана, представлял себе его великаном, хладнокровным, с медвежьей силой в руках, с волчьим сердцем в груди. Он рисовал его таким, каким тот был понятен ему. Он даже подумал однажды: «А что бы мне такого компаньона послал бог, с таким не пропадеешь...»

Оспан, кончив рассказ, задумчиво сосал трубку.

— И как же вы добрались? — спросил Илюша.— Донесли мальчика?

— А как же! Ксечно, донесли... А сами здорово поморозились. Лукашка, однако, недели три в горячке валялся, но ничего, отудобел...

¹ Лопотина (сиб.) — верхняя одежда.

За палаткой все еще гудел ветер, раскачивал деревья, безжалостно срывал листья и хвою, гнул к земле кустарник и высокий кипрей, но уже не та в нем была сила, он заметно сдавал. И дождь шел теперь тише и мельче. Черная туча, словно страшное чудовище, израненное и помътое, яростно огрызаясь и сверкая огнем, поспешно уползала куда-то в темную пропасть ущелья. У голой, насквозь промытой повозки, уныло стояли мокрые и будто похудевшие от дождя лошади; под телогой дрожали собаки, печально и тонко поскуливая.

— Ну и тяжело же досталось... — продолжал Оспан. — А Лукашка что... себя не жалел, отчаянный был.

— Еще бы! Медведей живых, как щенят, ловил, — заметил Тагильцев.

— Да-а, что он с этими медведями делал, один бог знает, — засмеялся Оспан, сощурив и без того узкие, ко-со поставленные глаза. — С хозяином раз на охоте беда случилась. Забрел он в малинник и потихоньку берет ягоду, а ее — усыпное! В другой год ведь уродится так много — скажи, все будто огнем охвачено... Ну вот, Дурасов-то и накинулся на эту ягоду, а тут на грех-то и оказался он, язва.

— Медведь, да? — спросил Илюша, снедаемый любопытством.

— Конечно, медведь... тоже ягоду жрал в свое удовольствие. Хозяин-то, однако, чуть верхом на него не залез — ничего не видать в кустах-то, чащоба непролазная. Зверь на дыбки и на хозяина, а у него-то и ружье не в руках, а за спиной. Растерялся Дурасов и про свою «централку» забыл. А зверь, конечно, захватил его в лапы и давай помаленьку ломать да бока наминать. Братеньник-то мой, Лукашка, в отдалении находился и вот слышит: ревет хозяин-то, шибче медведя ревет... Он, конечно, смекнул: дело неладное — и айда туда, на голос. А медведь свое дело справляет: тискает хорошенько лапой в бок — синяк, а то и кровь выступит, всю рубаху спустил с хозяина... А сам будто играет — хозяин от него уйти норовит, а он его лапой огреет: стой, мол, не уходи, ты мне шибко нужен... Ружье хозяйское как хватил, так от него только щепочки посыпались, ремень и тот на куски изорвал... Увидел Лукашка эту потасовку и давай тихонько к им подбираться. Стрелять

нельзя—человека задеть можно... Схватил он дубину, да ка-а-ак стукнет ей по башке зверя, так на месте и издох от желудочной болезни.

— А хозяин как?..

— Этому дьяволу ничего не сделалось, как на собаке все зажило. Оклемался, окаянный.

— А чего ему сделается,— угрюмо сказал Гурий.— Постоянно чистый спирт употреблял, от него всякая хвороба, как от черта, приткой побегжкой спасается...

Дождь перестал, и ветер стих; теперь только тяжелые дождевые капли то звонко и мелодично по одной падали на землю, то от дуновения ветра с шумом, целой тучей осыпали палатку. Тагильцев, сидевший с краю, первым вылез из палатки, за ним полезли один за другим остальные. Последним на корточках выбрался Стриж.

— Противная штука эта тайга,— сказал он, расправляя плечи.— Ох, противная...

Ему никто не ответил. Внимание всех привлекла большая и очень яркая радуга, причудливым перекидным мостом вставшая над тайгой; краски ее были чисты и прозрачно-светлы — все тотчас ожило вокруг, засветилось.

Над высокими вершинами деревьев неторопливо пролетел длинноносый лесной кулик, на ветках защелкали какие-то мелкие птицы.

— Не тужи, товарищ Ефимов,— резкими движениями разминая онемевшее тело, успокоил Вепринцев, обращаясь к Стрижу.— Ты что-нибудь видишь?

— Ну что, например?— хмуро проворчал Стриж.

— Например, радугу.

— А-а..

— Примета, да?— спросил Оспан.

— Да-да, примета, хорошая и счастливая примета.

30. ПЕРВОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ ВЕПРИНЦЕВА

Как хорошо бывает в тайге после грозы и дождя! Утро занимается нежное, тихое; от влажной земли исходит клубистый пар, он тянется к вершинам деревьев, к розоватому небу. И вдруг в сырой сумрак лесной глуши врывается свет солнца — все преобразится в один миг. Тайга засияет всеми цветами природы, живое горячее солнце откроет и обнажит сказочные тайны дре-

мучего леса. И капли дождя на темных лапах хвои засветятся крупными алмазными зернами, и тяжелые гроздья еловых шишек покажутся дорогими рубинами. А розовый клубистый туман будет редеть и редеть, яснее обозначатся скалистые горы, песчаные холмы с одиночными соснами, заросли лугов, и вздыбленные корни поверженных деревьев не будут больше пугать робкого таежного зверя. И тогда потянутся от дерева к дереву, от сучка к сучку бесконечные ниточки шелковой паутины, забегает, замечется по ним жадный паук, расставит свои ловушки и, затаившись где-нибудь под сучком, будет ждать первую муху; но не видит захваченный работой паук, как с другого сучка по-хозяйски строго поглядывает на него серый вороватый поползень. Он уже почистил и наострил о древесную кору свой грозный клюв и ждет только удобной минуты...

А пробуждение жизни идет дальше. Вот вылез из-под коряги юркий полосатый бурундучок, глянул на солнце, схватился короткими лапками за голову и, пофыркав, стал умываться. Между ветвей запорхали мелкие проворные птички, где-то отчаянно крикнул дятел и твердо застучал по сухостойному дереву долотом-клювом. На полянке вдруг неуверенно заворчал одинокий гуляк-тетерев и, должно быть, спохватившись, что пора его прошла, тотчас умолк. Не спеша поднялась на песчаный бугор царица тайги — старая медведица со своим семейством, устало прилегла и загляделась на своих озорных мишуток, а они покатались по песку, поборолись, потузили друг друга и вперегонки полезли на огромную старую сосну.

В тайге уже совсем светло: туман куда-то исчез; от земли идет едва заметный теплый парок, из-под векового праха травы и листьев, из-под густого теплого мха лезут грузди и рыжики, нарядные как цирковые клоуны, мухоморы, лезет сосновая и лиственничная молодежь.

Хорошо в такую пору в тайге! Даже Вейринцев и тот смотрел теперь на тайгу с неясным волнением. Но и любуясь ее красотой, он никак не мог забыть вчерашней грозы. Перед его глазами стоял огромный пылающий кедр, расщепленный ударом молнии. Хорошо, что все так благополучно кончилось. Может быть, его мольбы и заклинания всюду помогали ему? «Хорошо, хоро-

шо,— шепчет Вепринцев.— Слава мадонне! Пока все идет великолепно... Вот мы уже далеко в этой русской тайге, и жилья нет поблизости, и, главное, слежки... Ни какой милиции... А тот ловкий мотоциклист, наверно, отдал богу свою грешную душу. Туда ему и дорога».

Он так задумался, что совсем забыл о своих спутниках.

Вепринцев думал о том, как скорее и легче добраться до Заречной сопки и Оленьего ложка. Теперь только эта мысль беспокоила его днем и ночью. Олений ложок! Сколько заключалось в этих словах! Отныне одному Вепринцеву была доступна тайна, один он держал в своих руках волшебный ключ счастья. Еще там, в Рыбаках, он начертил в своем блокноте схематичную карту Заречной сопки и Оленьего ложка, дороги к ним, и теперь время от времени украдкой заглядывал в нее, чтобы проверить, насколько правильно ведут его проводники.

Дорога шла сейчас по крутому берегу неширокой бурной речушки. Огромные окатные камни преграждали течение реки. Они, словно упрямые бараны лбы, безуспешно и отчаянно боролись с неудержимым студеным потоком. Вода вокруг них бурлила и пенилась, как в кипящем котле. С берега к воде склонялись гибкие ветви чернотала, черемухи, пихты. В мелких прибрежных заводях, в травянистых отмелях без всякого страха паслись утиные выводки, задумчиво и важно стояли в воде линялые цапли, подкарауливая глупую рыбу молодь.

А дорога становилась труднее. По ней, видимо, редко проезжали: узкая колея была едва различима в траве, колеса гремяли, а повозку подкидывало на камнях, на узловатых кореньях, вылезших на поверхность. Лес по обе стороны дороги был давно вырублен, и только редкие сосны и лиственницы, широко вскинув темные кроны, стояли, как живые и скучные памятники, напоминавшие о том, что здесь был когда-то дремучий лес. На его месте разрослось дикое беспорядочное разнолесье, из высокой травы кое-где торчали трухлявые пни.

Вдали показались какие-то полуразвалившиеся постройки, большая гора свинцово-серого отработанного песка. Оспан кивнул головой:

— Вот и Пихтачи...

— Что это значит?— спросил Вепринцев.

— Пихтачи-то?— вмешался штейгер, приподняв голову и растирая ладонью заспанное лицо.— Н-да, мил человек, Пихтачи... Это когда-то было золотое дно!..

Вепринцев поднялся, уселся на край подводы, спустив длинные, обутые в кирзовые сапоги ноги.

— Отсюда оно возами шло, золотишко-то...— продолжал штейгер, потряхивая всклокоченной головой.— Ба-а-альшее богатство здесь зачерпнул Дурасов. А теперь вот пустырь остался. Всю жизнь из земли вынули, а потом забросили... Хищник этот Дурасов, одно слово, безжалостный хищник... Эх, люди-люди, настоящие погубители...

— Ну, а сейчас кто-нибудь живет здесь?

— Лисицы да волки... Кто еще будет тут жить? Золота в земле нет — и работы нет, а человек — он живет ближе к работе, ближе к делу.

— Ну и дурак он, этот человек,— незлбно проговорил Стриж.— Умные люди приживаются там, где бабки водятся, деньжонки, значит.

— Да ведь это как сказать,— возразил штейгер,— без работы и денег нет, а мы с измалетства привыкли их зарабливать...

— Уметь жить надо, старина. А работа — дело нехитрое...

Вепринцев прыгнул с повозки и широко зашагал рядом. После вчерашнего дождя он переоделся. На нем теперь была серая короткая куртка с застежкой «молния», черные с синим кантом брюки заправлены в сапоги, на голове — форменная фуражка с киркой и лопатой на околыше — настоящий геолог, каких много встречается в этих краях в летнюю пору.

— Вы, кажется, сказали, что это был богатейший рудник?— глядя на штейгера, спросил он.

— Еще бы! Я сам вел здесь горные работы,— с гордостью ответил штейгер.— Много положил сил и труда, а на кого?

— Черт возьми, очень интересно!— весело воскликнул Вепринцев, убыстряя шаг.— Я думаю, мы остановимся здесь и хорошенько посмотрим эту старую ямку. А?

— Ну что же... Как вам угодно,— покорно ответил штейгер, вопросительно поглядев на других спутников.—

Слышь, дядя Оспан? Остановиться товарищи геологи желание поимели.

— А-а... Это можно,— отозвался Оспан,— это как раз подходящее... И коней бы подкормить не мешало.

Вепринцеву никогда раньше не доводилось спускаться в шахты, поэтому, когда они подошли к ветхой полуразрушенной клетки и он заглянул вниз, сердце его защемило от страха. «Какая-то вонючая яма»,— подумал он, глядя на гнилой, в белых пятнах плесени, сруб.

Шахта и на самом деле казалась страшной, это была скорее не шахта, а глубокий, невзвест когда заброшенный колодец, в который в большой деревянной бадье примитивным воротком спускали рабочих на целый день, как каторжников.

— Как все постарело!..— грустно вздохнул штейгер и с благоговением снял фуражку, будто стоял перед дорогой могилой.— А ведь какое хозяйство когда-то было, эх-ма...

Спускались они медленно, боязливо, по одному. Тагильцев не пошел с ними,— он что-то жаловался на ногу,— не полез в шахту и Оспан. Они ушли к берегу, где была разбита палатка и пущены пастись кони. Зато Илюша спустился с большой охотой.

Когда Вепринцев оказался в темной, глубокой выработке, ему стало вдруг жутко. Здесь было холодно, но душно. Из темных закоулков несло могильным смрадом и гарью. Отовсюду сочилась вода: с потолка, со стен; под ногами хлюпала студеная грязь.

— Сюда только самых больших грешников на пожизненное поселение сажать,— зябко ежился Стриж, поглядывая на крошечный кусочек неба над клетью.

— Да ведь и кто сюда шел-то по доброй воле?— рассудительно заговорил Гурий.— Мало было охотников. Кто тут работал? Беглые люди, каторжники. От большой нужды шел сюда народ, вот что...

Штейгер привычно продвигался по темному холодному коридору, освещая путь дымным смолистым факелом. Такие же дымные светильники несли Вепринцев, Илюша и Стриж.

— Вот она, восточная штольня,— пояснял штейгер, помахивая огнем.— Какая громадная жилища была здесь! Всю выдрали, как есть всю...

Крепи во многих местах подгнили и рухнули, то и дело по шахте прокатывался гул падающей породы; где-то слышалось журчание воды. Вепринцев понимал, что здесь на каждом шагу таится какая-нибудь коварная неожиданность, но он не мог отказаться от спуска в шахту, коль сам так легкомысленно внес это предложение. Да он, пожалуй, и не мог иначе поступить: ведь они же геологи, поисковики, едут в тайгу для того, чтобы обследовать старые месторождения золота, на которых давно прекращены работы. Он старался не отстать и, вобрав шею в плечи, неуверенно шагал за штейгером. Гурий вдруг остановился, прислонился к сырой холодной стене и, подняв над головой факел, посмотрел на светлую прожилку в черной, как уголь, породе.

— Что вы так смотрите?— обеспокоенно спросил Вепринцев.

— Гляжу на жилу... Вот она, видите? Это кварц. Не все выдрали, немного осталось.

Штейгер вытащил из-за пояса небольшой шахтерский молоток и, опустившись на колени, стал отбивать им породу. Из-под молотка полетели жесткие колющие брызги вперемешку с искрами. Гурий вырубил довольно крупный кусок белого как сахар кварца и стал близоруко разглядывать его. В глазах штейгера что-то засветилось, ожило, жесткие прокуренные усы его сосредоточенно ошепетались.

— Вот оно! — воскликнул он радостно.— Блестит!

Его обступили. Вепринцев наклонился над камнем, который дал ему Гурий.

— Ничего не вижу.

— Как же? Видимое золото! Вот оно как ярко блестивает... такие мелкие зернышки.

— Конечно, что-то блестит,— подтвердил Стриж.— Ты прав, старина. Но, может быть, это не золото. Мало ли что блестит на свете.

— Ну да, золото,— вступил в разговор Илюша.— Вкрапленное золото, так оно и называется.

Вепринцев недовольно покосился на парня, неопределенно пожал плечами и возвратил штейгеру кусок золотоносной руды.

Гурий опять потащил их куда-то в кромешную тьму, в затхлую сырость подземелья. Вепринцев ступил на

что-то твердое и скользкое, ноги его разъехались, и он грузно упал, огласив тьму длинным ругательством.

— Осторожно! Это наледь, от зимы осталась,— с опозданием предупредил штейгер.

Илюша и Стриж помогли подняться Вепринцеву. Он охал и клял все на свете.

— Куда мы идем, старик?— спросил он с раздражением.

— Я знаю, куда идти надо,— ободрил Гурий.— Со мной не пропадете, без факела всю шахту обойду и не заплутаюсь.

— Этот старый дурак, кажется, совсем взбесился,— ворчал Вепринцев, тяжело шагая позади Илюши.

Но Гурий будто не слышал ворчанья своих спутников, он бежал вперед.

— Вот она, яма-то, вот...— задыхаясь крикнул он и, сделав еще несколько шагов, устало присел на камень.

— Что за яма?

Штейгер отбросив рукавом куртки лицо, покрытое копотью и брызгами грязи, тяжело передохнул.

— Золото здесь было.

— Золото?

— Да-а, в эту яму Дурасов двенадцать пудиков закопал, и никто ни сном ни духом не ведал, а вот как пришли к нам партизаны в девятнадцатом, разыскали и выкопали, разузнали как-то...

— В девятнадцатом году партизаны выкопали?— с заметным испугом в голосе переспросил Вепринцев.

— Выкопали. И все золотишко попало Щетинкину... А в общем государству досталось, не то чтобы какому-то хищнику; вот так-то оно и случается на белом свете,— закончил штейгер.

Вепринцев наклонился над ямой, выбитой в пласте мягкой породы, пошарил руками. Это было небольшое углубление в стене штольни, рядом лежали черные глыбы породы и кучка зернистого песка.

— Тут оно и было?— глухо спросил он.

— Было когда-то. Говорят, в кожаных сумках лежало, песочком вот этим было присыпано, а сверху породой завалено.

Вепринцев забрался в яму и ощупал стены, дно, камни, лежавшие возле ямы, освещая их факелом. За-

метно было, как дрожали его руки, прикасаясь к шершавой поверхности камней. Затем он воткнул в щель факел, взял пригоршню песка со дна ямы и долго пересыпал его, жадно вглядываясь в тонкую серую струю. Лицо его было растерянно и серо, как этот песок.

Вепринцев почувствовал, как отвратительное горькое сомнение проникало в душу. Он готов был выскочить из этой ямы, наплевать всем в лицо, избить до полусмерти старика-штейгера и бежать отсюда, бежать без оглядки, куда глаза глядят. Он устало сел на край ямы. Может быть, и там, в этом идиотском ложке, давным-давно выкопали какие-нибудь партизаны?

Он старался восстановить в памяти подробности встречи с Леонидом Дурасовым в Чикаго. Вспомнил содержимое папки, разговор с Керженековым. «Нет, там совсем другое дело... Дурасов же ничего не говорил мне об этих Пихтачах, значит, он знал, что отсюда все выгребли. А об Оленьем ложке в папке почти ничего не сказано, так, мельком... Но ведь я хорошо помню, что говорил Дурасов. Теперь только один я знаю, где должно быть золото. Один я! Олений ложок! Ты сослужишь мне верную службу...»

На поверхность они вышли другим путем: штейгер вывел их по наклонно-горизонтальной штольне, пробитой в основании горы. Их ослепило солнце. Долго они стояли неподвижно, с закрытыми глазами, жадно вдыхая горьковато-смолистый запах тайги. У штейгера из глаз бежали слезы, не мог удержать слез и Стриж.

— Отвык от шахты,— с сожалением сказал Гурий,— а ведь раньше нипочем было.

— Пить меньше надо, тогда и глазам лучше будет,— рассмеялся Стриж. Штейгер укорчиво покачал головой.

— Эх ты, молодой человек... Я и пью-то самую малость, для очищения крови. Ведь, почитай, вся жизнь прошла под землей, в шахте: пыль, копать, газ— все это в кровь впиталось, очистить ее, сердешную, надо.

— Напрасно трудишься,— продолжал смеяться Стриж,— все равно жизнь твоя кончается, а на том свете и с поганой кровью принимают.

Когда они добрались до своей палатки, их ждал обильный и вкусный обед. Оспан и Тагильцев за это время успели наловить рыбы и сварили такую жирную наваристую уху из линьков и хариусов, что соблазнительный запах ее чувствовался далеко от палатки.

— Обедаем?!— крикнул Стриж.

— Если заработали, будем обедать, а кто не зарабатал, тот пусть сам себе промышляет,— ответил Тагильцев.

— А вы, ей-богу, молодцы,— приняхиваясь к котлу и с радостью потирая руки, сказал Вепринцев.— Чертовски хочется есть. Я бы сейчас не только рыбу — целую свинью съел.

Стриж вопросительно поглядел на Вепринцева.

— Я думаю, не лишне пропустить перед обедом пару стопок спиртишку?

— Я и сам после такой прогулки готов выпить не хуже любого пьяницы,— охотно поддержал его Вепринцев.

Забрякали котелки, застучали деревянные ложки, приятный запах ухи, репчатого лука и какой-то дикой таежной травы, известной только Оспану, щекотал в носу, разжигая и без того отличный аппетит.

Вепринцев, ссутулясь над котелком, так часто работал ложкой и так кидал в рот хлеб и куски рыбы, что, казалось, он не жует пищу, а жадно глотает, как хищная птица.

Штейгер Гурий опять был весел и болтлив: дряблый, башмаком, нос налился и рдел, как спелая слива; маленькие глаза посветлели. Поглядывая на объемистую флягу, лежавшую возле Вепринцева, он спросил, жалко улыбнувшись:

— Нельзя ли еще одну чарочку? Старый желудок что-то плохо варит.

— Боюсь, что взорвешься, и тогда, не дай бог, что произойдет,— захохотал Вепринцев.

Гурий только грустно вздохнул.

Илюша молча хлебал из чашки. Все, что видел он в шахте, заставляло его по-новому приглядываться к Вепринцеву и его приятелю. «Нет, они не геологи,— думал он.— Но кто же они?»

31. СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Всю ночь Вепринцев возился у костра: охал, скрипел зубами, ругался — его заедали комары. Их было великое множество. В парной ночной мгле стоял тонкий и бесконечно нудный писк. Никогда Вепринцев не испытывал ничего более неприятного и омерзительного. Он вспотел, обессилел — тело чесалось и ныло, и уже не хватало силы поднять руки отмахнуться. Им овладело какое-то странное безразличие: «А, с ними все равно ничего не сделаешь...»

Он поднял голову — костер чуть теплился. Над сырой росистой травой едва приметной полоской тянулся дым и облачком скапливался в ложине. За увалом, сквозь лесную чащу проглядывал серый рассвет утра... В тайге тихо: не качнется ветка, не шелохнется травинка. Вепринцев на корточках подсел к костру, собрал по его краям обгорелый хворост и кинул на угли — тихо затрещали тонкие сухие ветки, вспыхнул сизый огонь. Он огляделся вокруг — все спали, только Стриж время от времени возился, покашливая.

«Их не кусают,— с завистью подумал Вепринцев.— Черт знает, что за люди, даже комары их не трогают, спят как убитые... Однако путешествие не из приятных. От одной этой гадости можно потерять рассудок...»

А утро ширилось, разрасталось, как пожар на ветру, реже и светлее становилась тайга, глубже просторы синего неба. Где-то тихо и неуверенно пискнула синичка, цокнула белка, выглянув из дупла; на вершине черной, как осенняя ночь, пихты шумно отряхнулся столетний линияющий ворон; тучи комаров поредели — комар тоже кое-что понимает: утро ему несет мало радости, проснуты его враги — птицы, и если он не успеет убраться в глухую сырую чащу, быть ему первым блюдом на птичьем завтраке.

— Я думаю, тебе хорошо спится,— ехидно ухмыльнулся Вепринцев, заметив, что Стриж высунул из-под фуфайки взъерошенную голову.

— Ох-хо, как бы не так...— застонал Стриж.— За всю ночь ни одной минуты не уснул, загрызли... Ну, понимаешь, до мосла грызет, окаянный.

Вепринцев взглянул на Оспана, на Илюшу, спокойно и сладко храпевших под телегой.

— Им, должно быть, чертовски хорошо! За всю ночь ни один не поднялся.

— Это им впривычку, никакая холера их не берет, закалились.

Проснувшись и остальные. Наскоро закусив холодной вчерашней рыбой и запив кипятком, крепко настоенным на земляничных кореньях, путники снялись с места, оставив на умятой полянке остатки пищи, кучу золы да горьковатый запах дыма.

Заросший багульником и крапивой зимняк тянулся вдоль пологого речного берега. Теперь никто не сидел в повозке: лошади выбивались из сил, часто останавливались, а впереди было еще трудней — то лесные завалы, то быстрые порожистые речушки. К полудню они добрались до полноводной бурной реки. Впереди поднимались скалистые горы. Вековая нехоженная тайга стояла в недвижимом глухом сумраке. Оспан скинул с плеча ружье, оперся на длинный ствол и внимательно огляделся.

— Дальше, однако, ехать не придется, кони не пройдут,— спокойно сказал он и, сдвинув на лоб картуз, почесал потный затылок.

— А как же быть?.. Это все на себя?..— Вепринцев кивнул головой на повозку.

— Ничего не поделаешь, придется,— ответил Оспан.

— Я думаю, дядя Оспан, еще денек можем не бросать лошадей,— вступил в разговор Тагильцев.— Перегрузим это хозяйство на выюки и поведем лошадей в позоду, а пустая повозка здесь стоит.

— Это было бы очень хорошо,— поддержал штейгер.— На гору с такой ношей тяжело... Нам теперь надо беречь силы, настоящие трудности только начнутся.

— Так сколько же еще километров до этого чертова ложка? — раздраженно спросил Вепринцев.

— До Оленьего?

— Олений, собачий, медвежий — одна дрянь! Мы идем вторые сутки и пока, кроме лишений и комаров, ничего не видим. Ведете нас куда глаза глядят!

— Нет, старый Оспан знает, куда он идет,— старик медленно покачивал головой.— Завяжи мне глаза, и я найду туда прямую дорогу.

— Сегодня, наконец, мы дойдем или нет?

— Однако не доберемся. Самый трудный путь остался. Кручи пойдут, да и тайга здесь шибко густая...

Поступили так, как предлагал Тагильцев: повозку и часть лишних вещей оставили под старым лохматым кедром, а все остальное навьючили на двух лошадей и тронулись в путь. Даже едва заметной зимней дороги здесь не было: шли напрямик, по мелколесью, по спутанным зарослям малины и хмеля, по волглому, в саженный рост кипрею, охваченному буйным цветением. Острые тонкие ветви, колючки шиповника и боярки глубоко впивались в лицо, в руки.

Вепринцев тяжело дышал и старался подальше отогнать от себя надоедливые сомнения. Самое тяжелое и опасное дело, в каком приходилось ему участвовать, давалось во сто крат легче, чем дорога к этому кладу.

Его догнал Тагильцев и сунул ему в руку крепкую березовую палку.

— Возьмите помощника, с ним все-таки немного полегче.

— Ах, это палка? Спасибо,— сказал Вепринцев и зашагал шире.— В Оленьем логоу мы должны собрать массу образцов... Как же мы будем вывозить их отсюда?

— Это не беда. Лишь бы везти было что, черта увезем! — Тагильцев смахнул со лба мутные капли пота, расстегнул пошире ворот рубахи.— Сделаем плот, погрузим на него и до самых Рыбаков с песней... Ого-го-го,— во весь дух прокричал он, будто пробуя голос, и вдруг запел.

«Этот малый мне начинает нравиться, на такого можно положиться,— подумал Вепринцев, баском пытаясь подпевать.— Инвалид, а идет хорошо, волевой парень... Не то, что мой Стриж, едва ползет, как дождевой червь...»

Вепринцеву вдруг стало легче: усталость исчезла, в мышцах появилась упругость и сила, и тело не зудело больше, и волдыри не беспокоили. Он пел вместе со всеми, и песня ему нравилась — хорошие слова, душевный напев. Она напоминала ему что-то далекое, невозвратимое...

Они перевалили крутой скалистый хребет и, помо-

гая лошадям и друг другу, начали спускаться вниз по тесным обрывистым карнизам. Отсюда, с вершины хребта, перед ними открывалась неповторимая картина: внизу величественно и гордо покачивались темные кроны вековых кедров, мирно и убаюкивающе шумели кондовые сосны; а еще ниже, узкой неровной полосой тянулась зеленая пойма таежной реки. Сюда доносился плеск и грохот воды на каменных порогах, преградивших стремительное течение. Река здесь с неизмеримой силой устремлялась в огромную каменную скалу, будто задалась одной целью — опрокинуть ее и стереть с лица земли. Но она так же легко и отскакивала от нее и, захлебнувшись буровой пеной, сворачивала под прямым углом, в сторону, а там вырывалась на простор спокойной равнины. Дальше на ее пути опять поднимались скалы, пороги, лесные заторы.

Когда спустились к реке, Оспан остановился и сказал:

— На ту сторону переходить будем...

Обойдя скалу и поднявшись вверх по течению на два-три километра, они подошли к излучине, сплошь забитой бревнами, которые остались здесь еще от высокого подъема воды. Тяжелые бревна с ободранной, измочаленной корой прочно держались на мелях, на торчащих из-под воды серых окатышах и образовывали большую плотную запань. Вода здесь бурлила, пенилась, неистово кружилась в глубоких водоворотах, временами скрывалась под бревнами и потом с шумом вырывалась на вольный простор.

— Вот здесь, однако, и перейдем по бревнам, — сказал Оспан, пробуя ногой устойчивость бревен.

— А лошадей как? — спросил Илюша. — Лошадь — не собака, с бревна на бревно прыгать не умеет...

— С конями так сделаем: поднимешься мал-мал повыше, там пережат будет, по нему и пойдешь вброд...

Илюша остался с лошадьми, а остальные по одному стали переходить на противоположный берег. Первым пошел Семен Тагильцев. Виртуозно работая березовым батошкой и легко балансируя руками, он уверенно шагнул с бревна на бревно, и там, где ступала его тяжелая поврежденная нога, бревно с тревожным шорохом окуналось в воду, и на его месте на мгновение открывалась узкая полынья. За Тагильцевым шел Стриж.

Согнувшись под тяжестью рюкзака, словно вопросительный знак, он прыгал неловко, но вовремя успевал оставить бревно, и поэтому ноги его были пока сухими. Третьим, боязливо и неуверенно шупая палкой бревна, перебирался Вепринцев. Под тяжестью его могучей фигуры бревна ныряли, словно рыболовные поплавки. Когда он добрался до середины и, пошатываясь, остановился на толстом, в два обхвата, кедраче, чтобы немного передохнуть, впереди что-то затрещало, задвигалось, зашуршала на бревнах кора. Вепринцев почувствовал, как вдруг предательски осел под ним комель чуть не метрового в поперечнике сутунка¹, повернулся и легко поплыл. Вокруг все закипело, как в огромном котле: полезли друг на друга бревна, забурила вода — запань прорвало.

Ужас охватил Вепринцева. Он кинулся в одну сторону, в другую — везде треск бревен и зловещее кипение воды.

— Спа-а-а-си-и-те-е-е!.. — загремел над долиной страшный нечеловеческий голос.

Тагильцев и Стриж успели уже выйти на берег, недалеко от берега были и Оспан с Гурием, переходившие реку много выше Вепринцева.

Тагильцев взглянул назад и понял — случилось непоправимое. Первые ряды беспорядочно торчавших бревен, которые долгое время удерживали всю массу леса в стихийно возникшей запани, вдруг подались вперед, подвинулись, уступая сильному напору, их подхватил водоворот, закружил и понес, открывая дорогу другим. Теперь впереди ничто не могло сдержать эту гигантскую лавину. Восьмиметровые бревна, как щепки, легко кружась и ныряя, неслись на крутые зубастые пороги.

Бревно, на котором сидел Вепринцев, стремительным течением выбросило на середину реки и понесло.

«Пропа-а-ал... Про-о-па-а-ал...» — стучало в висках. Он с ужасом глядел вперед. Перед ним была одна лишь река, покрытая бешеными водоворотами, бревна, безудержно летевшие в пропасть, да огненно-горячее солнце. И милый берег, и спутники — все куда-то исчезло.

¹ Сутунок — расколотое пополам бревно.

Боже мой!.. Неужели конец, смерть...

Вепринцев торопливо и сбивчиво начал молитву, но молитвы не получилось: на память приходили нелепые обрывки, отдельные слова. Он призывал своих покровителей: великомученика Ксаверия, папу римского и даже своего кровожадного босса. Сколько страшных ругательств и проклятий вырвалось из его груди, но судьба оставалась неумолимой: его несло... несло...

На берегу была суматоха: как угорелый бегал возле воды Гурий с длинным тонким шестом в руках, что-то неразборчиво кричал Стриж, беспомощно размахивая руками, Тагильцев сложил рупором ладони.

— Илюшка-а-а!—закричал он изо всей силы, так, что на шее вздулись багрово-черные жилы.— Слу-у-у-шай!.. Садись на коня и галопом лети вперед... Там мелко-о-о. Цепляй на веревку бревно и тяни его к бе-е-ре-гу... Скачи сколько есть духу!.. Эх ты, чертова кукла! — уже тихо проговорил Тагильцев и, припадая на батожок, побежал вдоль берега.— И угораздило же его, все прошли, а он, как мешок, завалился... Прямее... Прямее скачи. На мысу поворачивай и гони прямо в воду...— снова кричал он, замедлив бег и тяжело переводя дыхание,— там перекат!..

Бурными пенистыми воронками была испятисена вся река; от берега к берегу ползла зыбкая свинцовая рябь; вперегонку неслись бревна, кучами плыл таежный мусор, прошлогоднее сено.

Расстояние между Вепринцевым и первыми порогами катастрофически сокращалось. Всей силой дикого, бушующего потока его влекло на гряду острых бойцовых камней, клыками стоявших поперек течения. А там, впереди — десятиметровая пропасть, на дне которой, как в аду, круглый год кипит ледяная вода. Серое водяное облако висело над водопадом, мельчайшие брызги на десятки метров покрывали здесь прибрежную землю; вокруг было сыро и жутко, густая курчавая зелень закрывала все, даже на голых холодных камнях цепко ютились изумрудно-бархатные мхи. Сколько неосторожного зверья поглотила эта водяная бездна!..

Илюша без усталости хлестал коня. Он слышал голос Тагильцева, мельком видел бестолковую беготню на том берегу, слышал замирающий с каждой минутой крик Вепринцева. Гибнет человек! Неужели не хватит

силы у коня? Он снова ожесточенно огрел его арканом, натянул поводья и ринулся к воде. Впереди, не дальше как в сотне метров, река будто выпрямилась и приготовилась к падению. Здесь уже не пятнили ее вертуны-камни, она была гладкая и ровная, как плавленное стекло. «Скорее!.. Скорее, а то будет поздно...»

— Держитесь!..— закричал Илья.— Сейчас подъеду-у-у!

Отсюда до Вепринцева оставалось несколько десятков метров. Бревно теперь летело прямо на камни. Илюша, осадив разгоряченную лошадь, взмахнул арканом.

— Ловите!— крикнул он и с прирожденной пастушьей ловкостью закинул аркан. Хлестнув тяжелым концом по воде, аркан упал поперек бревна. Вепринцев успел схватиться за спасительную веревку. Никакая сила теперь не вырвала бы из его рук этот мокрый веревочный конец. Он вцепился в него мертвой хваткой и не выпускал до тех пор, пока Илюша не подтянул его самого вместе с бревном к берегу. Соскочив с лошади, он подбежал к Вепринцеву, ухватил его под мышки и выволок на сухой, покрытый зернистой галькой берег. Вепринцев тотчас повалился на землю, протяжно застонал, раскинув обессилевшие руки.

— Теперь все... Теперь не страшно, мы на сухом берегу,— успокаивал Илья, растирая ему окоченевшие скорее от страха, чем от холодной воды, руки.

А Вепринцев лежал и ничего не чувствовал, только что-то нестерпимо горячее и яркое текло в его плотно закрытые глаза — это был свет солнца. Он лежал мокрый и беспомощный; его большое тело не двигалось, только редкие рыжеватые ресницы еле приметно вздрагивали да высоко поднималась грудь.

Илюша с трудом снял с Вепринцева размокший рюкзак, ослабил пояс, расстегнул пуговицы. Он вспомнил что в рюкзаке у Вепринцева вчера была фляга со спиртом. Он развязал лямки, вылил из рюкзака воду, достал пузатую солдатскую флягу. Сначала попробовал сам, поморщился, затем приподнял голову Вепринцева, влил ему немного спирта в рот, потом — себе в ладони и принялся растирать ему руки, грудь, плечи. Вепринцев зашевелил губами:

— Ох-х... Это ты, Илюша?

— Я.

— Ох-хо, хорошо, хорошо... — часто и устало зады-

шал он.— Оказывается, ты добрый парень... Я всегда был о тебе хорошего мнения. Я не забуду... В долгу не останусь, тебе будет хороший дорогой подарок, и еще несколько рублей получишь от меня... когда мы вернемся из этой... из этой проклятой тайги...

— Деньги, говорите?.. За что же?— чуть не крикнул Илюша, и его широкое лицо запылало гневом.

— А что?— открыл глаза Вепринцев.— Деньги, дорогой мой, всегда пригодятся.

— Не надо мне никаких подарков и денег,— глухо сказал Илюша.

— О да! Я и забыл, что ты комсомолец.

Илья до боли закусил губу. Тяжелые думы охватили его. Он вспомнил заброшенную шахту, Стрижа, притворно болтливого штейгера, водившего их по темным закоулкам выработки... «Нет, они не геологи. Несколько рублей... Да не скажет этого советский человек, так может сказать последний подлец...»

Вепринцев, кряхтя, поднялся, сел, шумно дыша, отпил из фляги еще несколько изрядных глотков спирта.

Пока он приходил в себя от пережитого страха, Илюша задумчиво складывал в пирамидку гладкие, отполированные рекой камни. Из его головы не выходили беспокойные мысли. «Надо, однако, с дядей Семеном поговорить... Он-то ведь их хорошо знает, в округе много раз виделись и вообще...»

— Отдохнули?— спросил он, глянув на Вепринцева.

— Кажется, да.

— Тогда поехали.

Илья поднялся и пошел к лошади.

32. ПУТЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ

С утра снова возник разговор о том, где лучше пробраться к Оленьему ложку: прямо ли, по неизведанным звериным троям, через хребты и голые скалы, или в обход, дальним путаным путем, вдоль берега безымянной речушки. Семен Тагильцев, видимо не особенно надеясь на свою ногу, предлагал не спеша двигаться по берегу.

— Неподходяще говорите, Семен Захарович, неподходяще,— укорчиво возражал Гурий.— Сколько же мы туда пройдем, по вашему расчету?

— Может быть, на денек позже придем... в этом нет ничего страшного,— спокойно и рассудительно доказывал Тагильцев.— Знаете что, дядя Гурий: тише едешь — дальше будешь. Что вы ни говорите — горы, а выше пойдут скалы, гольцы, может быть и снег где-нибудь лежит. Мы не альпинисты, снаряжения у нас нет.

— Это да... это пожалуй так,— штейгер готов был сдаться.— Году в двадцатом мне довелось здесь хаживать, так мы назад вернулись, не прошли...

Вепринцев, хотя и молчал, но на лице его было заметно волнение: на скулах под кожей, искусанной комарами, напряженно двигались и сжимались в тугие узлы мышцы, на лбу в гармошку собрались морщины. Он был угрюм и неразговорчив, не мог оправиться от пережитого страха. Прислушиваясь к разговору Тагильцева и Гурия, он опять подумал: «А может быть, уже давно сбился с пути и теперь идем бог знает куда?.. С такими проводниками все может быть... А, черт с ними, куда кривая вывезет... Сегодня ли, завтра ли — важно добраться».

Но вот поднялся с земли Оспан с длинной трубкой в зубах, подымил, чмокнул два-три раза губами и ухмыльнулся.

— М-да, друзья-товарищи... Однако в другом месте пойдем,— сказал он с невозмутимым спокойствием.— Тут не годится.

— Где же это ты другое место нашел?— юрко обернулся Гурий.

— Есть такое место... Может, никто не знает его, а оно есть.— Старый охотник задумчиво поглядел на высокие горы, темной стеной стоявшие на их пути, на тайгу.— И главное дело, прямая дорожка-то, до самого места так и доведет.

— Прямая, говоришь, Оспан?— оживился Вепринцев.

— Ей-богу, прямая, хорошая дорожка...

Гурий озадаченно почесал затылок.

— Я что-то других дорог туда не знаю.

— А всего-то, однако, никогда и не узнаешь,— посмеялся Оспан, узко сощурив глаза.— Хотя еще тебе одну жизнь дать, и все равно — попадет какая-нибудь пустяковина и задумаешься...

Двигались они теперь очень медленно, не шли, а плелись. Силы, видать, поизмотали, да и дорога была не

так уж хороша, как представлялась она всем по словам Оспана. Не дорога, а узкая звериная тропинка, проторенная между камней и деревьев. Всюду горы. Не успеешь передохнуть от одного подъема, как впереди в сизой мгле вырастает другой и того круче. Лошади останавливались через каждые десять минут и порывисто дышали, раздувая мокрые бока. А кругом дикая непролазная заваль тайги, поросшая кустарником, ягодником и жесткой колючей травой. Идти приходилось ощупью, все чаще в работу вступали топоры. Здесь даже птиц и зверей меньше стало встречаться. Свет солнца добирался сюда с трудом и не сразу, и земля почти не нагревалась, была она холодная и вечно сырая, подернутая зеленой плесенью. «Колумб не испытал, наверно, и доли тех мучений, какие приходится переносить мне,— думал Вепринцев, устало шагая за Тагильцевым и обливаясь потом.

И Тагильцеву нелегко доставалась эта дорога. В гору он поднимался легче, тут ему хорошо помогала крепкая палка, а уж под гору — хоть на брюхе сползай: изуродованная нога становилась настоящей обузой, ее надо было тащить осторожно, как дорогостоящую хрупкую вещь. Но Тагильцев по-солдатски, молча и терпеливо, переносил эти неудобства и трудности. Даже тяжелый рюкзак никому не позволял снять со своих плеч.

— Ну, ну, я еще как-нибудь дюжу. На войне пушку на себе таскал, и то спина целехонька осталась, а здесь единственный рюкзак, подумаешь, тяжесть...

Когда ему становилось неважно, он начинал говорить, чтобы на время отвлечься. За разговором путь от привала до привала казался короче и легче.

Обернувшись назад, Тагильцев взглянул на Вепринцева и, чуть задержавшись, покачал головой.

— Эх, дорогой Павел Иванович, плохо что-то тянешь, пристал однако?

— Да-а... Тяжеловато, Семен... Ты гляди, что делается впереди... Лезем, лезем, а конца не видать...

— Дорожка замысловатая, что и говорить, будто на небо поднимаемся,— поглядев вверх, сказал Тагильцев,— сложная дорожка... Вот и на фронте, бывало, так устанешь, что с ног валишься, глаза света белого не видят, а как грянули песню — и все прошло, будто тебя насквозь электрическим током просверлит,

— О да... Песня—замечательное средство...—закивал Вепринцев,— особенно там, на войне... душе легче.

— Да, тяжелое времечко довелось пережить,— в раздумье продолжал Тагильцев.— А всего горше отступление. И хватил же я его в первый год войны, этого отступления — сейчас забыть не могу... Вам, поди, тоже перепало?

— Как же,— быстро подхватил Вепринцев.— Конечно, перепало...

— Идешь день, другой, так устанешь, сказать невозможно, ноги подкашиваются... А немец бьет — жизни никакой нет... Кругом пальба, грохот, деревни пылают, как костры на масленице, города в щебень превращаются, люди, как очумелые, во все стороны мечутся, и кажется тебе, что всему конец наступил... Не знаешь толком, где фронт, где тыл,— кругом война идет... И такая тебя тоска-кручина захватит — ничего не мило. Подумаешь, бывало: «Неужели кругом фашист орудует? Неужели все?..» Тагильцев чуть пригнулся, ловко подкинул спиной рюкзак, поправил глубоко впившиеся в плечи лямки.

— Ну, а потом-то кончилось ведь отступление,— сказал Илюша.

— Само собой разумеется. Общеизвестный факт... Но не в этом вся соль...

— А в чем же?

Тагильцев сбил палкой нарядную бархатно-бурую головку татарника, подумал немного:

— Остановишься, бывало, где-нибудь на короткий отдых у железной дороги и видишь — навстречу летит полным ходом товарный состав и красные вагоны. Понимаешь, наши, четырехосные... А на боку такого вагона написано: «Построен Уралвагонзаводом...» Прочитаешь и вздохнешь полной грудью, на душе полегчает: «Нет, не везде же немец... Завод наш делает свое дело». И усталость сразу пропадает... Опять бежишь, но уж о другом соображаешь: о том, где бы сподручнее встать тебе да добрую сдачу по зубам отвесить... 'А когда началось наступление, тут уж, конечно, жизнь пошла по-другому. Куда там тоска девалась, весело, зажили... А составы эти так и шли за нами один за другим. В Германию вступили, чужая сторона, все чужое кругом, а посмотришь на железную дорогу — идут составы... По-

глядишь на него, на этот красный деревянный вагон,—как с родным братом встретишься. Крикнешь ему вдогонку: «Эй, братишка! Как там у вас дела-то идут?» А он тебе колесами отбивает, будто солдат рапортует: тук-тук — хорошо, тук-тук — хорошо, хорошо, хорошо... И покатил мой земляк с уральскими игрушками. Помашешь ему ушанкой и бежишь со всех ног вперед. Вот она подмога-то с тыла в чем заключается...

Они начали спускаться в обширную, заросшую дремучей тайгой падь. Вепринцев, украдкой покашываясь на Тагильцева, думал: «Удивительные, странные люди... Товарные вагоны успокаивали его в минуты тяжелых сомнений! Какая чепуха! Зачем я буду глядеть на чужие вагоны? Эх, если бы этот старый осел Дурасов не закопал в землю столько доброго металла, никогда бы не поехал в эту страну... Мне нужны деньги, нужно золото, а не идеи... Зачем мне их идеи?... Я хочу жить для себя, а не для грядущих поколений. Какое мне до них дело? Пусть дураки смотрят на пустые товарные вагоны, сколько им вздумается». Но как же труден и тяжел путь до этого золота. И как все выглядело легко и просто там, в Америке, в Италии, во Франции... После каждого удачного дела он сорил по притонам легко доставшимися деньгами, играл, сбивая с толку шулеров, покупал газетных репортеров и полицейских. Жалкие музыканты, стоя на коленях, встречали его оглушительным джазом, когда он появлялся в ночных кабаре. «Ох, добрый, славный Чикаго... С каким удовольствием я вспоминаю о тебе в этой первобытной глуши...»

К обеду они спустились в долину. Щедро светило солнце. Густое цветущее разнотравье будто китайским ковром застилало землю. Над обилием цветов кружились пестрокрылые бабочки, сердито гудели толстогузые полосатые шершни, легко и трепетно висели бирюзовые стрекозы. Так и хотелось повалиться на эту теплую, пахнущую грибами и травяным прахом землю, захватить полную охапку сочной зелени и дышать полной грудью, а потом скинуть с ног тяжелые сапоги, потянуться на траве, по-детски побарахтаться и заснуть.

Оспан снял с головы старый солдатский картуз с выгоревшим облинялым околышем, пригладил ладонью свалаявшиеся, влажные от пота волосы и, поглядывая на лошадей, сказал:

— Ну вот, подошло время и с конями разлучиться... Придется их, однако, здесь оставить.

— И багаж здесь оставим?—спросил Илюша.

— Об этом уж ты меня не спрашивай, начальники есть, а мое дело маленькое... скажут на себе тащить — потащим, прикажут бросить — бросим...

— Еще одна новость,— хмуро произнес Стриж. Он осунулся за эти дни, еле шел и теперь обычно ни во что не вмешивался.— Пока лазим по этим кручам, без штанов останемся, все придется бросить для облегчения.

— Это еще ничего, не страшно,— улыбнулся Тагильцев.— Хуже будет, если, пока мы добираемся до ложка, наших лошадок волки скушают.

— Все может случиться,— развел руками Оспан.— Волку много ли времени надо? Один момент — и от лошади мослы останутся.

— Обрадовал,—сказал Стриж, сердито плюнув.

— Ну-ну, без паники, друзья мои, больше уверенности,—весело прикрикнул Вепринцев.— Я думаю, что мы теперь находимся на пороге Оленьего ложка. Не так ли, дядя Оспан?..

Старик утвердительно закивал головой, глотая зеленоватый дым.

— Пообедаем здесь; а к ужину, однако, там будем,— ответил он, сощутив в улыбке глаза.

Жалко было Илюше оставлять своих крепких гривастых лошадок в тайге без присмотра, но нечего было делать. Он отвел их на чистый лужок, зеленым пятном лежавший на дне долины, и, отпустив, долго еще стоял и думал: придется ли вновь вскочить на спину полюбившегося ему карьки? С тяжелым чувством возвращался он к спутникам и твердо решил сегодня же переговорить с Тагильцевым по поводу своих подозрений...

Вскоре Оспан привел всех к огромной отвесной скале и указал на черную непроглядную щель, зиявшую в ее основании.

— Видите?

— Что это?— спросил Вепринцев, и голос его заметно дрогнул.

— Пещера.

— А какое нам до нее дело?

— А вот через нее и пойдем,—к общему удивлению заявил Оспан.— Наглядывайтесь вдоволь на белый свет

да запасайтесь хорошими смолевыми факелами, и будем в путь-дорогу трогаться.

Стриж заворчал:

— В такой дыре еще не были. Приведешь нас прямо к чертям на ужин.

— Боюсь, что они встретят нас без восторга и не поднесут по бокалу хорошего вина,— засмеялся Вепринцев.

— А неплохо бы с чертенком чокнуться,— повеселел Гурий.— Хоть я и православный человек, а от такого удовольствия ни за что бы не отказался, так и быть, еще один грех принял на свою душу, бог с ним.

— О, я думаю, в недалеком будущем представится вам такая возможность,— продолжая смеяться, ответил Вепринцев, заговорщически подмигнув Тагильцеву.

В пещере было темно и сыро; кое-где на ее кремневых уступчатых стенах белесой пылью лежал иней, звонко и редко падали вниз тяжелые капли воды. Когда путники вошли в ущелье, их обдало холодом: откуда-то из жуткой непроглядной мглы прямо в лицо дул студеной сырой ветер. Оспан натянул на плечи телогрейку, поглубже нахлобучил картуз и, запалив факел, вышел вперед.

— Так за мной и держитесь,— сказал он, показав направление пылающим факелом.— Торопиться не надо: за нами никто не скачет, под ноги поглядывайте, по сторонам...

— А что под ногами, пятаки разбросаны, что ли?— пошутил Тагильцев.

— Заглядишься, так, однако, и целковый может подвернуться.

Они медленно пробирались по узкой, забитой холодными, острыми камнями трещине. Тусклый, лихорадочно скачущий свет факелов, затянутый прогорклым смолистым дымом, освещал только малый кусок оранжевой мглы под ногами, дальше — тьма, ледяные скользкие стены. Тагильцев шел в трех-четырех шагах позади Вепринцева, но почти не видел его; только широкая, как глыба серого камня, спина медленно и грузно покачивалась в сумрачном отсвете факелов.

Щель с каждым метром сужалась, близость неровных стен уже хорошо чувствовалась плечом; рюкзак то и дело задевал за камни; под ногами хлюпала грязь.

«Нет, пожалуй, лучше было идти в обход... Так хоть воздухом чистым подышишь, природой полюбуешься,— подумал Тагильцев.— А здесь — холодная могила, дышать трудно...»

Невольно вспомнился дом, товарищи по работе, последняя встреча с капитаном Шатеркиным... Вспомнил Власа Керженекова, недавнюю рыбалку на полуострове и с грустью подумал: «Пропал человек ни за понюх табаку...» Много было хороших друзей у Тагильцева, и многих он потерял. Конечно, всех жалко, но то была война, а здесь... Не помнил он еще столь нелепой смерти, как эта.

Звонко хлюпала под ногами вода, ползли по стенам несуразно огромные тени.

— Держись право — обрыв! — глухо крикнул Оспан.

— Держись право — обрыв! — густым басом повторил Вепринцев.

— Держись право — обрыв!..

И пошло гремучее эхо по тесной каменной трещине.

Когда Илюша проходил мимо обрыва, он не устоял перед соблазном: нащупал ногами камень потяжелее и кинул его в черную бездну. Прислушиваясь, он уловил протяжный свист камня, потом где-то внизу раздался сильный удар, второй, третий... и вдруг там, на дне пропасти, загремело. «Вот это ямка,— подумал Илюша.— В такую угодишь — не скоро выберешься...»

От обрыва шель стала шире. Далеко по сторонам крались оранжевые тени огней, отлетал в черную темень горький смолистый дым. Воздух стал чище и суше, стало возможно дышать полной грудью. Под ногами больше не хлюпала грязь, не плескалась вода. Путники завернули за выступившую вперед скалу и вдруг остановились, пораженные необыкновенной картиной. Впереди перед ними все сияло, вспыхивало и переливалось яркими радужными огнями. Казалось, что они стоят не в глубокой холодной пещере, а в огромном зале сказочного дворца, украшенного несметными богатствами.

Путники стояли в оцепенении и не трогались с места. Даже равнодушный ко всему Стриж поднял голову и не мог оторвать восхищенного взора от волшебного сияния. Нет, это не пещера! Будто неведомые чародей-зодчие тонкими искусными резцами высекали

в черной горе древний храм и, не скупясь, щедро украсили его дорогими самоцветами. Здесь все горело: и стены, нисходившие причудливыми неровными зубцами, и потолок, с которого местами до самого пола спускались ажурные, сверкающие каменьями украшения. Группы стройных голубоватых колонн легко, но надежно подпирали невидимый снизу купол пещеры. Тагильцев поглядел вверх. Далеко, в черной недосягаемой высоте, ослепительно ярко горело огромное солнце. «Что это значит?—прошептал он.— В глубине пещеры, в подземелье, такое солнце?..» И чем дальше и безотрывней глядел он в темно-синюю мглу, разорванную мощным лучом света, тем, казалось, все выше и выше поднималось на черном небе это сказочное светило. Тагильцев поглядел по сторонам. Справа от него светило еще одно яркое солнце, только оно было удивительно голубое. И тут его осенило:

— Да это же небо заглядывает!.. Наверху, наверно, такая же трещина, как и та, по которой мы попали в эту пещеру, против нее — солнце...

— А ты, однако, думал, солнышко забралось сюда?— лукаво ухмыльнулся Оспан.— Думал, черт в мешке его сюда затащил и выпустил?.. Нет...

— Ну, кто бы его сюда ни затащил, это великолепно! — вмешался Вепринцев.— Я никогда не видел ничего подобного. Слишком много красоты и богатства природа бросила в подземелье...

Вдоволь налюбовавшись невиданной красотой подземного дворца, путники прошли вдоль всего обширного зала пещеры и скоро опять оказались в узкой холодной трещине. Опять лез в глаза горький зеленый дым факелов. Опять в кривых закоулках и шелях расползался шорох. Но недолог был этот путь. Впереди показалась полоска света. Она была узкая и тонкая, словно белая жилка кварца в глыбе черного гранита, но с каждым шагом вперед разрасталась, ширилась. И вот уже необъятное море голубого теплого света вышло навстречу усталым путникам.

Когда они вылезли из пещеры и поглядели друг на друга, то невольно все рассмеялись: они были неузнаваемы; только глаза и губы выделялись на черной, блестящей лакированным глянцем коже.

— Ого-го-го... Ха-ха... — басил Вепринцев, указывая

большим грязным пальцем на Стрижа.— Бьюсь об заклад, что это не младший геолог, а египетская мумия, извлеченная из древнейшего саркофага.

— А ты?...— жалко улыбнулся Стриж.— На кого ты сам-то похож?

— А штейгер наш...— смеясь, повернулся Вепринцев к Гурию.

Гурий был смешон и страшен. На его кривых, согнутых ухватом ногах гармошкой висели истерзанные сапоги, грязные и мокрые портянки вылезли из них наружу. Большое круглое лицо было черно, как голенище, и все, от широкого лба до подбородка, исписано морщинами, которые теперь были особенно заметны. «Сатана кривоногая,— подумал Оспан, жмурясь от ослепительного тепла.— Чистая сатана, и уши большие, как лопухи, только рогов не хватает...»

— Ну, а где же долгожданный ложок, старик?— перестав смеяться, спросил Вепринцев.

— Вот он, ложок-то,— показал Оспан чубуком трубки.— Считай, дошли, теперь до него рукой подать...

Но все так устали, что не в состоянии были двигаться дальше. Как только они спустились по камням к зеленой поляне, один за другим попадали в теплую и мягкую, как начес шелка, траву и заснули.

33. ТАГИЛЬЦЕВ ОТКРЫВАЕТ ТАИНУ ИЛЮШЕ

Весь остаток дня отдыхали — так распорядился Вепринцев,— приводили в порядок поизносившуюся одежду и снаряжение. Гурий, за обедом перехватив лишку, спал, оглашая полянку глубоким прерывистым храпом. Оспан давно ушел в горы, прихватив с собой ружье. Только один Вепринцев не находил себе места. Был он сегодня необыкновенно подвижен и весел. То ворочал десятипудовые камни, то, словно медведь, озорства ради, начинал гнуть к земле высокую прямую березу, то, как легкомысленный подросток, бегал вдоль крутого обрывистого берега, спуская к воде шумящую осыпь древних камней. Будто ядреный хмель буйно играл в его мышцах. И все ему сегодня было мило и хорошо, всеми он был доволен, всему был рад.

— Эй, Стриж! Пойдем на ту горку сбегает,— крикнул он, запустив в дремавшего карманника увесистой зеленой шишкой.

Тот вскочил и схватился рукой за бок.

— Мне и здесь неплохо.

— А может быть, сбегает?—засмеялся Вепринцев и запустил в Стрижа еще одну шишку.

— Пошел ты к черту со своими игрушками!— заорал Стриж, схватив подвернувшийся камень.

— О-о, ты кажется, всерьез?!

— А ты шутишь?.. У меня от твоих шуток, наверно, бок почернел, как свиной окорок.

Вепринцев захохотал, с силой размахнулся и запустил последнюю шишку далеко в воду. Немного постоял и пошел один. Под его тяжелым шагом сухо трещал валежник. Иногда чуть не из-под самых ног с тревожным криком срывались молодые глухари. В одном месте у него из-под носа рванулся дикий козел — гуран, и так отрывисто и страшно рявкнул, что Вепринцев даже присел, обхватив руками большой крапчатый валун. «Ох, черт возьми! И чего только нет в этой тайге!.. Кажется, только удавов и обезьян, остальное все есть. Еще, может быть, для крокодилов неподходящий климат...» Он подобрал палку потолще и подлиннее и стал подниматься выше. Теперь он шел смелее, размахивая вокруг себя суковатой дубиной, и орал во всю глотку.

— Ого-о-о-о, ого-о-о-го-го!

Поднявшись на вершину горы, Вепринцев с трудом забрался на голую и горячую скалу, обросшую с теневой стороны сухим хрупким лишайником. Глубоко внизу распростерлась обширная падь, вся в темной курчавой заросли. По одну сторону пади — скалистый, чуть не под самое небо хребет, тот самый, в черной утробе которого прекрасной жемчужиной таилась пещера, по другую — гряда невысоких косматых сопков.

— Вот и ложок,— со вздохом облегчения произнес Вепринцев.— Олений ложок! Теперь ты никуда не уйдешь от меня, никуда... Вот где ты!...— потряс он мохнатым большим кулаком. — Ах ты, ложо-о-к. Оспан все же молодец, что привел нас через эту дыру прямо к ложку, а не на Заречную сопку... Там, возможно, уже ничего не осталось, а здесь пока нетронутый заповедник. И Дурасов больше всего рассчитывал на это место...

Он достал из кармана записную книжку и долго рассматривал условную схему местности, потом внимательно поглядел вокруг, опять — в книжку.

— Так и есть...— рассуждал он сам с собой.— Дурасов говорил, что от этой высокой горы нужно отступить вправо, отсчитать две сопки, так, кажется?— Он поднял голову и стал считать:— Одна, две три, четыре... что за ерунда? Я, кажется, ошибся?— Он снова пересчитал, тыча в пространство пальцем.— Ага, вон та самая... приплюснутая, как деревенский каравай хлеба, о ней он и говорил... Да-да, вторая от края... И там этот глубокий шурф, в который надо спуститься... Только одно небо увидит, как я вспорю толстое брюхо у этой сопки и вырву оттуда двенадцать пудов червонного металла... Ну что же, на первый случай это не так уж плохо, а там другие сопки...— Он улыбнулся и спрятал книжку в карман.

Сгущались сумерки. Внизу клубисто и бойко задымил костер. О неприступную скалу в тревожном отчаянии билась разгневанная река; где-то в глубине пади тоскливо заскрипело старое дерево. Вепринцев поежился от свежего ветра и стал торопливо спускаться с горы...

Если Вепринцеву при виде Оленьего ложка, лежавшего теперь у них под ногами, рисовались заманчивые перспективы и хотелось кричать во все горло от неумной радости, то Семену Тагильцеву было не по себе. Особенно испортилось его настроение после выхода из пещеры, когда на вопрос, скоро ли они доберутся до Заречной, Оспан ответил, что Заречная осталась в другой стороне и что туда они попадут не иначе, как на обратном пути. «Вот это называется удружил...— выругался в душе Тагильцев.— Ах же ты, старый хрыч!.. Ну а как же я, дурная голова, раньше не подумал, что мы, залезая в эту пещеру, отступаем от маршрута?..»

Теперь он все больше убеждался в том, что возможность связи с капитаном Шатеркиным, о которой он не переставал думать все эти дни, окончательно утеряна. Первая встреча, которая должна была состояться еще в Рыбаках, не состоялась по неизвестным причинам. Вторая встреча была назначена в районе Заречной сопки. Тагильцев хорошо понимал безнадежность сво-

его положения и не видел выхода из него. Он уже теперь ничего не мог изменить, все сложилось так, как нужно было не ему, а Вепринцеву. Что же делать?

В раздумье об этом и застал Тагильцева Илюша. Он подошел к нему, когда Тагильцев, постирав белье, развешивал его на кустах крушины.

— Чего не спишь?

— Давно выпался, не хочу,— не сразу ответил Илюша. — Пойдем искупаемся...

Они спустились к реке. Мелкая каменная осыпь ползла из-под ног прямо в воду, больно колола босые ноги. В небольшом покойном мыске скопилось десятка полтора сосновых бревен, занесенных сюда изменчивой струей. Илюша легко прыгнул на первое от берега бревно, с него перешагнул на другое и, усевшись на обсохшую кору, спустил в воду ноги.

— Как в колодце... даже судорога схватила...

— Умойся и хватит,— сказал Тагильцев. — Купаться все равно нельзя, видишь, камни везде торчат... еще брюхо распорешь.

Река сердито ворчала и пенилась; там, где она ожесточенно билась о камни, в воздух поднимались тучи мельчайших радужных брызг; над водою, чуть не касаясь ее, черными стрелами пролетали стрижи, гнездившиеся в прибрежных скалах, изредка звонко плескались хариусы, преодолевая попавшие на пути камни.

Илюша умылся, вытер майкой лицо и спросил:

— Кого это мы все-таки ведем?

Тагильцев, неловко примостившись у толстого обшукренного бревна, подбитого к берегу, стал умываться. Он хотя и хорошо расслышал вопрос Илюши, но сделал вид, что не понял, и даже не повернул головы в его сторону.

— Нет, ты все же ответь,— добивался своего Илюша.

— Как, то есть, кого?— отфыркиваясь, спросил Тагильцев. Он смочил густые черные волосы, отряхнул сильно покрасневшие руки и отошел от воды. — Геологи какие-то, поисковики... Да и чего спрашиваешь, не видать, что ли, их?

— По форме — геологи, тут ничего не скажешь... В геологии-то они разбираются, по-моему, не больше, чем петух в жемчужных зернах.

— В этом я мало что понимаю, парикмахерское дело, к сожалению, ничего не имеет общего с геологией...

— Да-а,— озадаченно произнес Илюша.— Понимаешь, они мне почему-то очень не нравятся... Я вот что-то чувствую, что-то подозреваю, а сказать прямо, уличить не могу... факты такие...

Илюша мачинал горячиться, его раздражала и собственная беспомощность и удивительная беспечность Тагильцева. Горячность, с которой парень пытался доказать свои подозрения, настораживала Тагильцева: вдруг Илюшка по своей юной запальчивости возьмет да и решится на какой-нибудь необдуманный шаг, и тогда — провал. Он решил яснее выявить основу тех подозрений, которые беспокоили юношу.

— А по-моему, ты зря ломаешь себе голову,— сказал он.— Видал, сколько орденов и медалей у Павла Ивановича? Они, имей в виду, просто не достаются, их большой кровью заслуживают.

— Ленточек он нацеплял порядком. И Берлин он штурмовал, и Вену успел взять, и в Москве на постоянное жительство прописался.

— Как это так?

— Очень просто: у него, как у коренного москвича, медаль «Восемьсот лет Москвы».

— А ты, оказывается, наблюдательный человек, Илюшка,— заметил Тагильцев. Тень благодущия исчезла с его лица.— К чему ты ведешь этот разговор, все-таки?

— К чему веду разговор? А вот к чему: давай задержим их, доставим на рудник и сдадим куда следует, а там с ними быстро разберутся.

Тагильцев с удивлением поглядел на племянника.

— На каком же основании ты их удержишь? Ты что, поймал их на чем-нибудь? Разоблачил как преступников? Они тебе не нравятся... С таким основанием можно любого встречного задержать. Нет, так, дорогой мой, не делают.

— А что же делать?— не сдавался Илюша.

Тагильцев понял, что сомнения Илюши не рассеялись, что он не успокоится, и решил поговорить с ним откровенно.

— Тебя интересует вопрос: что делать дальше? Так вот, слушай.

Илюша насторожился, теперь в голосе Тагильцева чувствовались иные нотки: он не просил, а требовал.

— Конечно, ты прав, люди эти нечестные и подозрительные, это я давно понял и решил, что надо быть начеку. Однако, как и ты, я не имею сейчас никаких оснований для того, чтобы задержать их. Куда они идут — мы с тобой знаем, потому что сами ведем их, а вот зачем они туда идут, ты знаешь?

— Они, по-моему, что-то ищут,— ответил Илюша.

— Вот и хорошо, значит, и мы вместе с ними найдем. И, стало быть, тем более надо держать ухо сейчас остро, но не кипятиться, как ты это делаешь. А какие меры принять, об этом надо подумать.

— Связаться с районом, — решительно сказал Илюша.

— Это правильно. Надо как-то добраться до лесной сторожки и позвонить оттуда в районный отдел милиции, позвать к телефону капитана Шатеркина, а если его нет — доложить самому начальнику, где мы находимся.

— Так это же всего проще сделать!— воскликнул Илюша.

— Не так-то просто...— вздохнув, возразил Тагильцев.— Надо найти предлог для того, чтобы отлучиться из нашего лагеря и чтобы это не было подозрительным для них.

— Ах, вон что... Ты думаешь, это очень трудно?..

Из-за ствола старой дуплистой лиственницы прямо на них вышел Вепринцев.

— Вот вы куда уединились, друзья мои!— крикнул он и громко рассмеялся. Тагильцев поднялся ему навстречу и как ни в чем не бывало простецки заулыбался.

— Искупаться хотели, да вода уж больно студеная, так и хватает, страсть холодная...

34. ИЛЬЯ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

В эту ночь, пожалуй, беспокойней всех спал Илюша. Он думал о разговоре с Тагильцевым. А ведь и на самом деле, как оставить своих спутников без серьезной и

вполне объяснимой причины? Это же не где-нибудь в населенном пункте, а в тайге. Вдруг сквозь трепетный ночной шорох ему послышался чей-то тихий и вместе с тем резковатый шепот. Илюша прислушался — разговаривали Стриж и Вепринцев. Они лежали у потухшего костра; кто-то из них курил.

— Когда же начинать будем?— спросил Стриж, которого Илюша узнал по сипловатому голосу.

— Непременно завтра,— отрывисто ответил Вепринцев.— Дальше я не могу тянуть эту канитель, у меня больше нет ни малейшего желания откармливать своей кровью комаров.

И опять разговор надолго затих. Слышно было, как покашливал Стриж да уныло шелестела трава под короткими порывами ветра.

— А как с ними?.. Делиться будем?

— Дурак!— коротко бросил Вепринцев.— Как был мелким карманником, так и останешься. Не знаешь, что полагается делать в подобных случаях?

— Ты хочешь...

Вепринцев не дал договорить ему.

— Бываешь же ты иногда умным и догадливым человеком,— сказал он и с ехидной усмешкой закончил:— Ну, а теперь давай спать, мой дорогой техник.

Илюша почувствовал, как в нем все закипело; тесной и душной показалась ему прохладная таежная ночь. Он готов был сейчас же подняться и немедленно, не теряя больше ни одной минуты, действовать.

Все еще спали, когда Илья поднялся. Сырой студеный туман завалил падь; с деревьев осыпались мелкие капли воды. А на небе ни одной тучки — утро началось тихое, светлое. У реки, в заросших ложках, трескуче перекликались коростели; где-то недалеко, на сухойстойной сосне, сварливо стрекотали сороки. Илюша принес охапку валежника и разжег костер. Потом взял ведро и спустился к реке. Когда он подошел к тем самым бревнам, с которых они умывались вместе с Тагильцевым, в нем вдруг вспыхнуло дерзкое желание сейчас же оттолкнуть от берега одно из этих бревен и уплыть на нем вниз по реке.

«Вот это идея!— с радостным волнением подумал Илюша.— Через пятнадцать-двадцать минут я уже буду возле наших лошадей, а там все дороги открыты».

План был простой и в то же время рискованный, но последнее меньше всего беспокоило Илюшу. Он думал в эту минуту не об опасности, а о том, как предупредить Тагильцева и стоит ли вообще предупреждать, когда все и так ясно. Нужен был только предлог — он есть, причем самый неожиданный, такой, который не может вызвать никаких подозрений.

— Эдак, пожалуй, еще лучше, — прошептал Илюша. — Никто ничего не будет знать...

Но плыть на одном бревне по дикой порожистой реке не сулит ничего доброго. Он вспомнил, что в его вещевом мешке лежат вожжи, захваченные на всякий случай. Не раздумывая долго, он зачерпнул ведро воды и побежал наверх. Спутники его еще спали, только Оспан, часто позевывая, возился у костра и подкидывал хворост. Поставив перед ним ведро, Илюша быстро распотрошил мешок, вытащил из него вожжи и снова побежал к реке. Не успел Оспан оглянуться, как Илюши и след простыл. Спустя несколько минут из-под горы донесся его отчаянный крик. Все сразу вскочили и бросились к берегу, но Илья был уже на середине реки. Неуверенно балансируя длинным шестом, он стоял на двух прижатых друг к другу бревнах и что-то из всей силы кричал.

— Доигрался, шалопай!... — зло прохрипел Вепринцев и ожесточенно плюнул.

— Его нужно спасать!.. Бежим! — закричал Тагильцев.

Оспан схватил длинную жердь и кинулся к воде, за ним побежал Стриж, Гурий. Но что они могли сделать? Плот, на котором стоял Илюша, течением втянуло в узкий фарватер, подхватило мощным кипучим потоком и понесло.

— Возьми шест в руки... Правь хорошенько-о-о, а то разобьет об ска-лу-у... — вдогонку крикнул Оспан и сокрушенно добавил: — Эх, Илюха, Илюха, непутевая головушка...

Скала, которую нужно было бояться больше всего, промелькнула справа от Ильи, и только крутая пенистая волна кинулась от нее вдогонку, но опоздала. Тагильцев, следивший с замиранием сердца за Илюшей, облегченно вздохнул и подумал: «Эх, и горячий же ты парень, Илюшка. Молодец, хорошо придумал...»

На берегу, на кустах чернотала, висела верхняя рубашка и куртка Илюши. Оспан подобрал все эти пожитки, сунул под мышку и покачал головой:

— Вот и выкупался, язви его... Нет бы с берега помыться, полез на бревно... Эх, разиня.

— Очень глупо получилось...— скорбно моргнув, заметил Гурий.— Но он ведь мог еще успеть прыгнуть в воду...

— Куда ты прыгнешь?— сердито возразил Оспан.— Видишь, как крутит да со дна выбивает. Тут сразу крышка...

— Вперед умнее будет,— небрежно бросил Вепринцев и, закинув за спину руки, чуть сутулясь, тяжело зашагал в гору...

Илья в это время думал о том, удалось ли ему ввести в заблуждение своих спутников, не распознал ли кто-нибудь его истинных намерений. Тяжелый неповоротливый плот летел с курьерской скоростью. Вокруг все гремело, пенилось, клокотало. Илюша был мокрый до последней нитки от брызг, окатывавших его возле каждого камня. В одном месте плот с огромной силой врезался в узкий тесный пролет между двух черных валунов. Илья почувствовал сильный толчок, бревна ходуном заходили под ногами, и короткий свистящий скрежет заставил его содрогнуться. «Ну и несет же... Только бы гидростанции строить на этих порогах...»

Но вот река неожиданно и круто повернула влево, оттолкнулась от каменной стены хребта и широкой серебристой лентой вытянулась по зеленой долине навстречу солнцу. И сразу будто огонь запылал над рекой, будто не вода, а плавленное серебро потекло по ее каменному ложу и заиграло на перекатах. Илюша увидел тот берег, от которого только вчера начался их путь в пещеру.

Лошади спокойно паслись в ложке, где их оставили накануне. Все шло как нельзя лучше. Даже река — самая страшная преграда — и та не помешала, а помогла ему. Отдохнувшие за ночь кони были готовы к новому трудному походу. Илюша поймал карего мохноногого коренника — он был выносливей и крепче пристяжки — всыпал ему в торбу добрую порцию зерна, оставленного вчера под сосной, нашел в мешке кое-что и себе пожевать и, наскоро перекусив, тронулся в путь.

Километра три он ехал крупным шагом, чтобы разогреть коня, потом перешел на широкую рысь, а там, где дорога была чище и ровнее, бросался в короткий и смелый галоп.

Прошло не меньше трех часов с тех пор, как Илюша оставил лагерь. Много километров трудной дороги осталось позади. Конь уже блестел, как лакированный сапог, и пенистое мыло белыми хлопьями срывалось с него. Илюша сам был мокрый от пота и серый от пыли. а белая нижняя рубашка на нем была во многих местах разорвана и, словно украшение шамана, развевалась по ветру. Но он не замечал ничего и думал только об одном: успеет ли вернуться вовремя.

Извилистая таежная тропинка бойко спускалась под гору. Еще с голой вершины хребта Илья заметил далеко внизу дорогу, которая вела к старому руднику. Сердце его сжалось от радости. Он оглянулся назад и, по-озорному гикнув, стегнул коня.

— А ну, нажми еще разок, карька!..

Но в то время, когда Илюша, охваченный напряженным порывом скачки, видел перед собой только кусок тропы, грубо прошитый корнями кедров и лиственниц, под ним что-то глухо хрустнуло, и вдруг все пошло колесом: лошадиная грива, деревья, камни, тропа... В этой страшной карусели он услышал дикое ржание коня, и на этом все оборвалось...

Дряхлый ворон, дремавший на опаленной вершине кедра, нехотя повернул тяжелую голову, моргнул остекленевшими от голода глазами и, хрипло каркнув, слетел к тропе. Он учуял дурманящий запах горячей крови.

35. НА ЗВЕРИНОЙ ТРОПЕ

Илюша открыл глаза, уперся руками в каменистую землю, недоуменно поглядел вокруг. Лицо его было в кровотокающих ссадинах; одежда изорвана, в черные растрепанные волосы набилась сухая хвоя и мелкие листочки брусничника, а голова была такая тяжелая, что, казалось, сейчас только одна она и мешала Илюше немедленно подняться на ноги. Но он все-таки нашел в себе силы побороть эту тяжесть и, подобрав под себя ноги, сел; ощупал голову, руки, ноги, поводил плечами—жив и цел, затем стал вспоминать, как случилось это

несчастье. Однако память не поддавалась усилиям. Много ли, мало ли пролежал он возле этого корявого, полусгнившего на корню кедра — не вспомнить.

— Ох-хо-хо,— порывисто вздохнул Илюша и поморщился от боли. А над хребтом жарко полыхала заря. Тайга наполнялась густым сумраком; вверху, в розовой мгле, глухо шумел свежий ветер, покачивая макушки мачтовых сосен; где-то недалеко, на сухой звонкой лесине, тоскливо постукивал неугомонный труженик-дятел. На тропе, под небольшим обрывом, недвижимо лежала Илюшина лошадь. По ее голове смело, с гордым хозяйским видом разгуливал старый ворон. Тучи мошкары и мух уже витали над трупом лошади. А всего в каких-нибудь десяти шагах, в неглубокой ямке, дрожа и тонко поскуливая от нетерпения и голода, таилась ободранная, в клочьях линялой шерсти лисица.

Когда Илья поднялся, пошел к лошади, ворон, зло и отрывисто каркнув, поднялся на дерево, нехотя перебежала в другую промоину лисица. Илюша остановился, потом присел возле оскаленной лошадиной головы.

— Как же все это произошло?!— в отчаянии произнес он, сжав кулаки. Он осмотрел обрыв, кучу прибитого водою хвороста на дне обрыва, большие острые камни, о которые разбилась лошадь.— Должно быть, споткнулась об эту лесину, упала... Эх, карька, карька... Надо что-то придумать... что-то сделать...

В тайге с каждой минутой становилось темнее и глуше, неудержимо расплывались по земле уродливые тени. После сильного ушиба Илюша плохо еще ориентировался в окружавшей его обстановке, все тело ныло, мышцы напряженно вздрагивали. Он глядел на крутой каменистый склон горы, по которому едва приметно спускалась звериная тропка. Страшно было подумать, что он остался один, почти на полпути к цели, еще страшнее была мысль: что там, в лагере?

Они, наверно, хватились и, может быть, уже ищут его по тайге... Илюша, охваченный волнением, прошептал:— Что я сделал?.. Что сделал?.. Почему я ничего не сказал Семену? Бандиты эти их перебьют, и только один я буду виноват в этом. Ну, что я сижу здесь? Надо сейчас же действовать...

Он вскочил с места, и, прихрамывая, пошел, переходя от дерева к дереву. Ноги несли его неуверенно, но

он все же двигался вперед. Вот он опустился в ложок и остановился возле большого куста рябины. Выдернул из-за пояса охотничий нож, вырезал крепкую палку. Потом нарвал жестких, еще зеленых ягод рябины и стал их жевать. Как ни горьки были незрелые ягоды, он ел их много и жадно и словно не чувствовал, как стягивало все во рту, как деревенели зубы.

— Скорее бы добраться до этого зимняка, а там до сторожки рукой подать...

Палка немного помогала — шаг стал устойчивее, тверже, но наступившая ночь не позволяла двигаться быстро. Илюша был уже весь мокрый, в глаза стекали соленые и едкие, как нашатырь, капли пота.

— Еще, может быть, с час — и дорога...

Где-то в горах жалобно застонал сыч, в ответ ему, словно дьявол, задорно и бесновато захохотал филин — ночная жизнь пробуждалась и торжествовала. Хоть тропинка уже совсем растворилась в ночи, Илья пока шел, не сбиваясь с курса.

Он уже не чувствовал ни усталости, ни боли. Местами, где попадались чистые полянки, бежал бегом, перепрыгивая небольшие завалы и промоины. Одна

мысль теперь владела им: успеет ли он сделать что-нибудь, что предотвратило бы несчастье?

Поскорее до сторожки добраться, там все можно сделать: живые люди, телефон...

Перелезая в одном месте через трухлявый ствол сосны, преградивший тропу, Илюша спугнул старого гурана. Зверь, боднув рожками, отскочил в сторону и на мгновение замер, словно приготовился к отчаянному поединку.

— Ну и дурак же ты — не трону! Ишь, какой храбрый...

Через несколько минут мимо Илюши черными силуэтами пронеслись две козули и так же, как гуран, пошли вверх по тропе, помаячив в потемках белыми коротенькими «штанами». Илюша, занятый своими мыслями, даже не остановился, не свистнул вдогонку. Но едва только козы скрылись в чаще, как на тропе появились другие, такие же настороженные и стремительные. Они шли в одиночку и парами, шли, видимо, на водопой к реке, которая протекала по ту сторону хребта, а может быть куда-нибудь к озерам, на солонцы.

На следующей полянке Илюша увидел тройку маралов. Они пронеслись крупной лошадиной рысью. Впереди, грудью расчищая путь, шел огромный и сильный пантач, всегда готовый к отпору.

«Откуда их прорвало?» — на минуту остановившись, подумал Илья. Но долго раздумывать было некогда. Одно он знал: идет по звериной тропе, и встреча с дикой козой, с маралом — дело вполне обычное. Быва-

ло, он не раз сиживал с берданкой в руках на таких тропах, с волнением поджидая сторожкого зверя.

Но вдруг недалеко, в темном овражке замелькали какие-то синеватые огоньки, потом жуткий протяжный вой голодного зверя потряс стоялую тишину ночи. Илюша вздрогнул, схватился за шершавую рукоять ножа.

— Волки!..— И тут его осенила догадка.— Вон, оказывается, что: помешал я вашей охоте, разбойники...

Илюше и раньше приходилось слышать рассказы старых охотников о том, что волки частенько подкарауливают козуль, маралов и даже зайцев на их переходах и не только подкарауливают, а устраивают настоящие загоны: одни преследуют и гонят зверя, другие находятся в «засаде», поджидают его на тропе и здесь хватают. Это открытие встревожило Илью: голодный зверь может напасть не только на козулю, но и на безоружного человека.

— Пожалуй, надо убираться с этой тропинки... а не то попадешь на волчьи зубы.

Он постоял еще немного, с напряжением вглядываясь в предательскую темноту, и сошел с тропы. Тайга будто вцепилась в него своими сильными корнями. Теперь он не шел, а полз изо всех сил, то по-пластунски, то на четвереньках, преодолевая завалы, продираясь сквозь колючие цепкие заросли ягодников и чернолесья. Прошло около часа, может быть меньше. Илья вышел на прошлогоднюю гарь, в полосу мертвого леса. Здесь все в трауре, все черное, и от этого ночь казалась еще темнее. Скоро Илюша совсем выбился из сил, потерял направление, заблудился.

— Однако все пропало,— в отчаянии прошептал он, сжимая в руке коробок спичек.— Как я теперь выберусь отсюда? Как?..

Он сел на дерево, обхватил дрожащие от напряжения колени и бессильно склонил голову.

36. ШАТЕРКИН ИДЕТ ПО СЛЕДУ

В Рыбаках капитана Шатеркина встретила первая неудача: Тагильцева там не оказалось.

По свидетельству тринадцатилетнего хакаса Ольки, два дня тому назад со двора Оспана на рассвете вы-

ехала пароконная подвода. Олька, как и большинство мальчишек, оказался пареньком приглядистым, с надежной памятью, и поэтому он столько наговорил всяких подробностей о седоках подводы, что капитану не составляло труда сделать вывод: «Пока все идет как надо, ничего страшного... Важно, что они встретились и вместе уехали в тайгу...» Но Олька, кроме известных Шатеркину лиц, назвал еще Илюшку и старого штейгера. Капитан сейчас ломал себе голову догадками, что это за люди и каково их отношение к преступникам? Ольку же так заинтересовали вопросы Шатеркина, что он без колебаний предложил себя в спутники и клялся отсечением своей головы, что он разыщет их хоть на краю света. Но капитан к предложению Ольки отнесся безразлично и сказал, что эти люди ему совсем не нужны, в тайгу он не собирается, потому что приехал в Рыбаки по другим делам, а спрашивал об этих людях так просто, любопытства ради. На этом разговор был закончен, а Олька в заключение получил от Шатеркина шоколадный батон в нарядной обертке.

Поздно вечером маленький и зеленый, как болотная стрекоза, самолетик лесной авиации сделал над тайгой несколько широких кругов — это была разведка. По костру, который хорошо был виден с самолета, можно было судить, что Вепринцев и его проводники идут по направлению к Заречной сопке. Эти сведения не только успокаивали Шатеркина, но и укрепляли в нем уверенность — Тагильцев действует правильно. После этого капитан уже не сомневался, что встреча, которая намечена в районе Заречной, состоится.

Утром Шатеркин покинул маленький таежный аэродром лесной авиации, где он устроился на временное жительство, и вместе со своими спутниками — милиционером Байкаловым и Рифом — отправился в далекое путешествие.

Уже на третьем часу пути Шатеркин по-настоящему почувствовал усталость. Тайга была неприветлива и сурова. С большим трудом приходилось продираться сквозь мокрые и колючие заросли мелколесья. Куда девалась гордая осанка Рифа — он был смешон и жалок. Шерсть на нем была мокрая, от этого он казался страшно худым и походил скорее на борзую собаку, чем

на овчарку. Зато милиционер Байкалов шел уверенно и неторопливо. Он не глядел ни на карту, ни на компас, как это часто делал Шатеркин, а только изредка — на небо и на кряжистые стволы деревьев, словно выбирал подходящую для хозяйства лесину.

— Правильно мы идем?— спросил Шатеркин, нарушив созерцательное настроение Байкалова.

— Идем по курсу, товарищ капитан, не сомневайтесь,— ответил Байкалов, взглянув прищуренным глазом на неяркое, затуманенное дымкой солнце.— Эти места нам хорошо знакомы. Партизанские дорожки... В девятнадцатом с командиром Щетинкиным здесь проходили. Много лет на здешних приисках руду добывал, был и забойщиком, и коногоном, всякую работу привелось испытать.

Ноги Шатеркина были непослушно тупые. Капитан напрягал всю свою волю для того, чтобы не отставать от Байкалова. Он знал, что где-то близко должна быть старая рудничная дорога, вчера здесь горел костер, обнаруженный с самолета, и поэтому он все чаще заглядывал в карту, а Байкалова предупредил об осторожности.

Наконец они спустились в неглубокую падь, по которой когда-то проходила наезженная дорога, и остановились на невысоком холме. Это было место вчерашней ночевки Вепринцева. Шатеркин сразу почувствовал, что усталость его исчезла. Он кинулся к потухшему костру — зола еще не успела остыть, пахло дымом и рыбой. Капитан осмотрел остатки пищи, клочки бумаги, окурки — все как обычно, ничего подозрительного.

— Долго ли вам осталось путешествовать, господа воры?— произнес он.— Думаю, очень скоро мы встретимся...

Тем временем Байкалов обследовал старую дорогу и доложил свои наблюдения.

— Курс изменили, товарищ капитан.

— Как это понимать?!

— Вот этого я не знаю,— не спеша свертывая сигарку, ответил Байкалов.— Взяли направление не на Заречную, а в сторону и пошли не по дороге, а напрямик, тайгой.

— Может быть, они нашли кратчайший путь?

— Нет. На Заречную тем путем они не попадут.

Шатеркин задумался. Если бы это случилось в городе, он, вероятно, сейчас же нашел бы какой-нибудь выход. Здесь же он ничего не мог придумать.

— Ударимся в ту сторону, на кордон,— сказал Байкалов, указав толстым обкуренным пальцем направление,— оттуда мы скорее их перехватим и опять же оттуда с районом легче связаться...

Солнце уже село; потянуло болотом, прелой травой; тайга погрузилась в туманные сумерки. Но они все еще шли склоном горы, по неостывшим камням, по жесткому брусничнику, по хрупким мхам. В одном месте спустились стайку черных линялых ворон.

Когда все вокруг потемнело и трудно стало идти, они решили сделать привал. Байкалов сейчас же начал раскладывать костер, но Шатеркин остановил его.

— Придется ночевать без огня,— сказал он.

— В тайге без огня?— удивился Байкалов.

— Да, да... Огонь ведь не только греет, но и светит. Зачем же мы будем выдавать себя.

— Пожалуй, правильно...

И только они приступили к своему скромному ужину, как где-то в горах завыл волк. Байкалов насторожился, поднял палец.

— Ага, чуете?

— Я думаю, что для нас это не страшно,— не отрываясь от еды, ответил Шатеркин.— У нас Риф, электрические фонари, оружие...

Звериный вой между тем подкатывался все ближе и ближе. Теперь уже не один волк, а по крайней мере два или три подавали свои голоса.

— Это они, однако, нас зачуяли... А скорее всего тебя, неумытое рыло,— проговорил Байкалов, потрепав Рифа.

Все вокруг потемнело, только огненно-красная кромка зари еще лежала на вершине хребта, но и она с каждой минутой тускнела, как полоса железа в потухшем горне. Риф лежал у ног Шатеркина и заметно беспокоился: поднимал голову, к чему-то принюхивался, настораживал уши, тонко повизгивал. Шатеркин успокаивал его:

— Эх ты, дурень, волков испугался...

Но Риф вел себя так же подозрительно и настороженно.

Байкалов снял свой автомат с толстого сучка пихты, проверив его, положил возле себя.

— Однако так будет надежней.

Внезапно на противоположном склоне крутой и темной горы показался огонь, вначале робкий и бледный, как отблеск далекой зарницы, потом ярче, выше, и уже через минуту кражистый столб огня взвился вверх—на склоне горы запылало одинокое сухостойное дерево.

Шатеркин с тревогой и недоумением глядел на это загадочное зрелище.

— Вот видите, товарищ капитан, хоть и глухомань, а похоже, и здесь живые люди имеются. Какие-нибудь поисковики или старатели колобродят...— резюмировал Байкалов.— Я полагаю, что все это ввиду волков... Как вы ни говорите, а огонь для них—большой страх.

— Да-да, это правильно...—рассеянно произнес капитан; но думал он не о волках, а о другом: «Неужели они так быстро продвинулись за сегодня, что опередили все наши расчеты?.. Может быть, вчера мы видели не их костер, а каких-нибудь старателей, как говорит Байкалов? Ничего не понимаю: если это они, зачем им понадобился такой огромный, бессмысленный костер?..»

Шатеркин поднялся, прислонился к дереву и стал вслушиваться в полную тайных звуков ночь. А огонь разгорался все ярче—будто золотой тканый узор отпечатался и трепетал на черном бархате. «Красиво горит... Но надо проверить как-то, осторожно подобраться... Если только это они, нам сейчас же необходимо сниматься отсюда, пока мы не обнаружены...»

— Как вы думаете, товарищ Байкалов, это они?..—тихо спросил Шатеркин, подсаживаясь к проводнику.

— Не может того быть, товарищ капитан.—Байкалов поглядывал по сторонам, не выпуская из рук автомата.—Вот я думаю про волков, товарищ капитан, с чего бы им в настоящий момент быть, а?

— Вам лучше знать, вы таежный человек, охотник.

— То-то и есть,— энергично мотнул головой Байкалов.— Летом волк голос подает редко, очень редко, и человека опять же он должен сторониться — так я рассчитываю... Может, падаль где зачуял, а? Вороны тут поблизости почему-то оказались...

Однако Шатеркин, следя за поведением Рифа, нисколько не сомневался, что там, на горе, были люди.

— Придется проверить наши догадки,— прервав размышления Байкалова, сказал он.

— Проверить так проверить, это можно...

Оставив на месте стоянки все свои лишние вещи, они, соблюдая величайшую осторожность и замирая при каждом потрескивании валежника под ногами, пересекли лощину. В потемках идти было тяжело, мешала высокая, в рост человека трава, смоченная росой. Риф изо всей силы тянул сворку, часто запутывался в зарослях, и тогда приходилось останавливаться и высвобождать его. С горящего дерева ветерок срывал искры и серые хлопья пепла. На краю небольшой поляны они остановились, тяжело дыша от быстрой напряженной ходьбы. Здесь было светло, обдавало горячим дыханием костра; впереди, в тридцати метрах, пылало дерево. Риф еще больше забеспокоился.

Короткими, быстрыми перебежками они добрались до большого валуна, лежавшего недалеко от дерева и, укрывшись на теневой стороне, стали прислушиваться. Вокруг — никаких признаков человека.

— Что-нибудь видите?

Байкалов расстегнул ворот гимнастерки, туго давивший шею, вздохнул.

— Тут всё на виду — пока ничего нет...

Шатеркин спустил Рифа. Пес, не обращая внимания на искры, на огонь, кинулся прямо под дерево, потом — в сторону, на минуту исчез в дымящейся и кое-где тлевшей траве и вдруг подал короткий сердитый голос.

— Там человек! — предупредил Шатеркин и, хоронясь за камнями и стволами деревьев, побежал за собакой. В некотором отдалении с автоматом на изготовку бежал Байкалов.

В неглубокой вымоине, привалившись спиной к сосне, сидел человек. Одежда на нем была порвана в клочья. Сидел он неподвижно, ко всему безучастный. Он просто спал, выбившись из последних сил. Это был Илюша.

Риф торопливо обнюхал его ноги, лизнул руку, в которой был зажат нож, и отрывисто твякнул.

— Кто?.. Кто это?— испуганно вскрикнул Илья, вскочив на ноги и прижимая к груди свое единственное оружие — нож.

— Кто вы такой? — строго спросил капитан. — Как вы сюда попали?

— Я?.. Человек, конечно, — грубо бросил Илюша.

— Это мы видим.

— Илья Тагильцев меня зовут, — ответил Илья, и в его глазах блеснула слабая надежда. — А вы, кто вы такие?.. Почему вы с автоматом и с такой собакой?.. Ведь это овчарка...

Как только Шатеркин услышал эту фамилию, он понял, что этот человек как-то связан с делом, по которому он сам оказался здесь.

Капитан приказал Байкалову убрать автомат, Илюша спрятал за пояс нож.

— Вы, кажется, заблудились, молодой человек? — спокойно спросил капитан. — Я готов помочь вам, но вы должны мне рассказать, что с вами случилось.

— Заблудился я и заночевал здесь.

— Товарищ капитан, его бы приодеть во что-то, дрожит он, — заметил Байкалов.

— Вы капитан?! — рванувшись с места, воскликнул Илюша. — Значит, вы капитан... Наверно, тот самый, к которому меня послал Семен Тагильцев?..

— Семен?

— Да, Семен Тагильцев, — повторил Илюша. — Это мой родственник, он там, с геологами.

Шатеркин крепко пожал руку Илюши.

— Если вас послал Семен, то вы не ошиблись — я капитан Шатеркин, будем знакомы...

37. У ПОДНОЖИЯ СЧАСТЬЯ

В лагере было напряженно и тоскливо. Оспан, понурив голову, сидел на куче камней и время от времени приглядывался к черной щели, зиявшей в гранитной стене хребта. Он все ждал, что Илюша вот-вот вернется, но напрасно... «Эх, Илюха, Илюха, еловый сучок, бить тебя, варнака, некому, — сердито хмурил старик

редкие и жесткие как щетина брови.— Купаться ни свет ни заря вздумал!.. Ну купался бы на здоровье у берега... Так нет, где там — давай на середину полезу, по бревнам поскачу... вот горе какое...»

Тагильцев тоже заметно нервничал; вся надежда теперь на Илюшу — удастся ли ему разыскать капитана Шатеркина.

— Напрасно ждете, — насмешливо и грубо пробасил Вепринцев, заметив подавленное настроение своих спутников. — Это будет великолепное блюдо на завтрак сибирским акулам. Я говорил, что этот желторотый шалопаи плохо кончит. Он был слишком уверен в себе — плохая черта. — Все промолчали. — Мы приехали сюда не на приятный пикник, не любоваться прелестями природы, а работать. Да-да, ра-бо-та-ть! — крикнул Вепринцев. — А у вас в головах бродит черт знает что. Сегодня из-за этого Илюшки мы потеряли полдня. Я не могу больше допустить... не могу позволить такой роскоши, — Вепринцев не скрывал раздражения. — Не могу! И мне чтоб больше не хныкать!..

Вепринцев поднялся, поглядел из-под ладони на солнце, потом на свои давно не проверявшиеся часы и сказал властным тоном:

— Скорей доедайте вашу похлебку... Вооружайтесь лопатами, кирками — и за дело. — Он помолчал, привычно подтянул брюки и, заметив, что все смотрят на него и чего-то ждут, добавил: — Сегодня, друзья мои, мы должны обследовать здесь старую выработку, взять пробы породы, песка. Я решил, что мы сейчас же приступим к этой работе...

Забрав все необходимое, они снова тронулись в путь. Вокруг стояла древняя нетронутая тайга. Огромные, в три обхвата лиственницы и кедры могучими великанами возвышались над густым, местами непроходимым подлеском. Мягкие, изумрудно-бархатные мхи укрывали парную, истомившуюся по свету землю. Под ногами то и дело похрустывали сахарно-белые мохнатые шляпки груздей — их было множество.

— Эй, старик, может быть, мы все же найдем где-нибудь тропинку? — крикнул Вепринцев Оспану, тяжело дыша и потирая глубокую свежую царапину на щеке. — На этих проклятых сучках можно оставить в качестве елочных украшений собственные глаза.

— Однако нет, парень...— отрицательно мотнул головой Оспан.

— Что вы, Павел Иванович!— вмешался Гурий.— Авторитетно заявляю: здесь лет тридцать с гаком ноги человеческой не было. Нехоженные места.

— Да-да...— поддержал Оспан,— зверь и тот сюда редко заходит: сырость, солнца мало. Сохатый, правда, бывает, попадаетеся...

— Одних только нас, дураков, нелегкая потащила сюда,— выругался Стриж, тащившийся позади всех.

— Не понимаю, как мог ты попасть на эту работу?— зло засмеялся Вепринцев.— Я давно говорю, что тебе только где-нибудь на бойком месте торговать капустными пирожками.

— Ну, это была бы самая большая ошибка торговых работников,— повеселел Стриж.— Кроме чистого убытка на пирогах они бы еще не досчитались одного лотка.

— Мне кажется, деревянный лоток никак не уместился бы в твоей тощей утробе.

— Я бы нашел ему подходящее место,— засмеялся Стриж.— В умелых руках обыкновенный деревенский ухват запоеет, как скрипка.

Несмотря на трудный путь, Вепринцев сегодня чувствовал себя легко и бодро. Только удручающее молчание Тагильцева и Оспана начинало его тревожить. Оспан на коротком привале, угрюмо посасывая трубку, высказал догадку, что Илюша, если только он не утонул и не разбился о скалы, мог уехать в улус за свежим хлебом, которого у них почти не осталось. Если догадка старого охотника успокоила Гурия и даже Стрижа, то Вепринцева она немного встрезжила: он совсем не хотел, чтобы еще кто-то узнал об их путешествии.

— Клянусь честью уважаемого штейгера, что на обратном пути мы будем питаться, как Адам и Ева, соблазнительными плодами природы: лесными ягодами и грибами...— громко засмеялся Вепринцев.— О хлебе будем только мечтать... Ягоды едим, а хлеб— в уме, не так ли, друзья мои?

Наконец они подошли к подножью заброшенной выработки. Здесь когда-то велась старательская добыча.

Под горой, в гряде камней, успевших зарости ракитником и рябиной, стояли как попало старые, сгнившие двуколки, коробка, валялись изъеденные глубокими ранами горняцкие лопаты, тяжелые кайлы, старательские лотки, обрезки ржавого железа. Немного поодаль когда-то стоял бревенчатый сруб, но он давно рассыпался в прах и густо зарос двухметровым бурьяном.

Вепринцев шел напролом. Кустарники и ветви деревьев рвали на нем одежду, царапали тело, но он, казалось, потерял чувствительность. Даже кровоточащие ссадины на лице будто не причиняли ему боли. Никогда раньше он не испытывал такого волнения, как сейчас. «Видно, старею...— подумал он.— Пора бы и мне по-человечески отдохнуть где-нибудь на золотистых пляжах Сан-Ремо или Савоны, полежать и понежиться под сенью олив, поразвлекаться... Ничего, я думаю, скоро это случится, очень скоро... Вот мы уже стоим у подножья огромного счастья. Ждете ли вы своего доброго хозяина, милые скровища?..»

С сухой надломленной вершины пихты, тревожно крикнув, сорвался большой черный дятел. Вепринцев вздрогнул, остановился. И вдруг он заметил, как из чащи выскочил худой серый заяц, растерянно заметался под горой и, прижав уши, пустился навстречу путникам. Наскочив на Гурия, шедшего стороной, он остановился, встал на задние лапы, затем круто скакнул влево и широкими легкими прыжками пересек дорогу Вепринцеву.

— Фу, чертова скотина!— сквозь зубы проворчал Вепринцев и разразился руганью.— Заяц?.. Это самая отвратительная примета. Надо сейчас же вернуться назад! Нет-нет, назад нельзя. Лучше остаться здесь где-нибудь в кустах и до утра сделать отдых... О Ксаверий! Не забудь, дорогой, в своих молитвах вспомнить мою грешную душу... Ух ты же мне, косой дьявол!— погрозил он кулаком в ту сторону, куда ускакал перепуганный заяц...

38. ДОРОГА В НОЧЬ

— У меня и раньше были догадки, почти сразу же, как мы выехали из Рыбаков...— Илюша торопливо от-

хлебнул глоток крепкого горячего чая, налитого Байкаловым из термоса.

— Продолжайте, я слушаю, только потише,— отозвался из темноты Шатеркин.

— Но кроме догадок у меня тогда ничего не было... Я рассказал обо всем Семену Тагильцеву и предложил ему такой план: сейчас же задержать их и доставить куда полагается... Он не согласился и еще знаете как на меня, ого...

— Он был прав, что с вами не согласился, — спокойно и твердо сказал капитан.— Если вы не располагаете абсолютно достоверными фактами, задерживать никого нельзя.

— То, что мне довелось услышать в эту ночь, открыло глаза на все... Я понял, что мы их сообщники, мы помогаем им в совершении какого-то преступления, и поэтому я не мог больше ждать.

— Я хорошо понимаю вас, Илюша. Всякий честный советский человек на вашем месте поступил бы точно так же,— поспешил Шатеркин успокоить юношу.

— Этот Павел Иванович, по-моему, диверсант. Он, знаете, такой нахальный и страшный и говорит как-то не как все... В геологии он ничего не понимает,— об этом мне и дядя Гурий — штейгер наш — рассказывал... Он, товарищ капитан, даже шахты боится, я сам это видел, честное слово...

Несмотря на внимание, на теплоту, с какой к нему относились Шатеркин и Байкалов, Илья был еще очень взволнован. На нем уже не висели обрывки изодранной, в кровавых пятнах рубахи — его переодели в темно-синюю гимнастерку Байкалова, раны и ссадины смазали иодом.

— Ты, парень, поел бы сперва, а потом уже и руками помахать можно,— отечески поучал Байкалов, приглядываясь в потемках к Илюшиной жестикуляции.— Хлеб кусай как следует, в нем, однако, поболее крепости, чем в этих консервах. Не люблю вот я их, душа к ним не расположена, лучше уж кусок солонины, чем они...

За ложиной на склоне горы медленно догорало дерево, подожженное Илюшей. С легким треском отваливались от него огненные куски, осыпались искры, и тогда короткими бледными вспышками озарялись строгие лица собеседников. Илюша теперь молчал и поедал все,

что ему подкладывал Байкалов. Шатеркин не спеша курил, пряча в кулаке оранжевый светлячок папиросы. Капитан только теперь по-настоящему понял значение того, что сказал ему перед отъездом полковник Павлов: «Вам придется действовать не в родном городе...» Да, он и тогда хорошо понимал это, а сегодня еще раз убедился, что тайга — не городская улица, не тенистый городской парк. И если бы не отчаянный риск этого молодого хакаса, судьба жестоко посмеялась бы над ним. Однако капитан сегодня с удовлетворением отметил, что расчеты их — его и полковника Павлова — реальные, а главное — он не ошибся в Тагильцеве. Это было лучшим вознаграждением ему за все трудности, которые он уже перенес.

— Вы уверены, что они дошли до того места, которое их интересовало? — затоптав окурок, спросил Шатеркин.

— Конечно, и я вместе с ними дошел до этого места... Мы были уже у цели.

— А какой дорогой вы шли? Там, наверно, внизу?.. — неожиданно спросил Байкалов.

— Нет, — отрицательно тряхнул головой Илюша. — Дед Оспан провел нас через пещеру. Ох, какая это красота: настоящий подземный дворец! Как в сказке... И когда мы потом вышли и остановились на небольшой полянке, он указал нам три сопки: они стоят в логу, речка там еще такая шибко извилистая да порожистая, а какая тайга кругом — страх берет... Павел Иванович как поглядел, обрадовался, до этого охал, злой был, как волк, а тут все забыл, повеселел.

— Мне все ясно, товарищ капитан, — поднимаясь, сказал Байкалов. — Догадка у меня такая была.

— Что же вам ясно.

— А вот что: на Заречной делать нам нечего, они вышли к Оленьему ложку... нам надо спешить.

Капитан давно готов был к этому открытию. Нужно было не спеша обдумать и решить, что предпринять дальше.

— Я теперь ни на шаг от вас не отстану, товарищ капитан, — поднявшись вслед за Байкаловым, решительно заявил Илюша.

— Но хватит ли у вас сил, Илюша? — усомнился Шатеркин. — Вы немало пережили и трудностей и стра-

ха за эти несколько часов, может быть, достаточно и этого?..

— Нет-нет... я не боюсь никаких трудностей,— настаивал он.— Во что бы то ни стало я должен привести вас к этим трем сопкам. Сил хватит.

— Эту дорогу, сынок, и я хорошо знаю, но как бы то ни было, в четыре глаза куда лучше видишь,— сказал Байкалов.— Да и там, однако, поработать придется, а?

— Несомненно придется поработать,— задумчиво ответил капитан.— До рассвета мы должны быть на месте...

Когда они собрали свои дорожные вещи, над лохматым черным хребтом засветился месяц; он был кривой и острый, словно турецкий ятаган, занесенный над спящим воином. Тьма отступила, веселее замерцали редкие звезды на холодном небе. Дорога в ночную тайгу была открыта.

39. ПРОСЧЕТ «КОЛУМБИЙЦА»

Близкое знакомство с выработкой началось только утром. За ночь так все продрогли, что рассвета ждали, как избавления: поскорее хотелось расшевелить онемевшие кости, разогнать кровь, обогреться. Особенно трясло Стрижа, не привыкшего к походной жизни.

Вепринцев так и не смог уснуть. Этот несчастный заяц испортил ему настроение, он и сейчас вспоминало нем со скрежетом зубов. «Надо было тут же убить эту бесхвостую тварь...»

Ночью Вепринцев молился, упрасивал своего покровителя Ксаверия до конца сопутствовать ему в этом рискованном деле.

На своих спутников теперь он покрикивал, как плантатор на чернокожих рабов.

— Эй ты, пьяная крыса! — крикнул он штейгеру. — Сколько же в этой каменной горе навертели дырок старатели?

— Это шурфы, что ли, Павел Иванович?

— Ты мне лучше скажи, где удобней и безопасней спуститься в шахту?

— Я думаю, лучше всего попасть туда по западной штольне...

Вепринцев поглядел на окутанную туманом гору, по которой они с трудом поднимались.

— А почему ты так думаешь?

— Боюсь, Пал Иванович, что северная штольня разрушена. К ней близко подступает болото.

— Пожалуй, да... На этот раз ты, может быть, прав, не спорю.

У входа в штольню Вепринцев приказал остановиться и сделать короткий привал. И пока все отдыхали, пригревшись на солнце, он задумчиво ходил по склону горы, часто останавливаясь то у одного камня, то у другого. Оспан, проводив взглядом Вепринцева, подумал: «Чудной же этот геолог, страсть чудной, вроде как бы малость и ненормальный». Отвернувшись, добыл из кармана брезентовой куртки завалявшуюся корочку хлеба, обдул с нее пыль и принялся от нечего делать жевать. Вспомнил он вчерашнего зайца. «А ведь его, косого, кто-то пугнул, бежал уж больно прытко. И как бежал?.. Не от нас, а нам под ноги, совсем окосел, язва. Может, зверь гонялся?..»

Но Оспан умолчал об этом. «А ну их к богу. Вроде не инженеры, а прощелыги какие-то: ругаются... Что я, подвластный им?.. И зачем только связался с ними? Пусть бы одни по тайге походили. Все это Семен попугал».

Вепринцев остановился, закурил и, привалившись плечом к стволу кедра, задумчиво поглядел по сторонам.

— Н-да, все, кажется, идет нормально, как по нотам. Это та самая выработка. А вот и большой бурый камень у входа в штольню. Справа — другой, поменьше и серый... Нет, это мне решительно нравится. Это она, она!.. — Вепринцев готов был кричать от радости. — А что же дальше болтал этот дурасовский сопляк? Сейчас мы все проверим, все...

Он бросил окурок, ожесточенно сплюнул и побежал.

— А ну, дармоеды! Довольно разогревать свои кости, за дело! Сейчас мы прощупаем, чем начинена эта гора.

Теперь не штейгер Гурий, а он, Вепринцев, первым пошел вперед по узкой сырой штольне, навстречу

тьме и студеному ветру. Штейгер шагал рядом и едва поспевал за ним.

— Поостерегитесь, Пал Иванович! Слева кровля обрушена.

Веprinцев даже не повернул головы. Он весь был во власти лихорадочного азарта. Будто впереди, в крошечной тьме, кто-то бежал и хотел опередить его, захватить клад, лишить его счастья и радости. Он рвался вперед изо всех сил, по лицу его, покрытому смолистой копотью, струился пот; глаза были страшны. Веprinцев кидался от стены к стене и, как одержимый, несвязно бормотал:

— Раз, два, три, четыре... Тридцать два ровных шага от углубления в левой стене... И дальше должен быть штрек вправо... Ага, оказывается, я хорошо помню все, что говорил этот развращенный младенец. Это великолепно!.. О блаженный Ксаверий! Ты же в свое время был добрым иезуитом и неплохо послужил папскому престолу, так послужи и мне, дружище!.. Вот и штрек!.. Нужно пройти еще десять шагов. Раз, два, три.. Камень?.. Где этот камень? Ага, вот он! Вот он!..

Веprinцев больше не мог стоять на ногах, он устал, опустился на колени и, обхватив обеими руками большой округлый камень, прижался головой к его ледяной ноздреватой поверхности. «Вот я и нашел тебя! Как хорошо... Столько лет недвижимо и прочно лежишь на своем месте. О, это прекрасно!..»

Он сидел в обнимку с холодным гранитом и уже, кажется, ни о чем больше не думал: он достиг цели. Подошли остальные. К Веprinцеву снова вернулось состояние активности, он вскочил на ноги.

— Ага, вы уже здесь?! Нельзя так далеко отставать, друзья мои, нельзя...— Воткнув свой факел в расщелину и сбросив куртку, Веprinцев взялся за лопату.

— Здесь, на месте этого камня, пробьем шурф,— сказал он строго и деловито, как полководец, вступивший на побежденную землю,— это самое подходящее место...

Камни со свистом и скрежетом срывались с его лопаты и, гремя, летели по сторонам. Стриж и Гурий работали кирками. Оспан откатывал в сторону крупные

камни, чтобы они не мешали забойщикам и не скатывались назад. Тагильцев в обеих руках держал факелы и освещал еще не глубокую яму. Тускло-желтые огни факелов, словно глаза пещерных чудовищ, подслеповато глядели из клубистой тьмы.

— А ну, Оспан, покидай немного,— крикнул Вепринцев, бросив ему свою лопату.— Мудрецы говорят, что такая работа очень полезна на старости лет.— Он громко захохотал и выпрыгнул из ямы.— Воды у нас нет?— спросил он Тагильцева.

— В моей фляжке всегда есть «нз»... фронтальная привычка.

— Дазай сюда на расправку твою фронтальную привычку.

Вепринцев одним духом опорожнил флягу и сел на корточки перед ямой. «Глубина сто двадцать сантиметров... Еще далеко, но надо быть наготове»...

— А ну, веселей! Что вы как ленивые черепахи возитесь...

Стриж уже еле дышал, он сбросил с себя даже рубашку. Худое ребристое тело его в трепетном полумраке напоминало меха старой гармошки. Он редко опускал тяжелую кирку, сопровождая каждый удар хриплым вздохом.

Вепринцев опять прыгнул в яму, выхватил из рук Оспана лопату и с ожесточением стал кидать породу. Вот его лопата звонко скоротнула о камень и отскочила.

— Ага, камень!..— дрожащей от напряжения рукой он смахнул повисшие на бровях черные капли пота. «Конечно, это тот последний камень, о котором говорил Дурасов... Под ним и должны быть мешки.

Тихо шипели смолевые факелы, воткнутые в щели; с них, легко потрескивая, срывались огненные брызги. Густой огненно-бурый мрак клубился над ямой, в которой, как в котле, копошились черные фигуры людей. А Вепринцев все подгонял, все подбадривал и сам, обливаясь потом, махал тяжелой горняцкой лопатой. Он ничего не видел перед собой, кроме этих проклятых камней, кроме этой ямы. Он не заметил, как следом за ними под свет тех же факелов, в штольню вошли трое с собакой и тотчас растворились во тьме. Здесь, под землей, Вепринцева не преследовали ни сомнения, ни

страх. Вот он, напряженно сторбившись, сдвинул с места большой черный камень с тупыми углами — под руку попал смазанный медвежьим салом мешочек, другой, третий...

— Неужели клад?!— растерянно произнес Гурий.

— О-о, ты догадлив, старина,— ты, кажется, не ошибся... Но мы это должны еще хорошенько посмотреть...

И вдруг в то время, когда Вепринцев, дрожа от волнения, вытаскивал из-под камня аккуратные кожаные пудовички, ему в глаза ударил ослепительно-белый поток горячего света.

— Что за игрушки, Семен!— крикнул Вепринцев, закрывая ладонью глаза. Но сильный и прямой луч, как острие шпаги, припирал его к стенке, к холодным черным камням.

И в это время Вепринцев увидел то, что заставило его вздрогнуть: на краю ямы, словно окаменевшая, стояла огромная овчарка. С удивительной легкостью он кинулся к своей куртке, но Тагильцев опередил его, а овчарка, вздыбив на хребте шерсть, злобно зарычала и перед самым его лицом звонко лягнула зубами.

— Опоздали!— прозвучал из темноты чужой голос. Капитан Шатеркин стоял в черном комбинезоне у стены штольни, в одной руке у него был фонарь, в другой — тяжелый автоматический пистолет, наведенный на Вепринцева.

— Кто вы такой?!— закричал Вепринцев.— Прекратите или я уничтожу вас, как последнюю тварь!

— Напрасно волнуетесь,— с иронией ответил Шатеркин.— Ваше оружие у нас... А я тот самый, которого в этот момент вы больше всего не хотели бы видеть.

Илья подошел к яме.

— И ты здесь!..— прохрипел Вепринцев, ожесточенно скрипнув зубами.

— Спокойно!— строго приказал Шатеркин.— Золото мы откопаем и без вашей помощи.

Лихорадочный озноб охватил Вепринцева, он почувствовал, как из-под ног поползли в разные стороны камни, обхватил дрожащими руками воспаленную голову и со стоном упал на колени.

— Проклятье!— хриплым голосом произнес он.— Какая насмешка судьбы.— Его обескровленные потрес-

кавшиися губы торопливо зашевелились — он стал молиться. Он еще верил в чудотворную силу латинского креста, верил в покровительство иезуита Ксаверия. Это все, что он теперь мог делать.

— Вот тебе и товарищи геологи, — оправившись от испуга, сказал Оспан. — Попались, стало быть, вот и хорошо, — старик с облегчением поглядел на Илюшу, потом перевел взгляд на Рифа и погрозил ему пальцем. — Это, выходит, ты, сукин сын, вчера зайца-то выгнал? А я-то думал, зверь забрался сюда...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Капитан милиции сдает экзамены	3
2. Труп под черемухой	9
3. Добровольные сыщики	19
4. Гильза от „Вальтера“	24
5. А что скажут эксперты?	29
6. На поиски белокурой девочки	33
7. Цель достигнута	38
8. Архивариус Керженев	43
9. Чужой след ведет на пасеку	48
10. „Лед тронулся!“	54
11. Заключение криминалистов	60
12. Письмо Керженевой	66
13. Кто преступник?	71
14. Знакомство с Тагильцевым	76
15. Еще одно преступление	82
16. Таинственные знаки	87
17. „Благочестивый колумбеец“	94
18. Допрос Онучина	102
19. Мальчишки продолжают действовать	106
20. Старший лейтенант Котельников торопится	114
21. Кто такой Лукашка?	117
22. Профессор Данилин вспоминает прошлое	119
23. Неожиданное сообщение Онучиной	125
24. Тайна одного клада	129
25. Ошибка Котельникова. Шатеркин получает новое задание	135
26. Удивительное совпадение	141
27. Мирная профессия	149
28. Зачем тебе столько золота?	153

29. Искатели клада	161
30. Первое разочарование Вепринцева	169
31. Смертельная опасность	178
32. Путь под землей	186
33. Тагильцев открывает тайну Илюше	195
34. Илья принимает решение	200
35. На звериной тропе	204
36. Шатеркин идет по следу	208
37. У подножия счастья	214
38. Дорога в ночь	217
39. Просчет „колумбийца“	220

Кислов Константин Андреевич

**ПУТЬ НА ОЛЕНИЙ ЛОЖОК
(Приключенческая повесть)**

Гослитиздат УзССР — Ташкент — 1959

Редактор *Л. Левина*
Худ. редактор *Г. Остапенко*
Техредактор *Л. Ильина*
Корректор *О. Землянская*

* * *

Сдано в набор 6/V 1959 г. Подписа-
но к печати 18/VII 1959 г. Формат
84×108^{1/2}_{ар.} 7,125 печ. л. 11,69 усл.
печ. л. Издат. л. 12,4 Индекс 0/ю.
Р 02491. Тираж 30000. Государственное
издательство художественной литера-
туры УзССР. Ташкент, ул. Навои, 30.
Договор 310 — 57.

* * *

Типография № 1 Главиздата Мини-
стерства культуры УзССР. Ташкент,
ул. Хамзы, 21. 1959 г. Заказ № 909.
Цена 4 р. 70 к.

13

4р 70к.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕБНИК